

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2016 г., том 23, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Зверев В.А. Динамика воспроизводства городского населения в регионах Азиатской России начала XX в.	5
Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны	12
Гонина Н.В. Типология как метод конкретно-исторического исследования городов Ангаро-Енисейского региона во второй половине XX в.	18
Коробейникова Н.С. Изменение статистических форм текущего учета брачно-семейного аспекта в период 1950-х – середины 1960-х гг. на материалах Западной Сибири	23
Бурматов А.А. Население Омской области в 1950–1970-е гг.	27
Араловец Н.А. Брачное поведение российского населения в 1960–1970-е гг.	35
Дашинамжилов О.Б. Демографическое развитие городского населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: особенности динамики половозрастного состава	40
Славина Л.Н. Рождаемость в красноярской деревне в контексте общероссийских демографических процессов (1990–2000-е гг.)	46

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Цыплаков Д.А. Генезис постсекулярности в России: историко-социальные аспекты	53
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Закон 1898 г. о крестьянских и «иногородческих» начальниках Сибири (обсуждение и разработка)	58
Татарникова А.И. Санитарное состояние и благоустройство «провинциальных столиц» Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: традиции и новации	64
Ильиных В.А. Землеустройство в Сибири в условиях нэпа: выбор оптимальной формы	70
Быстрова И.В. СССР и США: сотрудничество на авиатрассе Аляска – Сибирь (1941 – 1945 гг.)	77
Андреев С.Н. Совхозное строительство в годы «хрущевского десятилетия»: предпосылки, ход, результаты.	84
Куперштох Н.А. Академик Л.В. Киренский – организатор Института физики и Красноярского научно-образовательного комплекса	90
Демин М.А. Историко-краеведческие исследования А.П. Уманского во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.	96
Труевцева О.Н. Формы и результаты деятельности международных музеологических организаций (конец XIX – второе десятилетие XXI в.)	102
Ламин В.А., Шелегина О.Н. Актуальные формы представления научного наследия Институтом истории СО РАН	107

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иванов А.А. «Иркутянин» Иван Попов: к истории одной публикации	112
Табатчиков Н.Н. «Книга» из собрания М.Н. Тихомирова	116
Шиловский М.В. Рец. на кн.: Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.	120

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 17.03.16. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 56.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2016, vol. 23, N 1

CONTENTS

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Zverev V.A. Dynamics of Reproduction of the Urban Population in the Regions of Asian Russia in the Early XX Century.	5
Isupov V.A. On the Question of Migration Types and Their Ratio during the Great Patriotic War	12
Gonina N.V. Typology as a Method of Concrete Historical Research of the Cities in the Angara-Yenisei Region in the Second Half of the XX Century	18
Korobeynikova N.A. Changing Forms of Keeping Statistics of Marriages and Families in the 1950s- mid-1960s: On the Materials of Western Siberia.	23
Burmatov A.A. The Population of the Omsk Region in the 1950s-1970s	27
Aralovets N.A. The Mating Behavior of the Russian Population in the 1960s-1970s	35
Dashinamzhilov O.B. Demographic Development of Urban Population of Western Siberia in the 1960s-1980s: Specifics of Dynamics of the Age and Gender Composition	40
Slavina L.N. Rural Fertility Rate in the Krasnoyarsk Krai in the Context of Demographic Processes in Russia (1990-2000)	46

PROBLEMS OF HISTORY

Tsyplakov D.A. The Origins of Post-Secularity in Russia: Historical and Social Aspects	53
Dameshek L.M., Dameshek I.L. The Law of 1898 on the Peasant and Indigenous Officials in Siberia: Discussion and Legislative Drafting	58
Tatarnikova A.L. Sanitary Condition and Redevelopment of "Provincial Capitals" of Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries: Traditions and Innovations.	64
Ilyinykh V.A. Land Surveying in Siberia Under Conditions of NEP: Choosing the Optimal Form	70
Bystrova I.V. The USSR and the USA: Cooperation on the Alaska-Siberia Airway (1941-1945)	77
Andreenkov S.N. State-Farm Construction during the Khrushchev Decade: Prerequisites, Progress, Results	84
Kuperstokh N.A. Academician L.V. Kirensky as an Organizer of the Institute of Physics and Krasnoyarsk Scientific and Educational Complex	90
Demin M.A. Historical and Regional Studies of A.P. Umansky in the Second Half of the 1950s – Early 1960s	96
Truvtseva O.N. Forms and Results of Activities of International Museological Organizations (Late XIX – Second Decade of the XXI Centuries)	102
Lamin V.A., Shelegina O.N. Actual forms of the Scientific Heritage Representation by the Institute of History, SB RAS	107

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Ivanov A.A. Ivan Popov, Native of Irkutsk: History of a Publication	112
Tabatchikov N.N. The «Book» from the Fond of M.N. Tikhomirov	116
Shilovskiy M.V. "The revolution has a beginning . . ." Rec. ad op.: Kozodoy V.I. Aleksandr Ivanovich Guchkov and the Great Russian Revolution (Aleksandr Ivanovich Guchkov I Velikaya russkaya revolyutsiya). Novosibirsk, 2015. 256 p. (14,0).	120

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20160101
УДК 94(47)“1902/1914”+314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в.*

Владимир Александрович Зверев,
д-р ист. наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28,
e-mail: sosna232@yandex.ru

Цель статьи – раскрыть масштабы, общие черты и особенности естественного движения населения в городах Западной и Восточной Сибири, Степном крае, на Дальнем Востоке начала XX в. Общие коэффициенты смертности, рождаемости и прироста городского населения в этих регионах сопоставляются друг с другом и с показателями Европейской России. Показана специфика режима и динамики естественного движения населения городов в различных регионах в зависимости от состава их жителей, характера миграционных потоков, уровня связи городского населения с деревенской средой, тенденции демографической модернизации.

Ключевые слова: Европейская Россия, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Степной край, Дальний Восток, историческая демография региона, компаративный анализ, городское население, естественное движение населения, смертность, рождаемость, естественный прирост населения.

V.A. ZVEREV

DYNAMICS OF REPRODUCTION OF THE URBAN POPULATION IN THE REGIONS OF ASIAN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

Vladimir A. Zverev,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russia,
e-mail: sosna232@yandex.ru

Researchers of the reproduction of Russian population pay attention to the process of natural movement of the urban population. In the early XX century the share of urban population increased in every region. The objective of this paper is to show the quantitative parameters, general characteristics and peculiarities of natural migrations of the population in certain regions of Asian Russia in the first decades of the XX century. The author considers the chronological dynamics of the situation in Western and Eastern Siberia, the Steppe krai and the Far East; compares various regions with each other and with European Russia as a demographic center of the country. Based on the the data of the General medical inspector of the Ministry of Internal Affairs of the Russian empire (1902–1914) the author for the first time in historiography calculated birth and death rates, the rate of natural increase – number of demographic events per 1,000 population in various regions. Calculation data for all years are tabulated, particularly for the years 1902–1905, 1906–1909 and 1910–1914. the dynamics is presented in three histograms. The conclusions based upon the comparative analysis of the research findings are as follows: 1) the traditional type of reproduction of the population dominated in the early XX century in European Russia

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109.

and in all regions of Asian Russia implying high birth and death rates and modest natural increase; 2) natural population increase was more rapid in the east of the country, as opposed to the situation in European Russia where the demographic indicators began to decrease by the end of the XIX century; 3) certain signs of the first phase of demographic modernization manifested themselves in the cities of Asian Russia (e. g. reducing birth rate and especially death rate, higher rate of natural increase); 4) there were essential differences in character and dynamics of natural movement of urban population in various regions of Asian Russia depending on the population composition, intensity of migratory streams, level of communication of urban population with their rural environment.

Key words: European Russia, West Siberia, East Siberia, Steppe Region, Far East, historical demography, comparative analysis, urban population, reproduction of population, natural population dynamics, death rate, birth rate, natural increase of population.

Внимание ученых, изучающих народонаселение России новейшего периода ее истории, нередко привлекает процесс естественного движения городского населения. В эпоху урбанизации динамика именно городского населения, быстро увеличивавшего свою численность и долю среди жителей всех регионов, определяла господствующие тенденции и перспективы возобновления поколений россиян. Естественное движение населения в ряде регионов и субрегионов Азиатской России применительно к концу имперского периода рассматривали Р.И. Сифман [1], В.М. Кабузан [2, с. 96–156; 3, с. 34–37], Л.Л. Рыбаковский [4, с. 57–69] и другие ученые, не выделяя городское население. В.И. Пронин уделил горожанам Сибири больше внимания (см., например: [5]), но не учитывал жителей Дальнего Востока (кроме Якутии), не проводил систематических региональных сравнений. В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров изучали воспроизводство городского населения Западной Сибири, но сравнивали его по ряду параметров лишь с Европейской Россией [6, с. 79–93, 248–250]. Цель настоящей статьи – в ходе компаративного анализа раскрыть количественные параметры, общие черты и особенности воспроизводства населения городов в различных регионах Азиатской России в начале XX в.

Зауральская часть Российской империи разделена в данном случае на несколько частей. Западная Сибирь рассматривается в существовавших в изучаемый период административных границах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской области. Восточная Сибирь охватывает Енисейскую и Иркутскую губернию, Забайкальскую область. Степной край ограничивается Семипалатинской и Акмолинской областями (последняя нами учтена дважды – в составе и Западной Сибири, и Степного края, поскольку бесспорную границу между этими двумя регионами провести невозможно). Выделен также Дальний Восток в пределах Якутской, Амурской, Приморской областей и о. Сахалин. В составе этого региона учтены также Камчатская область, выделенная из Приморья в 1909 г., и Сахалинская область, учрежденная в том же году в северной части острова.

В качестве эталона при сравнении динамики воспроизводства населения в зауральских регионах мы привлекаем Европейскую Россию, всегда являвшуюся демографическим центром страны и сравнительно хорошо изученную в историко-демографическом плане. В трудах А.Г. Вишневского и его коллег (см., например: [7, с. 160–163]), Б.Н. Миронова [8, с. 96–137] и других ученых ситуация Европейской России, в том

числе характер естественного движения населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. В некоторой степени это оправданно, ведь к западу от Урала проживало более 90 % россиян. Однако все же европейская часть – далеко не вся страна, демография восточных окраин имела свои особенности, и мы это увидим далее на примере исторической динамики воспроизводства городского населения.

Хронологически статья охватывает период 1902–1914 гг., относительно которого по городскому населению всех губерний и областей Российской империи, в том числе зауральских, имеются необходимые для демографических расчетов ежегодные статистические данные. Эта статистика восходит к итогам Всеобщей переписи населения 1897 г., последующим административно-полицейским исчислениям, ежегодным записям в метрических церковных книгах. Собирало и корректировало всю эту информацию, через посредство местных статистических комитетов, имперское ведомство – Управление главного врачебного инспектора (в 1916 г. – Главное управление государственного здравоохранения). Источниковедческий анализ показывает, что данные указанного ведомства о численности населения, количестве рожденных и умерших, относящиеся к Азиатской России, обладают высоким качеством [9].

Мы сгруппировали по регионам губернский и областные данные за каждый год, а затем высчитали общие коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста – количество демографических событий, приходившихся на тысячу горожан в интересующих нас регионах¹. Ежегодные смертность и рождаемость измерялись 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году, естественный прирост – разностью между рождаемостью и смертностью. Результаты расчетов, которые обо-

¹ Показатели таблицы и рис. 1–3 в данной статье подсчитаны по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я паг.); Отчет... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я паг.); Отчет... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я паг.); Отчет... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

значаются демографами с помощью символа ‰ (промилле), сведены в помещенную ниже таблицу. Чтобы представить хронологические изменения показателей воспроизводства населения в общем виде, нивелируя влияние особенностей конкретного года, мы затем

сгруппировали данные в четырех-, пятилетние этапы. Показатели измерены здесь как средние арифметические всех годовых данных. Поэтапная динамика естественного воспроизводства населения городов представлена в настоящей статье в трех гистограммах.

Естественное движение городского населения регионов в 1902–1914 гг. по годам, ‰

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Степной край	Дальний Восток	Европейская Россия
<i>Смертность</i>					
1902	36,6	32,6	35,4	25,4	25,8
1903	28,3	33,7	24,0	20,2	25,9
1904	37,6	32,4	42,5	20,7	26,7
1905	30,8	40,5	35,4	23,4	27,6
1906	43,0	37,2	40,9	28,5	26,6
1907	45,8	36,0	43,1	26,1	27,5
1908	34,1	33,4	40,9	22,6	26,9
1909	38,4	32,3	42,1	18,5	27,9
1910	41,4	29,4	43,4	19,8	26,7
1911	31,9	29,5	26,1	21,7	24,2
1912	26,7	26,7	26,9	26,8	23,7
1913	28,1	23,7	24,7*	18,6	22,1
1914	26,0	25,3	24,7*	21,1	20,7
<i>Рождаемость</i>					
1902	43,8	43,1	50,0	34,7	37,6
1903	41,8	46,2	39,6	31,7	36,6
1904	46,2	36,3	50,6	32,7	38,2
1905	37,9	42,6	45,6	33,7	36,2
1906	52,1	45,0	55,1	40,0	36,6
1907	57,4	47,9	56,6	31,3	37,9
1908	45,1	44,2	54,0	34,9	36,1
1909	53,7	40,2	52,9	37,2	36,5
1910	52,0	41,5	57,6	26,6	35,5
1911	43,0	47,3	40,3	31,8	34,9
1912	36,7	41,1	38,9	37,3	34,2
1913	37,8	35,6	35,5*	31,6	29,8
1914	36,3	38,1	35,5*	38,9	27,7
<i>Естественный прирост</i>					
1902	7,2	10,5	14,6	9,3	11,8
1903	13,5	12,5	15,6	11,5	10,7
1904	8,6	3,9	8,1	12,0	11,5
1905	7,1	2,1	10,2	10,3	8,6
1906	9,1	7,8	14,2	11,5	10,0
1907	11,6	11,9	13,5	5,2	10,4
1908	11,0	10,8	13,1	12,3	9,2
1909	15,3	7,9	10,8	18,7	8,6
1910	10,6	12,1	14,2	6,8	8,8
1911	11,1	17,8	14,2	10,1	10,7
1912	10,0	14,4	12,0	10,5	10,5
1913	9,7	11,9	10,8*	13,0	7,7
1914	10,3	12,8	10,8*	17,8	7,0

*Вычисленные по источнику средние за два года (1913–1914) коэффициенты показаны здесь как годовые величины.

Анализ хронологической динамики воспроизводства городского населения в Азиатской России начнем с коэффициентов **смертности**. Первое, на что следует обратить внимание при знакомстве с соответствующими данными таблицы и рис. 1, – это характерная для всех зауральских регионов, как и для центра страны начала XX в., очень высокая смертность горожан. Средняя величина коэффициентов смертности в динамических рядах больше всего была в Степном крае (34,6 %), чуть меньше – в Западной (34,5 %) и Восточной (31,7 %) Сибири. Дальний Восток имел более скромную летальность в 22,5 %, он, единственный за Уралом, уступал Европейской России, где этот показатель равнялся 25,6 %.

Непомерно высокий уровень смертности даже у городского населения России имперского периода, не говоря уже о сельском, был, как считают ученые, яркой чертой устаревшего уже к началу XX в., но продолжавшего пока доминировать традиционного типа воспроизводства населения [9, с. 135]. Вместе с тем гистограмма на рис. 1 показывает общую черту в динамике летальности горожан во всех регионах Азиатской России – снижение смертности в конце изучаемого периода по сравнению с его началом. Эта черта роднит зауральские города с городами Европейской России. Снижение летальности, отразившееся и в иных исторических источниках, стало одним из достижений процесса модернизации традиционного общества, зарождавшегося, прежде всего, именно в городах. На восточных окраинах, как и в центре страны, первые, пока еще очень скромные, результаты дали усилия государственных органов, городского самоуправления, предприимчивых горожан, направленные на развитие санитарно-гигиенической культуры населения и сети медицинского обслуживания, благоустройство городской среды, повышение благосостояния горожан, развитие их личностного самосознания. Следует отметить, что самый низкий среди всех регионов Азиатской России уровень смертности имели города Дальнего Востока. Будучи не только административными и транспортными центрами, но и военными форпостами, они в связи с этим отличались тем, что имели среди обывателей высокую

долю лиц среднего возраста, для которых были характерны низкие показатели смертности, а также низкий уровень руризации населения («окрестьянивания» в результате притока сельских жителей); кроме того, здесь лучшей была и постановка медицинского и школьного дела.

Однако ситуацию не следует идеализировать. На рис. 1 показано, что конечный спад смертности предварялся в середине изучаемого периода, на этапе 1906–1909 гг., временным повышением летальности в городах Западной Сибири, Степного края, Дальнего Востока, как и Европейской России. Несомненно, смертность увеличилась в данном случае вследствие того, что произошел всплеск рождаемости (как мы увидим ниже). В условиях, когда общий уровень смертности определялся главным образом летальностью младенцев, действовала такая закономерность: чем больше детей рождалось, тем больше их умирало. Все же одновременно с этим, как нам представляется, увеличение смертности стало одним из проявлений того экономического и общественно-политического кризиса, который переживала Россия в начале XX в. Сказался и подъем переселенческого движения на восточные окраины, пик которого пришелся на 1906–1909 гг. Мигрировали из Европейской России в основном крестьяне, но немалая их часть останавливалась и в азиатских городах – временно или на постоянное жительство. По объективным причинам у новоселов отмечалась особенно высокая смертность. Поэтому закономерно, что наибольший подъем смертности в Азиатской России в 1906–1909 гг. приходился на города Степного края и Западной Сибири – тех регионов, которые приняли больше всего мигрантов. Уникальность Восточной Сибири, вместившей в годы столыпинской аграрной реформы сравнительно мало мигрантов, заключалась в том, что здесь в начале XX в. скачка летальности не произошло.

В процессе постоянного возобновления населения ключевую роль играет **рождаемость**, посредством которой происходит физическая замена стареющих и вымирающих поколений. Таблица и гистограмма (рис. 2) позволяют увидеть следующие закономерности в ди-

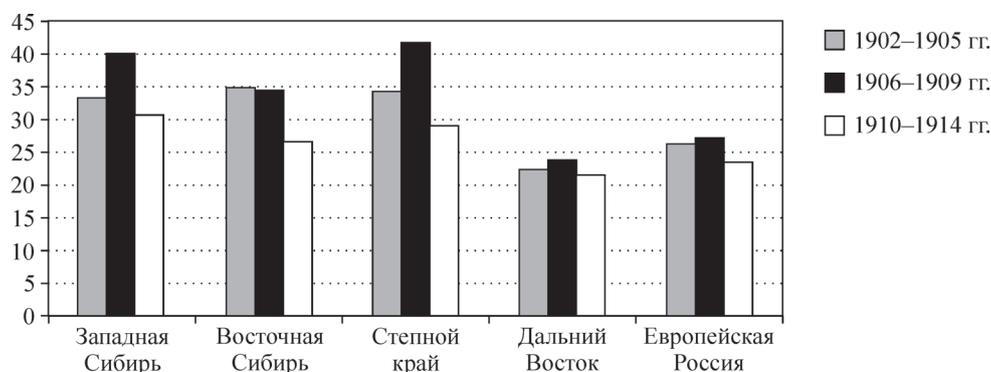


Рис. 1. Динамика смертности городского населения по этапам, %

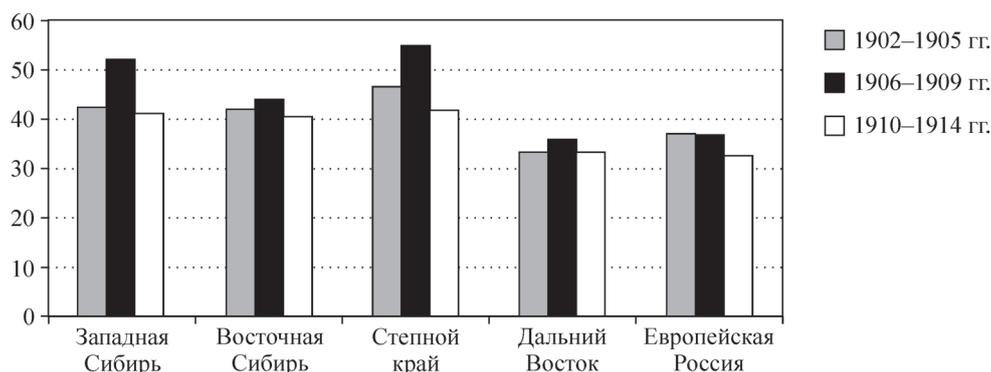


Рис. 2. Динамика рождаемости городского населения по этапам, %

намике рождаемости городского населения в регионах Азиатской России начала XX в.

Как и в случае показателей смертности, и в Азиатской, и в Европейской России отмечался очень высокий уровень рождаемости. Средняя величина коэффициента рождаемости в трех динамических рядах, относящихся к Степному краю, была наибольшей – 47,1 %. Уровень репродукции в Западной и Восточной Сибири характеризовался более низкими значениями: 44,9 и 42,2 % соответственно. Дальний Восток и здесь отставал, имея 34 %, он являлся единственным восточным регионом, уступавшим Европейской России с ее рождаемостью – 35,2 %. В традиционном обществе, каковым в основном оставалась Россия в конце имперского периода, высокая рождаемость была закономерным явлением. Объективно она призвана была компенсировать непомерно высокую смертность, демонстрировала отсутствие эффективных способов контрацепции, субъективно же отражала приверженность церковным установкам и жизненный фатализм. Будучи производной от весьма устойчивых структур традиционного сознания и демографического поведения людей, рождаемость в своей количественной и содержательной динамике являлась более консервативной, чем смертность. Констатируем однако, что почти во всех азиатских регионах, кроме Дальнего Востока, произошло небольшое сокращение рождаемости на конечном этапе изучаемого периода по сравнению с начальным этапом. Европейская Россия более явно продемонстрировала наличие тенденции к снижению уровня рождаемости в городах, чем Азиатская.

Опять же по аналогии с летальностью, во всех восточных регионах страны в 1906–1909 гг. произошел всплеск рождаемости. Конечно, он имел компенсаторный характер. После Русско-японской войны и революционных потрясений, когда сибиряки-горожане заключали меньше браков, вынужденно откладывали зачатие и рождение детей, наблюдался своего рода демографический бум. Но это не было единственной причиной временного подъема рождаемости. Примечательно, что наибольшие масштабы он имел в Степ-

ном крае и Западной Сибири – тех регионах, которые привлекали больше всего переселенцев из Европейской России. Часть аграрных мигрантов вслед за переселенцами индустриальными, приехавшими в сибирские города на заработки, оседала в городах Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области. Среди новоселов было особенно много молодых людей, охотно вступавших в брачные и консенсуальные альянсы, следствием которых стало рождение детей. Неслучайно Дальний Восток с «некрестьянским» характером его городов, высокой долей в структуре населения военнослужащих, чиновничества, представителей городских сословий имел самую низкую в Азиатской России рождаемость населения на протяжении всего изучаемого периода.

Обратимся теперь к динамике **естественного прироста** населения. Таблица и гистограмма (рис. 3) помогут нам выяснить, как соотносились между собой и менялись показатели, интегрировавшие масштабы смертности и рождаемости горожан.

Отметим прежде всего невысокий в целом уровень прироста населения в азиатских городах, как и в городах Европейской России. На востоке страны средний ежегодный показатель за 1902–1914 гг. составлял 10–12 %. К западу от Урала он был еще меньше – 9,7 %. Такие значения действительно невелики, если вспомнить, что за счет высокого естественного прироста сельского населения данный показатель всей Российской империи (без Финляндии) в 1897–1913 гг. равнялся 16,8 % (подсчитано по: [1, с. 80]), а всей Азиатской России в 1897–1914 гг. – 19,2 % [10, с. 95]. Однако следует учитывать, что до конца XIX в. естественный прирост городского населения на востоке страны был крайне неустойчивым и преимущественно дефицитным, изучаемый же период стал временем нормализации и повышения его уровня.

В 1910–1914 гг. «сальдо» рождаемости и смертности в городах всех регионов Азиатской России было большим, чем в 1902–1905 гг. Картину последовательного нарастания искажает, впрочем, всплеск естественного прироста в 1906–1909 гг. в Западной Сибири, Степном крае и на Дальнем Востоке. Это вре-

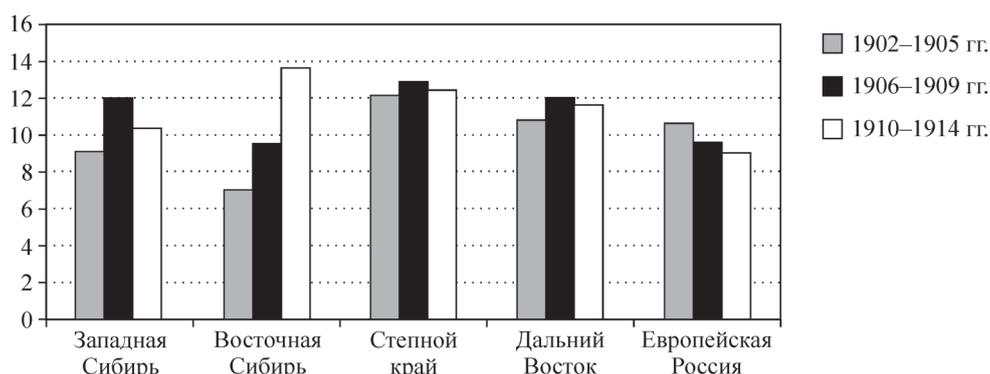


Рис. 3. Динамика естественного прироста городского населения по этапам, %

менное явление связано с неординарным повышением уровня рождаемости, причины которого рассматривались выше. К 1909 г. схлынула компенсаторная волна усиленной репродукции, уменьшились масштабы переселенческого движения, половозрастная структура семей новоселов, устроившихся в городах, стала нормализоваться, поэтому произошел спад рождаемости и естественного прироста населения. Но это конъюнктурное снижение не смогло переломить генеральную для изучаемого периода тенденцию увеличения масштабов естественного прироста населения в зауральских городах.

Следует отметить последовательное, лишенное временного всплеска увеличение прироста населения в городах Восточной Сибири. Возможно, такая динамика объясняется относительно малым присутствием мигрантов и доминированием «природных сибиряков» в этих городах, особенно в Иркутской губернии и Забайкальской области. Так проявилась разница между «старожильческим» и «переселенческим» вариантами начальной фазы демографической модернизации [10].

Что касается **общих выводов**, то мы увидели, что в начале XX в. в городском населении всех регионов Азиатской России, как и в городах европейской части страны, доминировал традиционный тип воспроизводства населения. Его атрибутами были высокий уровень рождаемости и смертности, низкий баланс естественного прироста. В рамках единого типа существовали некоторые отличия показателей и специфика хронологической динамики последних в разных регионах. Они объясняются главным образом различиями в социальной, этнической, сословной и субсословной структуре населения, масштабами миграционных влияний, уровнем демографической и социокультурной связи с местной деревенской средой. Наибольшее сходство обнаруживается у городов Западной Сибири и Степного края, тесно связанных с крестьянским окружением, интегрировавших много аграрных мигрантов из центра страны. К ним примыкают города Восточной Сибири, имевшие все же существенную специфику. Особняком стояли горо-

да Дальнего Востока, часть которых располагалась на фронтальной территории в Приамурье и Приморье, имела половозрастную и брачную диспропорцию в населении, играла индифферентную или транзитную роль в аграрных миграциях своего времени.

В ходе исследования обнаружились отличия в режиме воспроизводства населения в городах азиатских регионов от Европейской России. Наиболее яркое из них заключалось в разной направленности динамики естественного прироста. На востоке страны прирост в целом увеличивался, а в центре он сокращался и к началу Первой мировой войны имел наименьшие показатели. Привлеченные материалы позволяют выделить и в центре, и в зауральской части страны пока еще слабые признаки перехода от традиционного к современному (модернизированному, экономному) типу воспроизводства городского населения. Главный признак – сокращение смертности и (в меньшей степени) рождаемости в конце изучаемого периода по сравнению с его началом во всех без исключения регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
2. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
3. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
4. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
5. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 88–102.
6. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
8. Мионов Б.Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб.: Издат. дом СПб. ун-та; Интерсоцис, 2009. 536 с.
9. Зверев В.А. Статистика медицинского ведомства vs. данные губернаторских отчетов: источники для изучения естественного

движения населения в Азиатской России конца имперского периода // Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2014. Вып. 3. С. 138–150.

10. Зверев В.А. Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. [Вып. 1]. С. 92–100.

REFERENCES

1. Sifman R.I. Dynamics of the population of Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow: Statistika, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)
2. Kabuzan V.M. The Far Eastern region at the XVII – the beginning of the XX century (1640–1917): history-demographic description. Moscow: Nauka, 1985, 260 p. (In Russ.)
3. Kabuzan V.M. Population of Siberia and Far East in the late XVIII – early XX century. *Istoriya SSSR*. 1979, no 3, pp. 22–38. (In Russ.)
4. Rybakovskii L.L. Population of the Far East over 150 years. Moscow: Nauka, 1990, 168 p. (In Russ.)
5. Pronin V.I. Urban and rural population of Siberia in the late XIX – early XX century. *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskii period*. Novosibirsk: NSU, 1984, pp. 88–102. (In Russ.)
6. Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M. The West Siberia cities in the second-half of the XIX – the beginning of the XX century: Population. Economy. Building and improvement. Barnaul: Azbuka, 2007, 292 p. (In Russ.)
7. Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / ed. by A.G. Vishnevskii. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 608 p. (In Russ.)
8. Mironov B.N. Historical sociology of Russia: teaching aid. St. Petersburg: Izdat. dom. SPb. un-ta, Intersotsis, 2009, 536 p. (In Russ.)
9. Zverev V.A. Statistics of the medical department vs. data of the governor reports: sources for studying the natural population change in Asian Russia of the late imperial period. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego*. Novosibirsk: Parallel', 2014, v. 3, pp. 138–150. (In Russ.)
10. Zverev V.A. First phase of demographic transition on the space of Asian Russia: “old-resident” and “migratory” models. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego*. Novosibirsk: Parallel', 2011, v. 1, pp. 92–100. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160102
УДК 94 (47).084.8

В.А. ИСУПОВ

К ВОПРОСУ О ТИПАХ МИГРАЦИЙ И ИХ СООТНОШЕНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Владимир Анатольевич Исупов,
д-р ист. наук, профессор, заведующий сектором,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8,
e-mail: Vladimir_2004_@ mail.ru

В статье поставлена проблема систематизации миграций населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Изучение этого малоисследованного вопроса на основе широкого круга источников позволило выделить из общего массива территориальных перемещений населения добровольно-вынужденные миграции, к которым отнесены трудовая мобилизация, эвакуация, реэвакуация и репатриация, целенаправленное заселение пустующих территорий, образовавшихся после депортаций этнических групп, а также сельскохозяйственные переселения. Впервые в отечественной историографии воинские мобилизации определены как особый подвид миграций. Особым видом миграций в военный период были насильственные депортации. Важным направлением миграций в военные годы оставались стихийные трудовые миграции. Установлены количественные соотношения между различными подвидами миграций.

Ключевые слова: миграция, территориальное перемещение населения, депортация, эвакуация, реэвакуация, репатриация, воинская мобилизация, трудовая мобилизация, плановые переселения, стихийная миграция.

V.A. ISUPOV

ON THE QUESTION OF MIGRATION TYPES AND THEIR RATIO DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vladimir A. Isupov,
Doctor of Historical Sciences, Head of Sector,
Institute of History, SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: Vladimir_2004_@ mail.ru

The article formulates an understudied problem of classification of population migrations in the USSR during the Great Patriotic war. Contemporary historiography is skewed towards the forced deportations. During the war these deportations were of ethnic character. As a result the forced deportations were considered to be numerically prevalent and both researchers and readers viewed them as a dominant type of migrations. Undoubtedly, forced migrations had a great impact on social structure dynamics, economy, social and cultural image of the USSR. However a concrete historical research based on the new, previously neglected sources has shown that during the war along with forced deportations the Soviet Union witnessed another type of deportations which were mainly of voluntary-compulsory character. The analysis of this little-investigated subject allowed identifying among all types of territorial displacements the military and labour migrations, evacuations and re-evacuations of large masses of population, repatriations. The purposeful and planned settlement of territories that became vacant after deportations of ethnic groups played an important role in migratory movements, as well as organized agricultural resettlement. For the first time in national historiography the author characterizes military mobilizations, which meet all the classic criteria of migration, as a special form of migrations. In this aspect forced ethnic deportations are considered to be just one of the forms of migration. Quantitatively, it was not the greatest migration thread. Labor migrations remained an important type of migrations. The article determines quantitative relationships between different types of migrations.

Key words: migration, territorial displacement, deportation, evacuation, re-evacuation, repatriation, military mobilization, labour mobilization, plan resettlement, spontaneous migration

В последние несколько лет историки большое внимание уделяют изучению насильственных депортаций в период Великой Отечественной войны

(см. например: [1, 2, 3, 4, 5, 6]). Это вполне понятно – депортации получили широкое распространение в сталинском СССР и сыграли огромную роль в его

экономическом, социокультурном и демографическом развитии. Они оказали воздействие на изменение социальной структуры страны, на распределение людских ресурсов по ее территории. Но итогом увлечения департационной тематикой стало прежде всего формирование в современной историографии заметного проблемного перекоса. Вследствие этого возникло и широко распространилось упрощенное суждение, что главной разновидностью миграций в Советском Союзе в военные годы были насильственные территориальные перемещения крупных людских контингентов. Мы писали об этом еще в 2009 г. [7]. Но с тех пор ситуация мало изменилась, что обедняет современные представления о таком непростом феномене советской истории, как миграции. Кроме того, явно недостаточно изученными оказались все остальные виды миграций.

Таким образом, назрела необходимость изучить вопрос о характерных для военных лет разновидностях миграций и их соотношении. В качестве предварительного замечания укажем, что мы придерживаемся классического определения миграции, согласно которому последние являются собой «перемещения людей через границы тех или иных территорий с перемещением места жительства навсегда или на более или менее длительное время» [8, с. 251].

Польский ученый А. Марианский, положив в основу классификации причины миграций, разделил их на две основные группы: политические и экономические [9, с. 12]. Принимая в принципе эту типологию, мы несколько детализировали ее. Очевидно, что в военные годы преобладали **политические** миграции. К ним мы относим:

– добровольно-вынужденные миграции. Их подвидом являются мобилизационные воинские и трудовые территориальные перемещения населения, а также эвакуация, реэвакуация и репатриация.

– принудительные миграции, под которыми понимаются собственно насильственные депортации. К этому же подвиду миграций относятся перемещения заключенных и военнопленных.

– плановые передвижения населения: сельскохозяйственные переселения; перемещения людских контингентов на пустующие территории, образовавшиеся после этнических чисток; возвращение некоторых этнических групп в места первоначального жительства.

Экономические миграции:

– стихийные трудовые миграции.

Теперь необходимо выявить соотношение, сложившееся между различными типами миграций.

Добровольно-вынужденные миграции

В литературе чаще всего не учитывается, что воинская мобилизация людских контингентов в Красную армию помимо собственно военного аспекта предполагала масштабные территориальные перемещения. В этом смысле воинские мобилизации вполне отвечают классическому определению миграции, а мобилизованные граждане могут рассматриваться как мигран-

ты. В 1941–1945 гг. этот своеобразный тип миграций стал самой массовой формой территориального перемещения населения. В рамках СССР за четыре года Великой Отечественной войны в вооруженные силы было мобилизовано почти 30 млн чел. [10, с. 139]. В Сибирском военном округе вследствие призыва в вооруженные силы «временно или навсегда изменили место жительства» свыше 2,6 млн чел. [11, с. 33]. Из Сибири большинство мобилизованных передвигались в западном направлении и частично на Дальний Восток.

К военно-мобилизационным миграциям непосредственно примыкают свойственные исключительно военному периоду призывы граждан в трудовую армию – так называемые «рабочие колонны». В течение войны они пополнялись личным составом через военкоматы, и в этом смысле мобилизации в рабочие колонны вполне правомерно причислять к добровольно-вынужденным миграциям. Но помимо граждан, не пригодных к строевой службе в армии по состоянию здоровья, в рабочие колонны направлялись лица, отсеянные от призыва в армию по «политико-моральным соображениям». Рабочие колонны комплектовались за счет бывших кулаков, подкулачников, торговцев, фабрикантов, дворян, белогвардейцев, лиц, побывавших за границей, или граждан, имевших родственников за границей. Существенную прослойку бойцов рабочих колонн составляли те, у кого близкие родственники были подвергнуты репрессиям. Важным источником пополнения рабочих колонн являлись граждане, освобожденные из заключения. В первую очередь в рабочие колонны направлялись те из них, кто был осужден по статьям 58-й и 59-й УК РСФСР. При укомплектовании рабочих колонн личным составом учитывался и этнический признак. В начале Великой Отечественной войны туда призывались: поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи; в течение всей войны – немцы, румыны, болгары, корейцы, китайцы, греки, переселенцы из Западной Белоруссии и Западной Украины. В рабочие колонны попадали также представители народов Средней Азии и Казахстана. Исходя из этого, призыв в рабочие колонны не может быть признан добровольно-вынужденной миграцией в чистом виде, но и не является насильственной депортацией.

Каковы же масштабы этой своеобразной разновидности территориального движения населения? Период бурного формирования рабочих колонн пришелся на осень 1941 г. – зиму 1942 г. К марту 1942 г. в СССР было создано 1116 рабочих колонн, еще 166 рабочих колонн пребывали в стадии формирования, а бойцы 120 рабочих колонн перемещались к месту постоянной дислокации. Совокупная численность личного состава рабочих колонн на 15 марта 1942 г. превысила 1,2 млн чел¹. Власти и в дальнейшем стремились наращивать их числен-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 32.

Трудовая мобилизация гражданского населения Сибири (февраль 1942 г. – июль 1945 г.), тыс. чел*

	На постоянную работу в промышленность, строительство и транспорт	В школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища	На сельскохозяйственные, временные и сезонные работы	Всего
Сибирь**	263,5	332,9	506,2	1102,6
Всего по СССР	3010,4	2121,4	6751,2	11883,0

* Составлено по: Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 430; ГА РФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 25. Л. 86–88.

** В границах Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской, Читинской областей, Якутской и Бурят-Монгольской АССР по административно-территориальному устройству 1945 г.

ность. Так, в 1943 г. через военкоматы для работы в промышленности и строительстве дополнительно было направлено 722 тыс. чел. В 1944 г. призыв в рабочие колонны составил 674 тыс. чел., а за 7 месяцев 1945 г. – 129 тыс. чел.² В течение войны только из Таджикской ССР в рабочие колонны было призвано почти 50 тыс. чел., которые были переброшены на предприятия Урала и Сибири. Из этого количества к 3 июля 1945 г. в ходе обратной миграции в республику было возвращено 20 тыс. чел.³

Немаловажную роль в развитии добровольно-вынужденных миграций играли трудовые мобилизации. В годы Великой Отечественной войны особенно остро стояла задача организации массового притока рабочей силы в промышленность, строительство и транспорт. В связи с этим 13 февраля 1942 г. было принято радикальное решение о переходе на мобилизационный принцип набора рабочей силы. В этот день увидел свет указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»⁴. Немаловажную роль в развитии трудовых мобилизационных миграций играл призыв молодежи для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения (ФЗО). Этот вид трудовых мобилизационных миграций (их условно можно обозначить как «учебные» миграции) регулировался указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах»⁵.

Истощение людских ресурсов в сельском хозяйстве вынудило власти включить в круг отраслей, для которых проводилась мобилизация, и аграрный сектор экономики. СНК СССР и ЦК ВКП (б) 13 апреля 1942 г. приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов

и сельских местностей»⁶. Отныне служащие, учащиеся 6–10-х классов средней школы, студенты техникумов и вузов привлекались на различные работы в деревне, главным образом на уборку картофеля. Постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения к трудовой повинности в военное время» мобилизация, как форма набора рабочей силы, была распространена на временные и сезонные работы [12, с. 34]. Мобилизацию на сельскохозяйственные работы, в отличие от мобилизации на постоянную работу в промышленность, на транспорт и стройки, можно считать временной миграцией.

В течение всего мобилизационного периода, с февраля 1942 г. по июль 1945 г., в Сибири для выполнения различных работ было мобилизовано 1 млн чел., а по СССР в целом – почти 12 млн чел. Основная масса мобилизованных (в сибирском регионе почти 46 %) направлялась на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы. По стране в целом удельный вес мобилизованных на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы достигал почти 57 %. Очень крупный слой мобилизованных – в Сибири около 30 % – составляла молодежь, призванная на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. В этом заключалась специфика региона, не обладавшего до начала войны достаточным резервом квалифицированных кадров рабочих. По СССР в целом доля лиц, призванных на учебу, была значительна – всего 18 %. Почти четверть мобилизованных как в Сибири, так и в стране в целом была направлена на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт.

Однако далеко не все из числа мобилизованных являлись мигрантами. Из них необходимо исключить горожан, для которых акт мобилизации в промышленность не сопровождался переменой места жительства. Кроме того, каждый регион набирал рабочую силу за счет внутренних ресурсов. Доля межобластного набора была невелика. В 1942 г. – первой половине 1945 г. в ходе трудовой мобилизации в Сибирь было переселено 39,5 тыс. чел. Самое большое количество трудовых переселенцев в Сибири получили Кемеров-

² Там же. Оп. 1с. Д. 25. Л. 118.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 373. Л. 24.

⁴ Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М., 1942. С. 57–58.

⁵ Известия. 1940. 9 окт.

⁶ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1942. № 4.

ская и Новосибирская области – 33,9 тыс. чел.⁷. Таким образом, трудовые мобилизационные миграции носили внутриобластной характер.

Следует отметить еще одну мощную волну добровольно-вынужденной миграции в 1941 г., когда в СССР началась эвакуация населения. Число эвакуированных, несмотря на многочисленную литературу по этому вопросу, точно не определено. Разброс в оценках общего количества эвакуантов огромен. Собрал и обобщив опубликованные цифровые сведения о количестве эвакуированного населения, известный российский демограф Л.Л. Рыбаковский пришел к выводу, что данные об эвакуированных гражданах не только противоречивы, но в некоторых случаях фантастичны [13, с. 9]. ЦСУ СССР в одном из своих статистических сборников приводит данные о 10 млн эвакуированных⁸. Л.Е. Поляков называет, на наш взгляд, еще более фантастическую цифру – около 25 млн чел. [14, с. 38]. По сведениям Госплана СССР, опиравшегося в своих расчетах на материалы ЦСУ СССР, по 42 тыловым территориям страны на 1 января 1943 г. насчитывалось немногим более 5,5 млн эвакуированных⁹.

В Сибирь (включая Якутскую АССР), по данным статистического учета, организованного ЦСУ СССР и региональными статистическими управлениями, к 1 января 1943 г. по эвакуации прибыло 908,2 тыс. чел, в том числе в Западную – 798,4 тыс. чел. [15, с. 149]. Из этого количества эвакуированных к 1 января 1944 г. в Сибири (без Якутской АССР) осталось 566,8 тыс. эвакуированных, в том числе в Западной – 482 тыс.¹⁰ Между тем М.П. Беленко на основе, как он пишет «документально зафиксированных данных», определил численность эвакуированных только в Западной Сибири в 1942 г. почти в 900 тыс. чел. [16, с. 16]. Но все известные нам статистические сведения о числе эвакуированных граждан дают основание утверждать, что эвакуация является собой второй по численности (после воинских мобилизаций) миграционный поток военного времени. Повторим, однако, что точную численность этого специфического миграционного потока военного времени пока не удалось определить точно.

В 1943 г. в СССР развернулась реэвакуация, которая, постепенно нарастая, достигла максимума в конце 1944 – в 1945 г. Но поскольку определить более-менее точно масштабы собственно эвакуации не удалось, то не могут быть точно обозначены и объемы реэвакуации. Очевидно, что на постоянное место жительства из тыловых районов вернулись миллионы граждан. Численность эвакуированных за счет их возвращения в родные места быстро сокращалась. На 1 января 1944 г. число эвакуированных по 42 территориям

СССР составляло 3,7 млн чел., на 1 октября 1944 г. – 2,7 млн чел.¹¹

Важным видом добровольно-вынужденных миграций стала репатриация, которая получила распространение на последнем этапе войны. Согласно справке, представленной Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, к 5 сентября 1945 г. во внутренние районы Советского Союза прибыло 5,2 млн репатриированных граждан. Из них в статистическую разработку попали 4 млн чел. В ходе разработки выяснилось, что 36,4 % репатриированных граждан были бывшими советскими военнопленными, а оставшиеся 63,6 % – гражданскими лицами, разными путями оказавшимися за границей¹².

Насильственные депортации

Насильственные депортации хорошо изучены, что облегчает нашу задачу. Согласно имеющимся в литературе достаточно надежным данным, на 1 октября 1941 г. в СССР насчитывалось 936,5 тыс. трудоселенцев («кулацкая ссылка»), из которых 314,1 тыс. чел. были расселены в Сибири [2, с. 98]. В годы войны социальный характер насильственных депортаций изменился в сторону преобладания этнических депортаций. В 1941–1942 гг. выселению подверглись немцы, финны и греки; в 1943–1944 г. – народы Северного Кавказа и калмыки, в 1944–1945 гг. – крымские татары, турки-месхетинцы, курды, хемшилы [3, с. 102, 116–117, 129]. Общее число этнических депортированных перевалило за несколько миллионов человек. К насильственным депортациям мы относим также перемещения заключенных и военнопленных.

Плановые передвижения населения

Эта форма миграций получила значительное развитие еще до начала войны – в основном в форме сельскохозяйственных переселений в слабо заселенные территории. Но в 1941 г. плановые сельскохозяйственные переселения были прекращены. Переселенческое управление, созданное ранее по постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г., ограничивалось только деятельностью по хозяйственному устройству переселенцев, уже прибывших на новое место жительства. Плановые переселенческие мероприятия были возобновлены только в 1942 г., что вызывалось хозяйственными потребностями и политическими установками. За 1942 и 1943 гг. было переселено 32,2 тыс. хозяйств колхозников. Из них в рыболовецкие колхозы и на предприятия рыбных промыслов Сибири и Дальнего Востока в плановом порядке переместилось 12,3 тыс. хозяйств. В колхозы Новосибирской области в указанные годы переселилось 2,4 тыс. крестьянских хозяйств¹³.

⁷ ГА РФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 112.

⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юб. стат. сб. М., 1987. С. 43.

⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 45. Д. 318. Л. 142.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 318. Л. 142.

¹² РГАЭ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 117. Л. 61–62, 64.

¹³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 318. Л. 128.

Крупный миграционный поток сформировался вследствие организованного перемещения населения на опустевшие после этнических чисток территории СССР. В 1942–1943 гг. часть переселенцев направлялась в районы, присоединенные к Саратовской области (бывшая Республика немцев Поволжья). Кроме того, переселенцы направлялись в районы Сталинградской и Грозненской областей, Дагестанской АССР и Ставропольского края (по административно-территориальному устройству 1944 г.). Большое число переселенцев перемещалось в Крым, разоренный немецкой оккупацией и депортацией крымских татар.

К 1944 г. сельскохозяйственные переселения достигли значительных масштабов как по численности переселенцев, так и по географии территориальных перемещений. Переселения в этом году охватили почти 48 тыс. хозяйств колхозников. Поток переселенцев направлялся в Архангельскую, Мурманскую и Астраханскую области – в рыболовецкие колхозы и на предприятия рыбных промыслов¹⁴. Кроме того, в 1944 г. в места прежнего жительства в плановом порядке было перевезено 60 тыс. поляков¹⁵.

Стихийные трудовые миграции

В годы Великой Отечественной войны стихийные трудовые миграции, столь характерные для мирных лет, потерялись на фоне огромных по масштабам добровольно-вынужденных миграций и насильственных депортаций. Но они не исчезли вовсе. Этот вид миграций в период войны реализовывался главным образом в форме перемещения сельского населения в города для работы на заводах, фабриках, стройках и на транспорте. Стихийные миграции, таким образом, имели некоторое сходство с миграциями экономического характера в довоенные годы. О масштабах стихийных трудовых миграций мы можем приблизительно судить по числу граждан, оформивших прописку в городских поселениях. В первом полугодии 1941 г. в городах Сибири получили прописку 374,5 тыс. чел., во втором полугодии этого года – 928,1 тыс. чел. [17, с. 199]. Разумеется, столь резкий рост числа мигрантов, прибывших в города региона, связан с эвакуацией населения из прифронтовых районов. Но только этим объяснить рост числа прописавшихся в городах региона нельзя.

В Сибирь прибывало большое количество новоселов из ее же внутренних районов, которые не имели отношения к процессам эвакуации. Так, во второй половине 1941 г. в города Западной Сибири из различных городских поселений Сибири прибыло 72,6 тыс. чел., из сибирского села – 160,6 тыс. чел.¹⁶

Аналогичная ситуация складывалась и в городах Восточной Сибири. Во втором полугодии 1941 г. в городские поселения Красноярского края вселилось 51,4 тыс. выходцев из внутренних районов Сибири,

в городские поселения Иркутской области – 33,7 тыс.¹⁷ Кроме того, в города Сибири в ходе трудовой миграции самостоятельно переселялись жители Урала, Средней Азии и Казахстана, т. е. тех регионов страны, откуда население не эвакуировалось. Следовательно, резкий всплеск миграций можно отнести не только на счет эвакуированного населения, но и на счет мигрантов, прибывших в города в ходе экономических перемещений.

Великая Отечественная война сдвинула с места миллионы людей. Нарастание объемов миграций в военные годы носило взрывной характер. Особенностью миграционного движения населения в 1941–1945 гг. являлось очевидное преобладание миграций, непосредственно и очень жестко контролировавшихся государством. Среди них преобладали добровольно-вынужденные миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. 154 с.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. 306 с.
3. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.
4. Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. стат. Новосибирск, 2012. Вып. 1. 255 с.
5. Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. стат. Новосибирск, 2013. Вып. 2. 236 с.
6. Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. стат. Новосибирск, 2014. Вып. 3. 288 с.
7. Исупов В.А. Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX–начале XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 66–92.
8. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. 608 с.
9. Марианский А. Современная миграция населения. М., 1969. 412 с.
10. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование. М., 1993. 415 с.
11. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. 416 с.
12. Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2001. 141 с.
13. Рыбаковский Л.Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. 46 с.
14. Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985. 136 с.
15. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. 232 с.
16. Беленко М.П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.
17. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 1930-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. 291 с.

¹⁴ Там же. Л. 128–129.

¹⁵ Там же. Л. 129.

¹⁶ Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 300. Л. 3; Д. 306. Л. 51, 53.

¹⁷ Там же. Д. 306. Л. 5, 25.

REFERENCE

1. Bugai N.F.L. Beriya to I. Stalin: According to your instructions... Moscow, 1995, 154 p. (In Russ.)
2. Zemskov V.N. Displaced persons in the USSR, 1930–1960. Moscow, 2005, 306 p. (In Russ.)
3. Polyani P. Against one's will... History and geography of forced migrations in the USSR. Moscow, 2001, 328 p. (In Russ.)
4. Migration consequences of the World war II in the USSR and Eastern Europe: collection of scientific articles. Novosibirsk, 2012, pt. 1, 255 p. (In Russ.)
5. Migration consequences of the World war II in the USSR and Eastern Europe: collection of scientific articles. Novosibirsk, 2013, pt. 2, 236 p. (In Russ.)
6. Migration consequences of the World war II in the USSR and Eastern Europe: collection of scientific articles. Novosibirsk, 2014, pt. 3, 288 p. (In Russ.)
7. Isupov V.A. Individual peasant migrations to the cities of Western Siberia (in the late 1920s – in the early 1940s) *Migratsionnyie protsessy v aziatskoy Rossii v XIX – nachale XXI vv.*: sb. nauch. trudov. Novosibirsk, 2009, pp. 66–92. (In Russ.)
8. Demographic encyclopedic dictionary. Moscow, 1985, 608 p. (In Russ.)
9. Mariansky A. Modern migration of population. Moscow, 1969, 412 p. (In Russ.)
10. Secrecy grading is removed. Losses of the USSR armed forces in wars, operations, and military conflicts: statistic research. Moscow, 1993, 415 p. (In Russ.)
11. Population of Russia during the XX century: Historical studies. Moscow, 2001, vol. 2: 1940–1959, 416 p. (In Russ.)
12. Somov V.A. From the Martial Law. Studies of history of labor policy in USSR during the Great patriotic war (1941–1945). Nizhniy Novgorod, 2001, 141 p. (In Russ.)
13. Rybakovskiy L.L. Human losses in Russia during the war of 1941–1945. Moscow, 2000, 46 p. (In Russ.)
14. Polyakov L.E. The price of War: demographic aspect. Moscow, 1985, 136 p. (In Russ.)
15. Alekseyev V.V., Isupov V.A. Population of Siberia during the Great patriotic war. Novosibirsk, 1986, 232 p. (In Russ.)
16. Belenko N.P. The evacuated civilian population in Western Siberia: the social and demographic aspect: author's abstr. ... cand. of Hist. Sciences. Novosibirsk, 2011, 24 p. (In Russ.)
17. Isupov V.A. Urban population of Siberia: From disaster to re-birth (the end of 1930s – the end of 50s.). Novosibirsk, 1991, 291 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160103
УДК 94(571).084.9

Н.В. ГОНИНА

ТИПОЛОГИЯ КАК МЕТОД КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Наталья Владимировна Гонина,
канд. ист. наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет,
РФ, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90
e-mail: nvg7@mail.ru

Цель статьи – обоснование принципов классификации городов в историческом исследовании. Проблемным полем является специфика процессов урбанизации в Ангаро-Енисейском регионе во второй половине XX в. и особенности их изучения. Показана эффективность применения генетической типологии для исторического исследования процессов урбанизации; выявлено четыре основных типа городов (региональный центр, исторический (старинный), раннеиндустриальный и позднеиндустриальный). В позднеиндустриальном типе особое внимание уделено закрытому городу.

Ключевые слова: типология, город, урбанизация, Ангаро-Енисейский регион, вторая половина XX в.

N.V. GONINA

TYPOLGY AS A METHOD OF CONCRETE HISTORICAL RESEARCH OF THE CITIES IN THE ANGARA-YENISEI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Natalya V. Gonina,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
90, Mira Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia,
e-mail: nvg7@mail.ru

The purpose of the article is to identify and substantiate principles of city grouping according to the city types and classes in historical research. The research problem deals with peculiarities of urbanization in the Angara-Yenisei region in the second half of XX century, along with specific aspects of its study.

The key research objectives are: to analyze the most widespread ways of classification in urban studies; to define specific characteristics of East Siberian cities; and to identify the main problems of city grouping while suggesting possible solutions.

The author considers a city as a historical phenomenon, represented in the historical process as a special social organism, complex and multi-layered. Thus, typologies also have complex structures. From the historical point of view, the most efficient approach in this case is a genetic method which classifies the cities according to the time and reason for their origin as well as to the extent of preservation of various historic features as seen in the modern plans and images of the cities.

The key research findings are as follows: the paper demonstrates the efficiency of genetic typology used in historical studies on urbanization; defines four main types of the cities (regional, historic (old), early industrial, and late industrial). Intra-typological classification is performed on the basis of conventional features: population size, functions, economic and geographical characteristics. It is notable that the need in such classification arises only in regard to the last two city types due to their great number and significant differences in various features. As for the late industrial type, there is a need to distinguish a separate group of industrial cities – closed cities (Zheleznogorsk and Zelenogorsk), which is determined by their unique nature.

The author also observes a phenomenon of “rebirth” of those historical (old) cities where large enterprises were localized during the late industrial period (the case of Minusinsk). This phenomenon deserves further consideration in a separate study.

Key words: typology, city, urbanization, the Angara-Yenisei region, second half of XX century.

В общенаучном плане типология – это метод исследования разнообразных и внутренне сложных объектов путем выявления их общих или сходных

черт и группирования с учетом меры этой близости в некоторые классы (группы, типы). Учитывая многообразие форм городских поселений и в то же вре-

ма их структурную и функциональную общность, при работе с понятием «город» типологизацию следует проводить, исходя из поставленных исследовательских задач.

Основы функциональной типологии городов в отечественной урбанистике были разработаны в 1960-е гг. и развиты в трудах Б.С. Хорева, Ф.М. Листенгурта, В.Г. Давидовича, Г.М. Лаппо и других ученых. Как писал М.Г. Лаппо, тип города – это краткая, предельно сжатая характеристика, своего рода его формула [1, с. 40]. Типологии, в значительном количестве представленные в исследованиях, имеют преимущественно географический характер. В первую очередь акцент делается на людности и функциональном профиле. Например, Е.Н. Перцик полагает: «При разработке типологии городов численность населения учитывается как неотъемлемый признак». Исследуя Сибирь, ученый группирует города с точки зрения благоприятности и неблагоприятности для размещения производства. Г.М. Лаппо, выделяя хронологические этапы развития городов, вторую половину XX в. рассматривает как один большой этап, разделяя города на центры агломераций и ресурсные [2; 3, с. 244–247]. Таким образом, урбанизация предстает как побочный продукт индустриализации. Об индустриальном городе пишет и архитектор А.Н. Клевакин [4].

Признанный классик данного направления историк А.С. Сенявский отмечает формальный характер классификации городов по людности и значимость конкретно-исторической ситуации. «...Все города можно рассматривать с точки зрения численности их населения, но чтобы придать такой классификации типологический характер, необходимо провести границы между группами городов в зонах “скачка”, перехода количества в качество» [5]. Ученый поддерживает также идею выделения городов вне категорий – столиц.

А.С. Сенявский, руководствуясь функциональным подходом, выделяет три типа городов: производственный, центр сельской территории и непроизводственный. Все города на ранней стадии являются монофункциональными. В дальнейшем, если город прогрессировал, первые два становились полифункциональными. Далее автор рассматривает взаимосвязь между людностью и функциональной составляющей характеристики города [5, с. 161, 164, 166–167].

В.А. Исупов и А.С. Московский, исследуя довоенный период истории Сибири, обращаются к функциональной типологии городов, выделяя следующие типы: индустриальный, транспортный, неиндустриальный, многоотраслевой, включающий административно-политическую, культурную, научную, промышленную и транспортную функции [6, с. 36–39]. Очевидно, что первые два типа особенно интересуют авторов, так как именно в них наиболее фактурно выделяются динамические процессы и отражается главное событие эпохи – индустриализация.

Л.В. Занданова и Л.М. Салахова, актуализируя проблему с позиций культурно-исторического подхо-

да, выполняют группировку городов, апеллируя к людности, пространственному расположению и обжитости территории [7, с. 25–29]. Указываются скорее значимые признаки, влияющие на развитие города и его характеристику, чем собственно типы.

Классификация по людности чрезвычайно важна как с экономической, так и социальной, демографической позиций. Однако нередко ее выдают за основную и единственную. И если иногда это оправданно, то для историка такого рассмотрения недостаточно. Так, близкие по численности населения города Лесосибирск и Минусинск радикально отличаются друг от друга в историческом плане. В то же время Минусинск и Канск очень близки исторически, но по людности Канск в 2 раза больше Минусинска. Кроме того, за рассматриваемый период людность многих городов изменилась радикально. Например, население Братска увеличилось с 43 до 255 тыс. чел., и он стал крупным городом. А с Черемхово произошла обратная эволюция: число жителей уменьшилось с 122,5 до 77 тыс.¹

Город нас интересует как явление исторического процесса, воспроизводящееся в качестве особого социального организма, сложное, многохарактерное и многоуровнево структурированное [8, с. 7]. В связи с данным определением мы должны обратить особое внимание на генезис городов в историческом контексте, при этом людность городов, их экономико-географическое положение и функции становятся внутренними аспектами классификации. Таким образом, типология получает сложный структурный характер.

При генетическом подходе города разделяют по времени и причинам возникновения, а также по степени сохранения различных исторических черт в современной планировке и самом облике. Как пишет Е.Н. Перцик, генетический тип города – понятие синтетическое. Оно включает в себя совокупность признаков, которые в процессе развития обуславливают формирование качественно определенного типа города. Отбор генетических признаков подчинен задаче, для которой проводится классификация [3, с. 246–247].

Указанный подход наиболее близок историческому методу, его можно взять за основу, чтобы развивать согласно направлению исследования. В нашем случае, когда за сравнительно короткий отрезок времени (приблизительно 50 лет) города пережили переход от традиционного общества к индустриальному, а затем два этапа индустриализации с выходом на НТР (причем все это осложнялось относительной коммуникационной изоляцией периферийной территории, огосударственной экономикой и патерналистской политикой), недостаточно обратиться только ко времени возникновения города. По сути, внутри одного населенного пункта в результате бы-

¹ Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php. (дата обращения: 19.12.2015).

строй смены этапов исторического и экономического развития и высокой миграционной подвижности населения мы видим наложение нескольких коротких, но очень разнохарактерных качественных этапов. Внутри старого исторического Минусинска благодаря электрокомплексу имеется новый район – продукт НТР. Индустриальный молодой г. Братск, наоборот, включает поселение, основанное в XVII в. В другом варианте Черемхово–Свирск, Нижнеудинск–Алзаймай, Енисейск–Лесосибирск старый и новый город образуют двухъядерную систему. То есть город обновляется тогда, когда меняется его функциональный набор, при этом все этапы оставляют следы в городской социальной структуре, влияя на население, архитектуру, рекреационные и производственные объекты и т.д. Причем они могут взаимодействовать друг с другом или оставаться изолированными инородными включениями, могут либо развиваться, либо угасать. Все зависит от конкретно-исторической ситуации.

Следовательно, важно применять хронологически-проблемный подход: 1) выявление динамики функциональных позиций города в масштабах региона и страны; 2) выделение малых хронологических этапов, связанных со значимыми для жизни города событиями; 3) установление структурных взаимосвязей между отдельными этапами и их результатами.

Несмотря на общность ряда черт и условий развития, города Ангаро-Енисейского региона значительно отличаются друг от друга по населению, экономико-географическому положению, облику, городской среде. Поэтому сложно осуществить типологизацию по одному какому-либо признаку. Она будет слишком формализованной.

Важный момент, который необходимо оговорить, – административный статус города. В этом плане выделяются две характеристики – региональный центр и закрытый город. В Восточной Сибири мы отмечаем общероссийскую тенденцию преобладания одного города, «столицы» региона, над остальными городами [9, с.95]. Это положение требует особого подхода к региональному центру, так как он, являясь высшей точкой урбанистической концентрации на уровне региона, сосредоточивает в себе все названные выше признаки, что заставляет рассматривать его как отдельный тип. Наиболее ярким примером является Красноярск, в котором сосредоточено 30 % населения края. Иркутск по численности населения также превосходит остальные города области, хотя контраст не столь высок.

Оба города родились на первом этапе освоения региона – в 1628 г. и 1661 г. Они имеют все признаки, характерные для европейских городов – историческую многослойность, динамизм, полиструктурность и многофункциональность. Административный центр здесь успешно сочетается с экономическим и культурным, что привлекает население. Этому способствует и относительно благоприятная для проживания природная зона. За рассматриваемый период эти города изменили свой статус с крупного до крупнейшего, увеличив

исходное население: Красноярск – на 500 тыс. чел., Иркутск на 300 тыс. чел. Оба города можно выделить в категорию «региональный центр». Здесь сосредоточено до 42 % населения региона².

Специфической особенностью в типологии советского города является особая группа засекреченных (закрытых) населенных пунктов, связанных с военно-промышленным комплексом. Данный статус не всегда четко определяется. В большинстве городов региона присутствуют закрытые территории военно-стратегического назначения (заводы, военные части, узлы связи и др.) с особой организацией жизни, абсолютно независимые от остальной части города. Известны города, где «закрытый» период был непродолжительным – Норильск, Ангарск – и не оказал большого влияния на их облик. Два города – Железногорск и Зеленогорск – сохраняют статус закрытых в течение всего периода своего существования. Об этих городах в советский период практически не было информации в свободном доступе. Все статистические данные приписывались либо к региональному центру – Красноярску (Железногорск), либо к соседнему населенному пункту – Заозерному (Зеленогорск). Именно поэтому большую ценность представляет работа Г.А. Реута, который одним из первых провел научное исследование по истории закрытых городов [10].

Осуществляя генетическую (историческую) типологию, нужно выделить тип исторического города, время становления и расцвета которого приходится на традиционный и переходный к индустриальному этапы развития: XVII–XIX вв. Понятие «исторический город» возникло в 1970 г., когда был составлен перечень из 115 городов. В него вошли в том числе Ачинск, Енисейск, Канск, Минусинск, Киренск и Нижнеудинск. Под историческим городом понималось поселение, возникшее в отдаленный от настоящего времени период, сохранившее ценные памятники истории и культуры и состоявшее в утвержденном перечне исторических населенных мест [11, с. 71].

Нас интересует в первую очередь давность существования города, его многофункциональность, сложившаяся в ходе естественного развития, его роль как административного центра в течение длительного времени и определенная группа укорененного населения, в том числе истинные горожане (в третьем поколении), а также социокультурное наследие, обогащающее городскую среду. Все перечисленные города развивались как административные центры. Кроме того, они были центрами сельскохозяйственной округи, а также золотодобывающей и лесной промышленности.

Добавим, что Енисейск являлся бывшей столицей Красноярского края, а Минусинск, учитывая транспортную неразвитость XVII–XIX вв., можно считать его южной столицей. Отметим также, что в них доста-

² Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php. (дата обращения: 19.12.2015).

точно рано (в XIX в.) появились учебные заведения, музеи и театры.

Новый этап урбанизации связан с первой половиной XX в., с началом индустриализации, когда населенные пункты, имевшие значение транспортного узла, места добычи полезных ископаемых и/или административного центра, получали статус города. Данный тип можно назвать раннеиндустриальным. Это самая большая группа, в которую входят 17 (42 %) рассматриваемых городов. Здесь проживало наименьшее количество населения – 10 % (по данным 1979 г.)³.

Города были образованы в сложный для страны период, что отразилось в их облике и судьбе. Ресурсный характер ярко выражен у шести городов: Алзаймай, Артемовск, Бодайбо, Слюдянка, Усолье-Сибирское, Черемхово. Десять городов имеют приоритет в транспортной функции: они являются узлами транспортной сети, ключевыми обслуживающими станциями железной дороги или речными портами: Боготол, Дудинка, Заозерный, Зима, Игарка, Иланский, Тайшет, Тулун, Ужур, Уяр. Если бы не транспортное значение, они оставались бы селами. Как пишет об этом Г.М. Лаппо: «скрывают под городским статусом сельскую сущность» [12]. Из них только Свирск имеет крупное промышленное предприятие – завод «Востсибэлемент», что, однако, не сказалось на его качественном развитии. Указанные базовые функции остаются актуальными на протяжении всего рассматриваемого периода. Низкие доходы жителей этих городов и нежелание отраслей, привыкших эксплуатировать труд заключенных, вкладывать деньги в развитие человеческого капитала, обеспечивали сохранение негативного статус-кво. Для этой группы характерно медленное формирование городской среды, сохранение черт рабочего поселка, из которого они выросли, маргинализм и высокий отток населения. Чем дальше город находился от основной зоны расселения, тем больше наблюдалось ограничений для его развития. Это самая большая группа (17 городов). Однако население здесь было не велико и составляло 15,8 %⁴.

Еще одна группа городов оформилась благодаря политике индустриализации Восточной Сибири в послевоенный период (1950-е – начало 1980-х гг.). Такой город получил название благодаря журналистскому термину, появившемуся в 1950–1960-х гг. и закрепившемуся во всех видах публикаций, в том числе в научных трудах, – новый (молодой) город (см., например: [13]). Для обозначения этого типа используется также термин «позднеиндустриальный город». Важнейшим фактором в развитии данной группы является высокотехнологичное предприятие стратегического значения.

³ Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_79_reg2.php. (дата обращения: 19.12.2015).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php. (дата обращения: 19.12.2015).

По количеству городов эта группа меньше раннеиндустриальной (14), но по численности населения – в 2 раза больше – 33,8 %⁵.

Только четыре города относятся к ресурсным – Бородино, Назарово, Норильск, Лесосибирск; один транспортный – Усть-Кут; десять с новым производством: Ангарск, Байкальск, Братск, Вихоревка, Дивногорск, Железногорск, Железногорск-Илимский, Зеленогорск, Усть-Илимск, Шелехов.

Большую роль в их развитии сыграла социально-ориентированная политика Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнев, направленная на массовое жилищное строительство, повышение уровня благоустройства городов, а также начало НТР, благодаря которой вопросы решались за счет предприятий. Города этой группы более комфортны для жизни по сравнению с раннеиндустриальными. Причем чем позже строился город, тем выше были эти показатели. Так, первостроители Железногорска, Братска, Ангарска долго ютились в палатках, бараках и вагончиках. Строители Шелехова и Лесосибирска получили комфортные квартиры уже в первые годы. Если при застройке Братска школы оказались на втором плане, а очередь в детские сады была постоянно грандиозной, то в Усть-Илимске особое внимание уделялось открытию школ, ясель, детских садов, и проблема с обеспеченностью местами практически не возникала.

Динамика численности городского населения, при сравнении раннего и позднего этапа индустриализации, отражает ускоренные темпы урбанизации и ее более высокие качественные характеристики в послевоенный период. Крупные города Ангарск, Братск, Норильск, Усть-Илимск выделяются своей полифункциональностью, что обеспечило сюда больший приток населения, его укоренение и относительное разнообразие городской среды. Усть-Илимск был несколько ограничен в своем развитии сравнительно поздним возникновением, северным положением и транспортной удаленностью. Рост Дивногорска и Шелехова сдерживался из-за близости к региональным центрам, они остались в роли городов-спутников. Остальные города находились в прямой зависимости от предприятий (моногорода).

Говоря о второй волне советской индустриализации, следует учесть также «второе рождение» старинных городов – Ачинска, Канска, Минусинска, Усолья-Сибирского, когда в них были открыты новые промышленные предприятия. Это стимулировало рост населения и жилищное строительство. Дополнительная застройка, преимущественно «хрущевками», была осуществлена и в раннеиндустриальных городах. Хотя на «старую» часть города и укорененное население процессы не распространялись или влияли незначительно. Даже общегородские коммунальные сети могли не дотянуться

⁵ Всесоюзная перепись населения 1979 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php. (дата обращения: 19.12.2015).

до этих районов. Енисейска эти процессы не коснулись в связи с обретением им статуса города-памятника, а Киренска – в связи с удаленностью и отсутствием нового производства.

Таким образом, генетическая типология, даже на таком относительно небольшом отрезке времени, позволяет выявить динамику и специфику урбогенеза в регионе. Однако рассматриваться она должна в комплексе с базовыми характеристиками по людности и градообразующим функциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланно Г.М. География городов. М., 1997. 480 с.
2. Ланно Г.М. Особенности российской урбанизации // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 2000. № 3. С. 21–29.
3. Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации. М., 1999. 384 с.
4. Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен. Новосибирск, 2008. 116 с.
5. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. 286 с.
6. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. 168 с.
7. Салахова Л.М., Занданова Л.В. Формирование новых подходов к типологизации индустриальных сибирских городов второй половины XX в. в историко-культурных исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 25–30.
8. Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. 351 с.
9. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. М., 1994. 191 с.
10. Реут Г.А., Савин А.П. Становление и развитие г. Железнодорожск (Красноярск-26) как закрытого административно-территориального образования атомной промышленности (1950–1991 гг.). Красноярск, 2007. 278 с.
11. Ленский В. Исторические города: проблемы сохранения и развития // Проект Байкал. 2009. № 20. С. 71–73.
12. Ланно Г.М. Итоги российской урбанизации к концу 20 века // Россия и ее регионы в XX веке. Территория. Расселение. Миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 198–201.
13. Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. 269 с.

REFERENCES

1. Lanno G.M. Geography of the cities. Moscow, 1997, 480 p. (In Russ.)
2. Lanno G.M. Features of the Russian urbanization. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2000, no. 3, pp. 21–29. (In Russ.)
3. Pertsik E.N. Cities of the world. Geography of a world urbanization. Moscow, 1999, 384 p. (In Russ.)
4. Klevakin A.N. The cities of Siberia during the era of change. Novosibirsk, 2008, 116 p. (In Russ.)
5. Senyavsky A.S. Urbanization of Russia in the XX century: A role in historical process. Moscow, 2003, 286 p. (In Russ.)
6. Moskovsky A.S., Isupov V.A. Formation of urban population of Siberia. (1926–1939). Novosibirsk, 1984, 168 p. (In Russ.)
7. Salakhova L.M., Zandanova L.V. Formation of new approaches to a typology of the industrial Siberian cities of the second half of the XX century in historical and cultural studies. *Gumanitarnye Nauki v Sibiri*. 2010, no. 1, pp. 25–30. (In Russ.)
8. City as a sociocultural phenomenon of historical process. Moscow, 1995, 351 p. (In Russ.)
9. Pivovarov U.L. Modern urbanization. Moscow, 1994, 191 p. (In Russ.)
10. Savin A.P., Reut A.G. Formation and development of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26) as a closed administrative-territorial formation of the nuclear industry (1950–1991). Krasnoyarsk, 2007. 278 p. (In Russ.)
11. Lepsky V. Historical cities: problems of preservation and development. *Project Baikal*. 2009, no. 20, pp. 71–73. (In Russ.)
12. Lanno G. M. Results of the Russian urbanization by the end of the XX century. *Russia and its regions in the XX century. Territory. Moving. Migrations*. Moscow, 2005, pp. 198–201. (In Russ.)
13. Kutsev G. F. New cities. Moscow, 1982, 269 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.12.2016

DOI: 10.15372/HSS20160104
УДК 316.4

Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА

**ИЗМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ФОРМ ТЕКУЩЕГО УЧЕТА
БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО АСПЕКТА В ПЕРИОД 1950-х – СЕРЕДИНЫ 1960-х гг.
НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Надежда Сергеевна Коробейникова,
канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: ellpise@gmail.com

В статье представлен обзор динамики форм текущего статистического учета данных о браке и семье в 1950-е – первой половине 1960-х гг., когда происходила постепенная отмена наиболее спорных положений Указа от 8 июля 1944 г., что не могло не найти отражения в формах текущего статистического учета. Одна из непростых задач, которая встает перед исследователем, решившим изучать фамилистическую динамику данного периода, – это многочисленные малые и крупные изменения, вносимые в формуляры. В результате перед ученым встает задача унификации полученных данных, что невозможно без обзора вносимых изменений. Автором рассмотрены формы 1-а, а, 2, 2-а, 2-б, 2-в, 2-г, 7, 7-а, 8; заметим, что в изучаемый период они существенно менялись, обновлялись, дополнялись. Однако эти изменения еще не стали объектом внимания ученых. Данная статья призвана заполнить указанный пробел.

Ключевые слова: форма статистического учета, брачность, разводимость, рождаемость, семья, брачно-семейное законодательство.

N.A. KOROBAYNIKOVA

**CHANGING FORMS OF KEEPING STATISTICS OF MARRIAGES AND FAMILIES
IN THE 1950S- MID-1960S: ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA**

Nadezhda S. Korobeynikova,
Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: ellpise@gmail.com

The historical family demography is a new research direction today. The complexity here arises from the fact that the research problem lies at the intersection of historical-demographic and socioeconomic studies. The statistical data on familistic processes are the most important sources of information, which allow drawing conclusions about the key aspects of the problem, such as nuptiality, fertility, natality, single motherhood, divorce rates, etc. However, it must be acknowledged that all these indicators were also influenced by the legislative initiatives. One of the most striking examples of such influence in the Russian history of the XX century was the Decree of July, 8, 1944. It was the immediate cause for the incompleteness of statistical data on families for the whole of Russia as well as for the individual regions. 1950s and 1960s witnessed a process of gradual abolition of some paragraphs of this decree. This process was reflected in changing registration forms. The most significant changes were made in the forms of birth registration. Thus, the old and common Form 2 (registration of maternal age and birth order) was replaced with numerous forms assessing the dynamics of lonely mothers by age and social groups (2-b), general information about the mother's social and age group (2-v), the data about fathers (2-g). Tables of marriage rates were also modified as they no longer contained the data on urban areas with population over 100 thousand people. Changing forms affected the modes of statistical information presentation, as can be seen from the data on Western Siberia. This region included areas with different family dynamics, therefore changing forms of statistical record-keeping led to misinterpretation or loss of information. The article presents an overview of changing forms of keeping family statistics in the context of Western Siberia.

Key words: registrations forms, marriage rate, divorce rate, fertility rate.

Изучение фамилистического аспекта социально-демографической динамики обращает внимание ученого на проблему статистических источников, которые позволили бы объективно исследовать системные трансформации семьи, выявить основные закономерности и смоделировать институциональное развитие как общей семейной структуры, так и ее отдельных элементов. В связи с этим наибольший интерес приобретают статистические данные, скомплектованные во время изменений брачно-семейного законодательства, которые автоматически повлекли за собой также динамику форм текущего учета. Одним из таких периодов было десятилетие между началом 1950-х и концом 1960-х гг., когда постепенно, одна за другой, отменялись статьи указа от 8 июля 1944 г., который долгие годы оказывал негативное влияние на фиксацию статистических данных, отражавших брачно-семейную динамику¹.

Формы текущего статистического учета попали в круг интересов исследователей в связи с изучением динамики народонаселения, таких показателей, как рождаемость, брачность, разводимость и др. В связи с этим необходимо, в первую очередь, отметить исследование В.А. Исупова, который не только предпринял исчерпывающий обзор формуляров, но также исследовал специфику политического контекста составления форм текущего учета, выявил точки контроля достоверности, содержащихся в них сведений. В своей обобщающей работе, основанной на статистических источниках и посвященной обзору и систематизации данных периода Великой Отечественной войны, он обратил внимание на сильные и слабые стороны таблиц учета в военное время, систематизировал и описал статистические источники, в том числе по брачно-семейной динамике [1, с. 9–11]. Поскольку хронологические рамки его исследования были ограничены 1949 г., постольку период 1950–1960-х гг. остался им не затронут. Н.А. Араловец, изучая развитие семьи и брака в России в 1927–1959 гг., пришла к выводу о необходимости уточнения текущей статистической информации по фамилистическим процессам с данными переписей населения, так как информация, которая содержится в формах текущего учета, часто оказывается весьма не точной [2, с. 18–21]. Свое исследование она доводит до переписи 1959 г., начало 1960-х гг. не рассматривает. Кроме того, она почти не касается такого вопроса, как изменение форм текущего учета, которые в 1950-е гг. уже практиковались.

Таким образом, исследователями были охарактеризованы основные статистические источники, которые дают сведения для изучения семьи и брака. Как отметил В.А. Исупов, основные группы статистических материалов были разработаны и внедрены еще в 1930-е гг. Тем не менее в 1950–1960-е гг. эти группы источников претерпели значительные изменения в связи с внесением поправок в брачно-семейном законодательство, в первую очередь в Указ от 8 июля 1944 г.,

который, в переработанном виде, не терял своей силы вплоть до 1991 г. Однако в настоящее время нет работ, в которых была бы дана характеристика изменениям фиксации статистической информации. Между тем отсутствие такого рода информации затрудняет изучение брачно-семейной динамики.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка заполнить этот пробел в отношении региона Западная Сибирь. Хронологические рамки статьи – начало 1950-х – середина 1960-х гг. Основная цель автора – дать обзор динамики форм текущего учета статистических данных развития брака и семьи на материалах западносибирского региона благодаря решению следующих задач: во-первых, изучению изменений брачного состояния; во-вторых, рассмотрению форм учета рождаемости.

Отметим, что универсальная форма 1а («Итоги регистрации актов гражданского состояния за 19__ год») была на вооружение ЦСУ еще с 1930-х гг. и долгое время оставалась неизменной. Она позволяла учитывать помесечную динамику основных показателей семьи: количество зарегистрированных браков, разводов, рождений, младенческой смертности². Дополнительным ее удобством было наличие информации о количестве загсов, подавших сведения в ЦСУ за год, а также данных об общей численности населения с помесечной динамикой. С 1959 г. ее заменила форма А «Об итогах регистрации актов гражданского состояния за 19__ год»³. Отличием этой формы от предшествующей являлось отсутствие данных об общем количестве населения и загсов. Форма учитывала лишь сведения о населении от загсов, подавших сведения. Дополнительным неудобством западносибирского региона было то, что все области, за исключением Алтайского края, с 1959 г. перестали подавать сведения об общем количестве населения, начиная с 1959 г., а это существенно усложняет расчеты, а также влияет на их точность. Общие сведения о естественном движении населения дополнялись формами изменения брачного состояния (форма 7 с ее разновидностями и форма 8) и рождаемости (форма 2 с ее разновидностями).

Более подробные сведения о брачной динамике заносились в форму 7 («Сведения о браках по возрастам брачующихся за 19__ г.»)⁴. В ней содержались сведения о мужчинах и женщинах, вступающих в брак. Причем сведения о мужской брачности были представлены на лицевой стороне формы, женской – на оборотной. Возрастное деление между 17 и 29 годами было сделано очень подробным. Начиная с возраста 30 лет, эта таблица группировала возрастные когорты по 5 лет. По горизонтали в таблице были представлены жители

² См. например: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-374. Оп. 14. Д. 1822. Л. 47–49; Д. 1836. Л. 2–4, 51; Д. 1837. Л. 2–4; Д. 1852. Л. 1, 46.

³ См. например: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 4941. Л. 171–176, 181–188.

⁴ См. например: Там же. Оп. 14. Д. 1822. Л. 97–98; Д. 1836. Л. 30; Д. 1837. Л. 27, 42; Д. 1852. Л. 33.

¹ Советская Сибирь. 1944, 11 июля. Передовица.

сельской местности, а также горожане, причем для городских жителей («во всех городских поселениях») выделялась отдельная группа «в городах с населением свыше 100 тыс. жителей». Это позволяет делать выводы о возрастной динамике брачности в привязке к крупным городским поселениям. Однако с 1959 г. форма была изменена: из нее было удалено выделение крупных городов, что, безусловно, лишило исследователей возможности сегментировать городскую брачность⁵. В дополнение к форме 7 заполнялась форма 7-а «О распределении числа браков по возрастам вступающих (в брак за 19__ г.)». В ней были сведены вместе женские (по вертикали) и мужские (по горизонтали) возрастные группы⁶. Данная форма заполнялась отдельно для городских поселений, отдельно – для сельских. Затем обе таблицы сводились в суммарную «Итого по ...». Обе формы – 7, и 7-а – давали полную картину возрастной динамики брачности. С учетом формы 1-а исследователь имеет возможность сопоставить данные и получить достаточно точные результаты.

Еще одним маркером изменения семейного состояния является разводимость, данные о которой заносились в форму 8 «Статистические сведения о числе разводов по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков за 19__ год»⁷. В условиях действия указа от 8 июля 1944 г. данная форма, вплоть до 1957–1958 гг., являлась мало репрезентативной, так как официальный развод был сложным многоступенчатым процессом. Расторжение брака происходило по факту, без какого-либо юридического оформления. Эта особенность брачно-семейного законодательства в России в послевоенный период привела к тому, что на протяжении последующих десяти лет уровень разводимости сохранял устойчивый рост. Форма 8, несмотря на количественные искажения, потенциально отражала возрастные группы разводимости по вертикали. Горизонтально она учитывала различную продолжительность расторгаемых браков – от «менее 1 месяца» до «20 и более лет». Эта форма на протяжении всего изучаемого периода не претерпела значительных изменений, кроме перегруппировки в 1963 г. возрастных когорт для женщин, когда была удалена группа «менее 16» (по-видимому, в связи с тем, что на протяжении многих лет этот столбец оставался невостребованным для статистического учета).

Таким образом, статистические формы, фиксирующие изменение брачного состояния, претерпели некоторые изменения. Все они вели к тому, что таблицы текущего учета утрачивали свою подробность. Это делает анализ статистических данных менее доступным. Изучение сведений относительно Западной Сибири показывает, что в 1950–1960-х гг. происходил стремительный рост браков в городских поселени-

ях. При этом утрата информации о брачной динамике крупных и малых городов в данном регионе вызывает существенные сложности при анализе, так как население большинства крупных городов, безусловно, превышало население 100 тыс. чел., но относительно малые города также имели зачастую население выше указанной цифры. По этой причине более удобным представляется выделение наиболее крупных городов в отдельную форму, как это было сделано для Новосибирска, Кемерово, Барнаула, Омска и Томска.

Иная ситуация наблюдается в отношении форм, регистрировавших рождения, где в формуляры постоянно вносилось большое количество изменений. Традиционно, еще с 1930-х гг., таблицы рождаемости нумеровались как форма 2 «Сведения о родившихся детях возрасту матери за 19__ год», в которой по горизонтали учитывался возраст матери. Вертикальные колонки постоянно менялись. В разные периоды в них указывались социальное положение матерей, тип поселений. С 1944 г. форма получила наименование формы 2 «Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери»⁸. В ней отражалась очередность рождений. В таком виде данная таблица сохранилась до конца 1950-х гг. С 1958 г. она имеет вид формы 2-а.

С 1960 г. таблица вновь пережила серьезное изменение. К ней была добавлена существенно переработанная старая версия формы 2-а «Сведения о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей», занявшая оборотную сторону листа. Возрастные группы на лицевой стороне были сведены к когортам по пять лет. Из формы пропали сведения об отце, которые ранее заносились в форму 2-а (были перенесены в форму 2-г, см. ниже)⁹. Таблица заполнялась отдельно для городских и сельских поселений, а потом фиксировала суммарный результат. Поэтому сотрудники органов статистического управления каждого субъекта федерации заполняли три листа по данной форме, которые потом подшивались в архивных документах по установленному порядку.

С 1944 г. у формы 2 появилась дополняющая ее форма 2-б «Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце, по возрасту и занятию матери за 195__ год»¹⁰, в которой отражалась информация о рождении детей вне официально зарегистрированного брака¹⁰. В период между 1944 и 1955 гг. эта форма не менялась. По горизонтали она, как и ее предшественница – форма 2, представляла очень подробную возрастную структуру матерей – от 16 до 55 лет. По вертикали форма учитывала принадлежность матерей к определенной социальной группе: работающие в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях, работающие в колхозах, находящиеся на иждивении и не указавшие за-

⁵ См. например: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 1878. Л. 58–65.

⁶ См. например: Там же. Оп. 11. Д. 987. Л. 222–224, 285, 344–350, 402–403, 411–412.

⁷ См. например: Там же. Оп. 14. Д. 1748. Л. 2,3, 66, 67, 123–130, 187, 188, 196, 197.

⁸ См. например: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 792. Л. 4–11, 87–92, 164–171, 237–240, 252–255.

⁹ Там же. Оп. 32. Д. 3036. Л. 166–179.

¹⁰ См. например: Там же. Оп. 11. Д. 793. Л. 1–8, 110–112, 167–169, 175–178.

нения. С 1955 г. в формуляре произошли изменения. Ее формат стал компактнее, за счет укрупнения возрастных групп¹¹. Содержание столбцов не претерпело существенных изменений. В таком виде форма 2-б просуществовала до 1964 г. С этого года форма 2-а начала учитывать сведения из формы 2-б, поэтому с этой даты формуляр больше отдельно не заполнялся¹².

В 1958 г. появилась форма 2-в «Сведения о родившихся, определенных по возрасту и общественной группе матери»¹³. Формуляр включал собой общую информацию обо всех родившихся детях у матерей. Он содержал данные о возрастной группе и возрасте матери, что позволяло получить более общую, но более полезную для сопоставления с формой 2-г информацию. Возрастные группы матерей начинались с формулировки «моложе 16 лет». По вертикали колонки также делились на социальные группы: работающие в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях, работающие в колхозах, находящиеся на иждивении и не указавшие занятия.

Еще начиная с 1958 г. статуправления заполняли отдельно форму 2-г «Сведения о родившихся, распределенных по возрасту и общественной группе отца»¹⁴. Формуляр фактически дублировал аналогичные данные о матерях. По горизонтали таблица содержала сведения о возрастных когортах, причем первая группа была обозначена как «моложе 20 лет». По вертикали были представлены социальные группы: рабочие и служащие, колхозники и кооперативные кустари, прочие не указавшие занятие. Суммирование выполнялось в первой колонке. Форма также заполнялась отдельно для городских поселений, отдельно для сельских местностей, а затем данные в них суммировались. Для отчета подавались все три листа. Такая форма пришла на смену первой редакции формы 2-а, в которой отныне стали заполняться только данные о матерях (см. выше).

В формулярах, заполняемых в Западной Сибири, формы, учитывающие данные о рождаемости, заполнялись полностью (в ряде материалов других регио-

нов РСФСР можно обнаружить незаполненные поля таблиц, а также несовпадение итоговых показателей с данными столбцов). Видимо, частично это объясняется тем, что начиная с 1951 г. две области региона оказались в числе «рекордсменов» по наиболее интенсивному снижению показателей рождаемости, а одна область оказалась на грани спада. Как следует из Объяснительной записки, приложенной ЦСУ к сведениям по РСФСР, «наибольшее снижение числа родившихся было отмечено в Алтайском крае – на 15,8 %, в Новосибирской области – на 11,3 % ... В городе Омске число родившихся находилось на уровне предшествующего года»¹⁵.

В заключение необходимо отметить, что при работе с данными текущего учета в период 1950–1960-х гг. исследователь сталкивается с проблемой частых изменений стандартных формуляров, и это существенно усложняет расчеты по зафиксированным данным текущего учета. Причем данные об изменении брачного состояния практически не меняются. Значительные изменения претерпели сведения о рождениях. Эти формуляры пополнялись более подробными сведениями о родителях, что позволяет уже к середине 1960-х гг. составить очень подробный социальный портрет рождаемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исупов В.А.* Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 2011. 52 с.
2. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. 304 с.

REFERENCE

1. *Isupov V.A.* Statistical sources for the demographic history of Russia during the Great Patriotic War. Syktivkar, 2011, 52 p. (In Russ.)
2. *Aralovets N.A.* Urban family in Russia, 1927–1959. Tula, 2009, 304 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.01.2016

¹¹ См.: Там же. Оп. 30. Д. 6855. Л. 268, 269, 363, 364, 464, 466.

¹² См.: Там же. Оп. 35. Д. 3124. Л. 2, 3, 68, 69, 109, 110, 148, 149.

¹³ См.: там же. Д. 1855. Л. 167, 168, 172, 173, 182, 183, 176, 178, 180, 185, 186.

¹⁴ См. например: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 1856. Л. 167, 168, 169, 170, 174, 177, 180, 181, 184.

¹⁵ ГА РФ. А-374. Оп. 30. Д. 1617. Л. 39–50.

DOI: 10.15372/HSS20160105
УДК 949470+571)

А.А. БУРМАТОВ

НАСЕЛЕНИЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1970-е гг.

Александр Анатольевич Бурматов,
канд. ист. наук, доцент,
Куйбышевский филиал Новосибирского
государственного педагогического университета,
РФ, 632387, Новосибирская область, г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7,
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Статья написана на основе архивных материалов Текущего архива территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области (Омскстат) а также статистического управления Омской области (Ф. 2122) Исторического архива Омской области (ИАОО).

Дана комплексная характеристика населения Омской области в 1950–1970 гг. Рассматриваются материалы текущей статистики и репесей населения 1959 и 1970 гг. Реконструируются динамические ряды основных демографических показателей: рождаемости, смертности, естественного и механического движения, половозрастной состав населения. Анализируются тенденции и проблемы в рождаемости и смертности. В научный оборот вводится массив данных по демографическому развитию области, показано, что в регионе отмечался постоянный отток населения за пределы области, который прерывался миграционным приростом в годы освоения целины и усиленных хозяйственных переселений в регион.

Ключевые слова: Омская область, Западная Сибирь, рождаемость, смертность, младенческая смертность, демографический переход.

A.A. BURMATOV

THE POPULATION OF THE OMSK REGION IN THE 1950s-1970s

Aleksandr A. Burmatov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kuybyshev branch of the Novosibirsk State Paedagogical University,
7, Molodezhaya Str., Kuybyshev, Novosibirsk region, 632387, Russia,
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

The article is based on the materials of the Current Archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Omsk region (Omskstat) including the archival materials from the fonds of Statistical directorate of the Omsk region (F.2122.) in the Historical Archive of the Omsk Region (HAOR).

The paper comprehensively examines the population of the Omsk region in the 1950s–1970s. The author studies demographic development and traces demographic transition during the period from Stalinism to the “Thaw” and stagnation based on the archival records and materials which used to be «For office use only». Materials of the current statistics and population censuses of 1959 and 1970 are analyzed.

The paper focuses on the natural movement of population which was the determining factor behind the evolutionary development of the region. The author reconstructs the times-series of the main demographic indicators: birth rate, mortality (including infantile), natural and mechanical movements, sex and age structures of the population. Trends and problems related to the birth and mortality rates, are studied. The author introduces a whole body of data on demographic development of the Omsk region previously unused by the scholars due to the censorial restrictions of the Soviet period.

Materials of the current statistics of the period under study (1950 – 1970) there was a constant outflow of population from the Omsk region which was interrupted by the net migration gain in the years of development of virgin soils and intensive resettlements in the region.

Key words: Omsk region, Western Siberia, birth rate, mortality, infantile mortality, demographic transition.

Омская область – один из наиболее крупных регионов Западной Сибири, ее площадь 139,7 тыс. км². Плотность населения в области выше, чем в Запад-

ной Сибири в среднем, но меньше, чем в Кемеровской и Новосибирской областях. По численности населения она уступает всем административным образова-

ниям Западной Сибири, кроме Томской области и Республики Алтай.

Достаточно подробная статистическая информация о населении имеется только с 1950 г. При этом нужно учитывать, что динамика численности населения была получена обратным расчетом от данных переписи населения на 15 января 1959 г. Эти материалы позволяют получить достоверную информацию по реконструированию демографической истории. В Историческом архиве Омской области (ИАОО) данные по численности населения за 1950–1958 гг. либо отсутствуют, либо недостоверны, так как составители годовых и поквартальных отчетов по статистике населения не рассчитывали относительные показатели естественного движения за указанный период. Учитывая это обстоятельство, мы запросили информацию в территориальном органе федеральной службы государственной статистики по Омской области (Омскстат). Статья написана на основе официального ответа, полученного из этого ведомства, с привлечением архивных материалов и статистических публикаций. Омскстат предоставил по запросу непрерывные динамические ряды за 1950–1970 гг. В них содержится годовая численность населения, приведены абсолютные цифры о числе родившихся, умерших,

в том числе детей до одного года, в целом по области, а также по городскому и сельскому населению отдельно, имеются сведения о естественном движении по указанным категориям за каждый год рассматриваемого периода.

Существенным недостатком является то, что данные о населении области округлены до тысячи, что несколько осложняет расчет коэффициентов естественного движения и миграций. В ряде случаев расчеты вызывают сомнения, поэтому проводилась перепроверка показателей по методике Госкомстата РФ. Расхождение с показателями Омскстата невелико, его можно объяснить тем обстоятельством, что динамика численности населения приведена для постоянного населения, а показатели – для наличного. Указанной погрешностью можно пренебречь. Произведенные нами расчеты в статье оговорены особо. Что касается показателей младенческой смертности, то не совсем ясно, по какой методике они рассчитывались составителями и всегда ли использовалась одна методика. Так, за большинство лет данные приводятся в целых промилле, это наводит на мысль о том, что в 1950-е гг. и частично в начале 1960-х они рассчитаны по формуле Ратса для регионов с высокой младенческой смертностью. С середины 1960-х гг., скорее всего,

Т а б л и ц а 1

Население Омской области (1950–1970 гг.)*

Год	Численность населения, тыс. чел.			Доля в населении, %	
	всего	городское	сельское	городское	сельское
1950	1441	481	960	33,4	66,6
1951	1450	481	969	33,1	66,9
1952	1491	500	991	33,5	66,5
1953	1504	532	972	35,4	64,6
1954	1501	551	950	36,7	63,3
1955	1546	597	949	38,6	61,7
1956	1595	621	974	38,9	61,1
1957	1611	652	959	40,5	59,5
1958	1630	665	965	40,8	59,2
1959	1645	711	934	43,2	56,8
1960	1668	728	940	43,6	56,4
1961	1696	777	919	45,8	54,2
1962	1732	796	936	46,0	54,0
1963	1766	820	946	46,4	53,6
1964	1779	846	933	47,6	53,4
1965	1796	864	932	48,1	51,9
1966	1802	884	918	49,1	50,9
1967	1817	911	906	50,1	49,9
1968	1822	932	890	51,2	48,8
1969	1821	970	851	53,3	46,7
1970	1824	1008	816	55,3	44,7

*Составлено и рассчитано по данным официального ответа на наш запрос от 02.09.2015 г. Омскстатом от 30.09.2015 № ЕШ-57-06/684-ОГ.

расчеты выполнены на 1000 живорожденных. Такое положение не позволяет достоверно проследить темпы снижения смертности новорожденных. Качество предоставленных материалов о смертности детей до года вызывает сомнение на протяжении всего периода 1950–1970 гг., что также ставит под вопрос динамику смертности по области в целом, поскольку доля умерших младенцев была значительна. Частично это обстоятельство должно отразиться и на показателях рождаемости, так как умершие вскоре после рождения не попадали в статистику ни как живорожденные, ни как умершие. В помещенных ниже таблицах, несмотря на отмеченные недостатки, приведены данные по младенческой смертности в том виде, который подготовил Омкстат.

Численность населения Омской области и его распределение на городское и сельское приведены в табл. 1. Цифры за 1950–1970 гг. даны в тысячах, без указания десятых долей. Это осложняет задачу при подсчете миграционного движения. Статистическая ошибка невелика (0,5–1,2 тыс.), и ею можно пренебречь.

Данные табл. 1 позволяют говорить о неустойчивом росте населения Омской области, иногда рост

составлял лишь 1–5 тыс. чел. Например, в 1953 г. и в 1969 г. общее увеличение составило 3 тыс. чел., в 1967 г. около 5 тыс. чел. Прирост менее 10 тыс. чел. наблюдался в четырех годах. Кроме того, в 1953 г. и 1968 г. абсолютная численность области сокращалась на 0,1–0,2 %. Тем не менее, в 1950–1959 гг. население Омской области приросло на 204 тыс., или 14,2 %, за межпереписной период 1959–1970 гг. прирост составил 159 тыс., или 10,9 %.

Ежегодные темпы увеличения населения составляли 0,6–3,2 % за 1950–1959 гг. и 0,3–2,0 % в 1959–1970 гг. (исключая годы, когда население сокращалось). Средний прирост в первое десятилетие достиг 1,5 %, во второе – 1,0 % в год. Темпы роста и прироста представлены в табл. 2. Кстати, имеются три ряда (как минимум) динамики населения области. Первый рассчитан по данным текущей статистики сравнительно с данными переписи 1959 г., он публиковался в сборниках «Народное хозяйство» СССР и РСФСР за соответствующие годы (за исключением 1960 г., данные по которому не опубликованы). Второй был получен обратным расчетом от данных переписи 1970 г., утвержден РСФСР и частично публиковался в открытых статистических изданиях,

Т а б л и ц а 2

Темпы изменения численности населения Омской области (1950–1970 гг.)*

Год	Индекс динамики, %			Базисный индекс, 1950 г.=100 %		
	все население	городское	сельское	все население	городское	сельское
1950	100	100	100	100	100	100
1951	100,6	100,0	100,9	100,6	100,0	100,9
1952	102,8	103,9	102,3	103,4	103,9	103,2
1953	100,9	106,4	98,1	104,4	110,6	101,3
1954	99,8	103,6	97,7	104,2	114,6	99,0
1955	103,0	108,3	99,9	107,3	124,1	98,9
1956	103,2	104,0	102,6	110,7	129,1	101,4
1957	101,0	105,0	98,5	111,8	135,6	99,9
1958	101,2	102,0	102,6	113,1	138,3	100,5
1959	100,9	106,9	96,8	114,2	147,8	97,3
1960	101,4	102,4	100,6	115,8	151,4	97,9
1961	101,7	106,7	97,8	118,0	161,5	95,7
1962	102,1	102,4	101,8	120,2	165,5	97,5
1963	102,0	103,0	101,1	122,6	170,5	98,5
1964	100,7	103,2	98,6	123,5	175,9	97,2
1965	101,0	102,1	99,9	124,6	179,6	97,1
1966	100,3	102,3	98,5	125,1	183,8	95,6
1967	100,8	103,1	98,7	126,1	189,4	94,4
1968	100,3	102,3	98,2	126,4	193,8	92,7
1969	99,9	104,1	95,6	126,4	201,7	88,6
1970	100,2	103,9	95,9	126,6	209,6	85,0

* Рассчитано по данным официального ответа Омкстата.

и полностью в статистических сборниках по населению и развитию здравоохранения, которые предназначались исключительно для служебного пользования. Третий вариант имеется только в архиве статуправления¹. Он составлен работниками Омскстата (как и управлениями статистики областного и республиканского уровня других регионов) на основе секретного указания ЦСУ РСФСР, использовался исключительно внутри ведомства, материалы расчета запрещалось сообщать кому-либо.

Как видно из табл. 1 и 2, население Омского региона за 20 лет увеличилось на 26,6 %, в том числе городское – на 109,6 %. Сельское население области сократилось на 15,0 %. Необходимо отметить ряд особенностей в динамике населения городов и сел. Так, за 1950 г. городское население не изменилось, тогда как сельское население увеличилось на 0,9 %. В то же время в 1951 г. отмечен рост населения на 3–4 % у обеих категорий. С 1952 г. сельское население стало сокращаться, и эта тенденция была прервана в 1955 и 1957 гг. В обоих случаях рост составил 2,6 %. Такое изменение тренда произошло в период освоения целинных земель. Так, в 1955 г. в сельскую местность вселилось 1800 семей хозяйственных переселенцев (закрепилось 1211 семей), в 1957 г. – соответственно 1165 и 927. В 1960 г., 1962 г. и 1963 г. также отмечалось увеличение численности жителей сельской местности, в том числе благодаря продолжающимся сельскохозяйственным переселениям. Всего за 1953–1966 гг. в область вселилось 10 891 семей, или 47 920 жителей. Закрепилось 8526 семей [1, с. 149; 2, с. 191]. Следует отметить, что в селах области сохранялся высокий естественный прирост. Кроме того, в Омской области успешно реализовалась программа создания агрогородков, а многочисленные районные центры, притягивающие окрестное население, являлись крупными селами, которые стали предоставлять населению услуги по благоустройству.

В целом тенденция урбанизации региона укреплялась. Доля горожан в 1950 г. составляла 1/3 всех жителей, в 1966 г. она сравнялась с сельской, а в 1970 г. составила 55,3 %. Особенностью Омской области было то, что рост горожан происходил в основном за счет областного центра. Население Омска в 1955 г. превысило полмиллиона, а в 1959 г. составило 581,1 тыс. чел., в 1970 г. – 821,2 тыс., т.е. рост произошел на 240 тыс. чел., или на 41,3 %. В целом численность городского населения области за этот период составила 297 тыс. чел., или 41,7 %. Другими словами, Омск обеспечил 80,8 % абсолютного роста городского населения, сконцентрировав 81,5 % городского и 45,0 % всего населения области. Столица Приртышья росла темпами, которые не превышали темпы прироста всего городского населения региона. В результате в Омской области нет городов даже с людностью населения свыше 30 тыс. чел., как в Новосибирской, и городов-стотысячников, кото-

рые имелись в Кемеровской, Томской областях и в Алтайском крае. В других городах области (всего 6 городов) было населения (чел.): Тара – 22,6 тыс. (1959 г.) и 22,4 тыс. (1970 г.); Исилькуль – соответственно 23,1 и 26,0 тыс.; Калачинск – 19,0 и 20,8 тыс.; Называевск – 16,4 и 15,8 тыс.²; Тюкалинск – 10,2 и 10,4 тыс. жителей. В этих городах не было высоких темпов роста: например, Исилькуль вырос на 12 %, Калачинск – на 10 %, Тара и Называевск сократили свою численность на 1 % и 3 % соответственно. Все населенные пункты, отнесенные к городским поселениям, увеличили свою численность на 57 тыс. чел. (рост со 130 до 187 тыс. чел.), или 43,8 %. Таким образом, кроме Омска, быстро росла численность населения в поселках городского типа, но не в городах области. Это закрепляло вторую специализацию экономики – аграрную и перерабатывающую сельскохозяйственное сырье.

Темпы прироста городского населения были различными в разные годы. Максимумы в 6,4–6,9 % наблюдались в 1952, 1958 и 1961 гг., но особенно в 1954 г. – 8,4 %. В остальные годы численность горожан прирастала на 2–5 %. Причем эти темпы превышали естественный прирост горожан, но в целом являлись умеренными.

Увеличение доли горожан происходило и за счет сокращения численности жителей сельских поселений. Последняя уменьшалась за 20 лет в 13 годах, росла – в семи. Снижение не было высоким – 0,1–2 %. Темп начал ускоряться в конце 1960-х гг. В 1968 и 1969 гг. сельское население сокращалось на 4–4,5 %. Уменьшение численности жителей села интенсивнее происходило в период форсированного сокращения числа «неперспективных деревень». Одновременно ускорялись отток жителей за пределы области (табл. 3) и снижение рождаемости в сельской местности (табл. 4). Механический отток составил 33,2 % от величины естественного прироста. Таким образом, воспроизводство населения в Омской области, как и в остальных регионах Западной Сибири, происходило в условиях отрицательного миграционного обмена, т.е. было замедленным. Отток населения из данного экономического района был установлен исследователями в 1960 – начале 1970-х гг. [3, с. 41–49; 4, с. 28–35; 5, с. 28–42; 6, с. 75–94; 7, с. 56–63].

В 1950 г. Омская область уже находилась в стадии демографического перехода, когда одновременно снижаются и рождаемость, и смертность. Но при этом смертность до 1958 г. снижалась быстрее, чем рождаемость. Это привело к увеличению естественного прироста. В 1950 г. естественный прирост составил 17,7 ‰, в 1951 г. – 19,6, в 1952 г. – 21,4 ‰. Максимум был достигнут для всего населения в 1955 г. – 23,5 ‰, в сельской местности – в 1958 г. – 27 ‰. Естественный прирост превышал 2 % в год до 1961 г. для всей области, а в сельской местности – до 1963 г. включительно. Именно до этого периода можно говорить о слаборегулируемом процессе деторождения для большинства семей.

¹ Текущий архив Омскстата. Отдел статистики населения, здравоохранения, уровня жизни и обследований домашних хозяйств.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1972. Т. 1. С. 39.

Соотношение естественного и механического прироста населения, тыс. чел.*

Год	Общий прирост	Естественный прирост	Механический прирост	Доля естественного прироста в общем приросте, %
1950	9	25,6	-16,6	284,4
1951	41	28,7	11,3	70,0
1952	13	32,0	-19,0	246,2
1953	-3	26,8	-29,8	x
1954	45	30,5	14,5	67,8
1955	49	35,0	14,0	71,4
1956	16	35,7	-19,7	223,1
1957	19	36,3	-17,3	191,1
1958	15	38,4	-23,4	256,0
1959	17	37,9	-20,9	229,4
1960	28	36,5	-8,5	130,6
1961	36	34,1	1,9	94,7
1962	34	31,6	2,4	92,9
1963	13	29,4	-16,4	226,2
1964	17	24,8	-7,4	145,9
1965	6	21,3	-15,3	355,0
1966	15	19,8	-4,8	132,0
1967	5	17,1	-12,1	342,0
1968	-1	16,3	-17,3	–
1969	3	15,3	-12,3	510,0
Всего	383	573,1	-190,1	149,6
%	100,0	149,6	-49,6	

*Рассчитано по данным официального ответа Омкстата. Механический прирост принят как разность общего и естественного прироста населения.

В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири, по расчетам Е.М. Левицкого, составляла 67 лет, в том числе для мужчин – 63 года, для женщин – 71 год. В СССР аналогичные показатели были равны 69; 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири соответствовали показателям Российской Федерации. В Омской области мальчику при рождении в среднем предстояло прожить 62,95 года, девочке – 71,45 года [8, с. 20, 73]. Другими словами, показатели смертности в Омской области были близки к общереспубликанским. Эти показатели превышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками в 1964 г. в СССР был установлен размер недоучета смертности в 4,4 % (в городах – 1,2 %, в сельской местности – 5,9 %), в РСФСР – 3,4 %; 1,2 % и 4,7 % соответственно³. В Омской области органы статистики неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения.

Например, мальчик прожил после рождения 1 ч 15 мин, а был зарегистрирован как мертворожденный. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрировались в органах ЗАГС⁴. Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующего за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали, так как окончательная дата, после которой годовая отчетность закрывалась, было 0 ч 1 апреля. Как показывает анализ, необходимо увеличить общий показатель смертности на 0,1 – 0,3 %, а рождаемости на 0,1 %. Это касается только случаев, выявленных и зарегистрированных ЗАГСами. Таким образом, естественный прирост несколько завышался, и статистикам приходилось корректировать численность населения забалансовым методом.

На местах статистики пытались рассчитать на основе текущей статистики продолжительность жизни. Так, новорожденные омичи (по расчетам местного

³ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2122. Оп. 1. Д.4457. Л. 171.

⁴ Там же. Ф. 2122. Оп. 3. Д. 1035. Л. 97.

Естественное движение населения Омской области (1950–1970 гг.), %*

Год**	Рождаемость			Смертность		
	все население	городское	сельское	все население	городское	сельское
1950	29,0	27,0	30,0	11,3	10,4	11,7
1951	31,9	30,7	32,4	12,3	10,9	13,1
1952	31,7	29,6	32,8	10,3	9,2	10,9
1953	27,2	25,2	28,3	9,4	8,1	10,1
1954	29,4	27,8	30,4	9,4	7,7	10,4
1955	32,5	27,2	34,2	9,2	7,5	10,2
1956	29,8	26,0	32,6	7,5	6,6	8,1
1957	30,3	25,2	33,9	7,9	6,9	8,7
1958	30,6	24,9	34,8	7,2	6,4	7,8
1959	29,8	23,6	34,5	7,5	6,8	8,0
1960	28,6	23,4	32,8	6,9	6,4	7,1
1961	27,0	21,9	31,4	7,1	6,5	7,6
1962	25,2	20,5	29,3	7,2	6,6	7,7
1963	22,3	19,2	27,0	6,8	6,5	7,0
1964	20,9	17,4	23,3	6,6	6,3	6,9
1965	18,6	15,7	21,3	6,8	6,5	7,1
1966	17,6	15,4	19,7	6,7	6,3	7,0
1967	16,4	14,6	18,4	7,1	6,7	7,5
1968	16,1	14,9	17,4	7,2	7,0	7,5
1969	15,9	15,1	16,5	7,5	7,3	7,6
1970	15,9	15,3	16,6	7,7	7,2	8,4

*Рассчитано по данным официального ответа Омкстата.

**Наши расчеты несколько отличаются от расчетов Омкстата, так как не учитывают миграционные потоки.

областного управления статистики) в 1964 г. могли в среднем прожить 67,7 года, мужчины – 63,27, а женщины – 71,05 года. У горожан аналогичные показатели составляли 68,0; 63,58 и 71,24 года, в сельской местности соответственно – 67,66; 63,14 и 70,94 года⁵. Это свидетельствовало о стабилизации средней продолжительности жизни населения в регионе по сравнению с 1958 – 1959 гг. У женщин отмечалось снижение показателя средней продолжительности жизни на 0,4 года. Мужчины стали жить на 0,32 года дольше. Видимо, сыграло свою роль улучшение качества учета смертных случаев, особенно в сельской местности. Кроме того, общие показатели смертности с 1958–1959 гг. по 1964 г. снижались. При наличии молодой возрастной структуры населения в области все же происходили процессы старения населения. Это свидетельствует об омоложении смертности (рост ее в молодых и трудоспособных возрастах при снижении в ранних детских и в старших возрастах); кроме того, возможно, влияние младенческой смертности уменьшилось (при значительном снижении рождаемости и показателей смертности

до одного года доля умерших детей резко снижается и общая смертность тоже). Так, в 1958 г. в Омской области скончалось в возрасте до одного года 2049 чел., в 1959 г. – 2111, а 1964 г. – 1168 чел. В 1958 г. число умерших младенцев составило 17,4 % от всего числа умерших, в 1959 г. – 17,0 %, а в 1964 г. – 9,9 % (табл. 5). Снижение смертности в данном возрасте соответствовало снижению общей смертности на 0,6 ‰ (0,4 ‰ – за счет сокращения рождаемости, 0,2 ‰ – за счет снижения интенсивности смертности). Младенческая смертность в 1958 г. составляла 41 ‰, в 1959 г. – 43, а в 1964 г. – 32 ‰. Такое расхождение в динамике продолжительности жизни можно объяснить и различными методиками расчета средней продолжительности жизни. Применяемые методики в СССР давали расхождение до 0,5 года. Тогда получается, что снижение смертности продолжилось, хотя и замедлилось. Так, снижение младенческой смертности на 9 ‰ обеспечивало рост продолжительности жизни примерно на 0,8 года.

На увеличении общей смертности сказывался и начавшийся процесс старения населения. В 1959 г. возрастной рубеж в 60 лет перешагнуло в г. Омске 7,0 % населения. В 1970 г. в данных возрастах ока-

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

Младенческая смертность в Омской области (1950–1970 гг.)*

Год	Доля умерших детей до 1 года в общей смертности, %			Младенческая смертность, %		
	всего	город	село	всего	город	село
1950	26,3	27,2	25,9	102	105	101
1951	28,3	28,1	28,4	110	99	115
1952	25,2	23,7	25,9	82	74	86
1953	22,1	18,5	23,7	76	59	84
1954	22,3	19,2	23,7	71	53	81
1955	25,3	20,3	27,6	74	56	83
1956	19,2	15,8	21,0	48	41	52
1957	17,8	13,3	20,3	47	36	52
1958	17,4	13,4	19,7	41	35	44
1959	17,0	12,3	20,2	43	36	46
1960	14,2	10,8	16,7	34,1	30,3	36,2
1961	13,3	10,3	15,4	35	31	37
1962	11,6	9,2	13,4	33	29	35
1963	11,3	9,0	13,1	33	31	34
1964	9,9	8,9	10,7	32	33	31
1965	7,1	5,5	8,5	25,3	26,0	24,8
1966	6,4	5,9	6,8	23,8	24,4	23,2
1967	6,0	5,6	6,3	25,3	25,5	25,0
1968	5,5	4,9	6,1	24,7	23,4	25,5
1969	5,3	5,4	5,1	24,8	26,4	22,8
1970	4,3	4,3	4,3	20,8	20,4	20,1

* Составлено и рассчитано по данным официального ответа Омскстата. Показатели младенческой смертности определялись по данным Омскстата.

залось 8,8 % жителей столицы Прииртышья. В Омской области в 1959 г. насчитывалось 7,7 % населения старше 60 лет, в 1970 г. таковых было 9,7 %. В городах уровень старения составил в 1959 г. 7,2 %, в сельской местности – 8,1 %. В 1970 г. показатели были соответственно 9,2 и 10,2 %⁶. Население вплотную подошло к уровню преддверия старости, согласно шкале польского демографа Э. Россэта, население молодое, если доля лиц старше 60 лет – до 8 %, при 8–10 % оно приближается к преддверию старости, при 10–12 % находится в преддверии старости, а свыше 12 % является старым. Тем не менее, приходится констатировать, что уровень старения не мог обеспечивать таких быстрых темпов увеличения показателей смертности. С 1966 по 1969 г. прирост данного показателя составил 1,0 %. Следовательно, с 1967 г. отмечается рост повозрастных показателей смертности, который частично был вызван улучшением качества учета. Такая тенденция просматривается и в других регионах Западной Сибири [9, с. 184–188].

⁶ Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972. С. 299, 487.

В Омской области сохранялся высокий уровень рождаемости – свыше 25,0 ‰ вплоть до 1963 г. В 1950-е гг. этот показатель превышал 30 ‰, а в сельской местности – даже 34 ‰. Так, по расчетам Е.М. Левицкого, в 1958–1959 гг. на 1000 женщин 15–49 лет приходилось 107 рождений. Этот показатель был рекордным для Западной Сибири, где в среднем было 99 рождений. Такой же уровень рождаемости отмечался в Алтайском крае [8, с. 25]. Чистый коэффициент воспроизводства по Западной Сибири составлял 1,39. Следовательно, уровень воспроизводства населения в Омской области было заметно выше, чем в соседних регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века). Иркутск: Изд-во пед. ун-та, 1997. 158 с.
2. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
3. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 168 с.
4. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг.: в 2 ч. / под. ред. Е.Д. Малинина. Новосибирск: ИЭиОПП, 1970. Ч. 1. 239 с.

5. *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 96 с.

6. *Переведенцев В.И.* Миграция населения и трудовые ресурсы Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966. 192 с.

7. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 232 с.

8. *Левицкий Е.М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 143 с.

9. *Бурматов А.А.* Тенденции смертности в Западной Сибири в 1959 – 1970 гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – в начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2014. С. 184–188.

REFERENCES

1. *Zandanova L.V.* Resettlement of the peasantry to Asian Russia (late 1940s – mid-1960s). Irkutsk: Izd-vo ped. un-ta, 1997, 158 p. (In Russ.)

2. Population shifts of Asian Russia: the end of XIX – the beginning of the XXI centuries. Editor-in-chief V.A. Isupov. Novosibirsk: Parallel, 2011, 392 p. (In Russ.)

3. *Malinin E.D., Ushakov A.K.* The population of Siberia. M.: Statistika, 1976, 168 p. (In Russ.)

4. The population, manpower and standard of living in Western Siberia. 1959–1980: in 2 parts. Editor-in-chief E.D. Malinin. Novosibirsk: IEIOPP, 1970, part 1, 239 p. (In Russ.)

5. *Perevedentsev V.I.* Modern population shift of the Western Siberia. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo, 1965, 96 p. (In Russ.)

6. *Perevedentsev V.I.* Population shift and manpower of Siberia. Novosibirsk: Science, 1966, 192 p. (In Russ.)

7. *Perevedentsev V.I.* Methods of studying migration of the population. Moscow: Science, 1975, 232p. (In Russ.)

8. *Levitsky E. M.* Economical and statistical research of reproduction of the population of Siberia and the Far East on the basis of tables of life expectancies. Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR, 1962, 143 p. (In Russ.)

9. *Burmatov A.A.* Mortality tendencies in Western Siberia in 1959–1970. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI v.: materialy II Vseros. nauch. konf. Novosibirsk: II SO RAN. 2014.* Novosibirsk, 2014, pp. 184–188. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.12.2015

DOI: 10.15372/HSS20160106
УДК 314.5

Н.А. АРАЛОВЕЦ

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1960–1970-е гг.

Наталья Аркадьевна Араловец,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН,
РФ, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
e-mail: aralovetz@yandex.ru

В статье на основе данных текущей статистики, переписей населения, проведенных обследований показано доминирование в РСФСР населения, состоявшего в браке, низкий уровень окончательного безбрачия, снижение возраста вступления в первый брак, а также сближение брачного возраста у мужчин и женщин. Изучено влияние ослабления демографических последствий Великой Отечественной войны на брачное поведение российского населения. Проанализированы демографические последствия миграции сельской молодежи в город. Рассмотрены особенности этнически-смешанных браков. Раскрыты особенности повторных браков разведенных или овдовевших мужчин и женщин. Подчеркнуто, что среди повторно вступавших в брак численно преобладали разведенные мужчины и женщины, что совпадало с увеличением доли распавшихся браков из-за разводов и ее сокращением из-за смерти одного из супругов. Показаны также альтернативные формы и стили брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: брачный возраст, брачное состояние, брачность, мотивы, этнически-смешанные, повторные, альтернативные браки.

N.A. ARALOVETS

THE MATING BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE 1960s–1970s

Natalia A. Aralovets,
Doctor of Historical Sciences, Leading researcher,
Institute of Russian History RAS,
19, Ulyanova Str., Moscow, 117036, Russia,
e-mail: aralovetz@yandex.ru

The article based on the data of current statistics, population censuses of 1970 and 1979, and sociological surveys considers the age of marriage, the motivation for marriage, peculiarities of marriages in Russia. Concept of demographic transition in Russia serves as a theoretical framework for the research. The problem-chronological, historical, and demographic methods were used to study these problems which allowed showing the specifics of mating behavior of the population under the conditions of demographic transition. During this period for most people motivation for marriages was based on psychological values. The author showed that in the 1960s and 1970s the age at first marriage in the USSR was in decline. In the European part of the USSR the age of marriage for males decreased from 26.5 years in 1968–1972 to 24.7 years in 1982, for females – from 24.7 to 23.2 years. However, there was a convergence of age at first marriage for men and women. According to the statistical data the population of the RSFSR was dominated by the married couples, while the married men were numerically predominant over married women. Mitigation of demographic consequences of the Great Patriotic war contributed to normalization of the age and sex structure of the Russian population; to an increase in the number of married women active in the marriage and reproductive ages; to stable nuptiality. However, a significant migration of young people from rural areas to urban centers increased urban marriage rate as compared to the rural areas and the republic (RSFSR) as a whole. In the 1960s and 1970s interethnic marriages and families were widespread in the RSFSR. The study looked at alternative forms and styles of family and marital relations, the most common in the Russian cities. The author noted their impact on the level of nuptiality, demographic characteristics of the family and on the family relations.

Key words: marriage age, marital status, marriages, motives, interethnic, alternative marriages.

В 1960–1970-е гг. в РСФСР, особенно в городах, распространялись современные семейные ценности, изменялись морально-психологические нормы брачного поведения населения – все это влияло на возраст вступления в брак.

Из данных статистики видно, что примерно с середины 1960-х гг. в РСФСР повышалось число ранних браков до возраста 20 лет. Это явление определялось разными факторами, в том числе тем, что в 1970-е гг. возраста 20 лет достигло многочис-

ленное послевоенное поколение примерно с равным численным соотношением мужчин и женщин. Омоложение возраста вступления в брак было связано с акселерацией молодежи. Существенное значение имело также сокращение призывного возраста и срока службы в армии по Закону о всеобщей воинской обязанности 1967 г. и т.п. Женщины активнее мужчин вступали в брак в возрастах 18–19 лет: на 1000 мужчин в возрасте 18–19 лет состояло в браке в 1959 г. – 38, в 1970 гг. – 40 мужчин, а на 1000 женщин – соответственно 143 и 159¹.

Однако юноши и девушки, вступая в ранние браки, не были экономически самостоятельными и ориентировались на всестороннюю помощь со стороны родителей. Возрастала, таким образом, зависимость состоявших в браке детей от родителей, что в целом негативно сказывалось на брачно-семейных отношениях.

Однако большинство юношей и девушек вступали в брак в возрастном интервале от 20 до 30 лет. Тем не менее брачный возраст у мужчин и женщин понижался. С 1968–1972 гг. по 1982 г. в европейской части СССР брачный возраст у мужчин снизился с 26,5 лет до 24,7 лет, у женщин – с 24,7 до 23,2 лет. Вместе с тем в конце 1970-х гг. у женщин фиксировалось и позднее вступление в брак – в возрастах после 30 лет.

В российских городах мужчины активно вступали в брак в возрастах 20–24 и 25–29 лет. Количество ранних браков в возрасте до 20 лет было небольшим. У женщин ранние браки были больше распространены, чем у мужчин. Женщины в основном выходили замуж в возрастах 20–24 года. Таким образом, средний возраст вступления в первый брак у мужчин и женщин сближался, вместе с тем наблюдалось снижение среднего возраста вступления в первый брак².

В эти годы мотивация вступления в брак и создания семьи у большинства мужчин и женщин основывалась на морально-психологических ценностях – любви, общности интересов и т.д. Наряду с этим мужчины и женщины вступали в брак и по расчету, по материальным соображениям, а также руководствуясь стереотипом. Преобладание в российском обществе любовных мотивов при вступлении в брак оказало влияние на особенности брачности населения, в том числе городского.

Важно отметить, что к концу 1970-х гг. завершилась послевоенная нормализация брачности, воевавшее поколение мужчин – малочисленное из-за огром-

ных потерь – вышло за пределы активного брачного возраста [1, с. 75–76; 2, с. 9–11].

Данные переписей населения зафиксировали особенности состояния в браке российского населения. Мужчины и женщины главным образом состояли в браке. В то же время состоявших в браке мужчин было численно больше, чем женщин. В РСФСР – на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. – 692, в 1970 – 716, в 1979 гг. – 708; на 1000 женщин – 505, 563 и 569 соответственно. Из приведенных данных также видно, что с 1959 по 1979 г. повысилось число состоявших в браке мужчин и женщин. Однако с 1970 по 1979 г. количество состоявших в браке мужчин уменьшилось, а женщин увеличилось³. Данному явлению соответствуют расчеты демографов, показавшие, что ожидаемая продолжительность жизни в браке у женщин в возрасте 16 лет и старше в Европейской России и в СССР составляла в 1959 г. – 28,3 года, в 1970 г. – 32,8 года, у мужчин – 41,2 и 39,6 года [1, с. 92–94].

В РСФСР мужчин, никогда не состоявших в браке, было численно больше, чем женщин. В 1979 г. – на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше таких было 233; на 1000 женщин – 158. Однако уровень окончательного безбрачия (возраст 45–49 лет и старше) оставался в РСФСР традиционно низким: никогда не состоявших в браке в этих возрастах было 2 % мужчин и 4 % женщин.

Продолжали сказываться потери мужчин в годы Великой Отечественной войны, что затрудняло вступление женщин в повторный брак. Это явление обусловило численное преобладание вдов и разведенных женщин над вдовцами и разведенными мужчинами, особенно в возрастах 50 лет и старше⁴.

Аналогичная ситуация была характерна для городов РСФСР. Так, наблюдалось численное увеличение состоявших в браке мужчин – на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. – 687, в 1979 г. – 704. Число замужних женщин также повышалось – на 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 – 520, в 1979 гг. – 569. Однако количество состоявших в браке женщин было меньше, чем мужчин. Это явление было характерно для всех возрастов, за исключением наиболее молодых (до 20 лет)⁵. Таким образом, за межпереписной период с 1959 по 1979 г. в российских городах, как и в РСФСР в целом, отмечалось повышение числа состоявших в браке мужчин и женщин.

В 1979 г. доминировали состоявшие в браке мужчины и женщины. В молодых возрастах также выделялось число никогда не состоявших в браке, особенно мужчин. Однако в средних возрастных группах коли-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 2. С. 263.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1031. Л. 1 об., 3 об., 121 об., 142 об., 161 об., 162 об., 171 об., 183 об., 201 об., 207 об., 213 об., 219 об., 225 об.; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). А-374. Оп. 36. Д. 1138. Л. 1–10 об.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. 2, ч. 2. С. 718; Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М., 1998. С. 126–127.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2, ч. 2. С. 747; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6155. Л. 1–24, Д. 6156. Л. 1–139.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6156. Л. 1–139.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2, ч. 2. С. 747.

чество женщин, никогда не состоявших в браке, было численно больше, чем мужчин. Число вдов и разведенных женщин преобладало особенно в средних и пожилых возрастных группах над вдовцами и разведенными мужчинами. У женщин в возрасте 60 лет и старше доминировали вдовы, а у мужчин – состоявшие в браке. В 1979 г. – на 1000 мужчин было состоявших в браке – 704, никогда не состоявших в браке – 235, вдовцов – 17, разведенных и разошедшихся – 43, не указавших брачное состояние – 1; на 1000 женщин – соответственно 569, 172, 174, 84 и 1⁶.

Состояние в браке мужчин и женщин зависело от возраста. В возрастах 16–17, 18–19 лет количество состоявших в браке мужчин было незначительным. Однако в возрасте 25–29 лет большинство мужчин состояло в браке (на 1000 мужчин было женатых в 1959 г. – 779, в 1970 г. – 764, в 1979 г. – 776). Наибольшее их число в 1959 г. отмечалось в средних возрастных группах 40–44, 45–49 лет – 962; в 1970 г. – в возрасте 50–54 года – 949; а в 1979 г. – в 55–59 лет – 921. Данные переписей населения показали, что с увеличением возраста число состоявших в браке мужчин снижалось, но оставалось высоким.

Женщин, состоявших в браке, в возрасте до 20 лет численно было больше, чем мужчин. В возрасте 20–24 года женщины преимущественно состояли в браке – на 1000 женщин замужних было в 1959 г. – 446, в 1970 г. – 509, в 1979 г. – 565. За межпереписной период с 1959 по 1979 г. произошло повышение числа состоявших в браке женщин. Это явление было обусловлено ослаблением влияния послевоенной диспропорции полов. С увеличением возраста численность замужних женщин повышалась: в возрасте 30–34 года их число было максимальным. Однако в возрасте 35 лет и старше число замужних женщин сокращалось. Женщины традиционно имели более ограниченные возможности по сравнению с мужчинами повторно вступить в брак после развода или смерти супруга. В пожилых возрастных группах число замужних женщин было значительно меньше, чем женатых мужчин, что объяснялось в том числе влиянием демографических последствий Великой Отечественной войны. Значительное число состоявших в браке мужчин и женщин определило низкий уровень безбрачия, особенно мужчин. В конце 1970-х гг. в российских городах никогда не состоявших в браке мужчин в возрасте 50–54 года было 1,2 %, женщин – 4,4 %⁷.

Таким образом, у мужчин, в отличие от женщин, был высокий уровень состоявших в браке даже в пожилых возрастах. Уровень безбрачия у мужчин также был значительно ниже, чем у женщин. Однако

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2, ч. 2. С. 715–746; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1530. Л. 40–42; Д. 6155. Л. 4–6, 16–18; Д. 6156. Л. 1–139.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. С. 263–268; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 2, ч. 2. С. 715–776; Демографические перспективы России: доклад. М., 1993. С. 28.

в 1970-е гг. в условиях ослабления влияния демографических последствий Великой Отечественной войны увеличилось число замужних женщин в активных брачных и репродуктивных возрастах, что сказалось на коэффициентах брачности городского населения РСФСР.

Рост числа ранних браков не привел к повышению в РСФСР показателей брачности населения. С середины 1960-х гг. уровень брачности населения снижался (в ‰): в 1960 – 12,5, в 1965 г. – 8,7. Тем не менее вследствие ослабления влияния демографических последствий войны происходило повышение уровня брачности российского населения в последующие годы. Во второй половине 1960-х гг. уровень брачности населения повысился с 9,0 ‰ в 1966 г. до 9,7 ‰ в 1969 г. Это явление оставалось характерным и для первой половины 1970-х гг. Во второй половине 1970-х гг. брачность в РСФСР имела стабильные показатели (в ‰): 1970 г. – 10,1, 1975 г. – 11,1, 1977 г. – 11,2, 1979 г. – 11,1⁸.

В РСФСР снижался суммарный коэффициент брачности (среднее число браков к возрасту 60 лет) как у мужчин, так и у женщин. У мужчин он составлял в 1958–1959 гг. – 1,449, в 1969–1970 гг. – 1,354, а в 1978–1979 гг. – 1,268; у женщин – соответственно 1,332, 1,288 и 1,259⁹. Таким образом, в конце 1970-х гг. в условиях нормализации возрастного-полового состава российского населения число вступлений в брак у мужчин и женщин сблизились.

Уровень брачности зависел от национальной принадлежности женщин. Демографы выявили, что в 1970 г. доля состоявших в браке женщин в возрасте 16 лет и старше была у белорусок (52,8 %) ниже, чем у узбечек (67,1 %), у туркменок (67,3 %) и особенно у таджичек (69,5 %). Доля русских замужних женщин в этом году составила 56,9 %. Однако с увеличением возраста вступления в брак снижались различия в численности состоявших в браке у женщин разных национальностей.

В 1970 г. доля состоявших в браке украинок, белорусок, литовок, грузинок, латышек, эстонок заметно выросла по сравнению с 1959 г. У казашек, киргизок, азербайджанок, узбечек, таджичек, туркменок она сократилась, но оставалась по-прежнему высокой. Зафиксированное явление соответствовало в целом изменению возраста вступления в брак у женщин основных национальностей СССР¹⁰.

В начале 1960-х гг. уровень брачности населения в городах РСФСР был высоким. В 1960 г. коэффициент брачности горожан составил 13,8 ‰. Наиболее высокие показатели брачности были зафиксированы у жителей городов Приморского края – 15,7 ‰ и Новосибирской области – 15,1 ‰. Важно отметить, что в го-

⁸ Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М., 1998. С. 115.

⁹ Демографические перспективы России: доклад. С. 28.

¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 384

годах СССР уровень брачности населения был ниже, чем в городах РСФСР (13,5 %).

Однако в середине 1960-х гг. вследствие вступления в активный брачный возраст малочисленных поколений, родившихся в годы Великой Отечественной войны, показатели брачности населения снизились. В 1965 г. коэффициент брачности был равен 9,8 %. Снижение влияния демографических последствий военных лет способствовало увеличению уровня брачности городского населения. Коэффициент брачности горожан в 1969 г. достиг 10,9 %, в 1975 г. увеличился до 11,7 %. Однако к 1979 г. уровень брачности городских жителей понизился до 11,1 %, а в 1980 г. – до 10,6 %. Значительная миграция молодежи из села в город оказала влияние на уровень брачности населения: в городах он был выше, чем в селах и в целом в РСФСР. На 1000 чел. населения приходилось браков в 1961 г. в РСФСР – 11,1, в городах – 12,5, в селах – 9,5; в 1977 г. – соответственно 11,2, 11,5 и 10,5¹¹.

В городах РСФСР суммарный коэффициент брачности у мужчин понижался: в 1958–1959 гг. он составлял 1,449, в 1969–1970 – 1,353, а в 1978–1979 гг. – 1,217. Постепенная нормализация численного соотношения мужчин и женщин в российских городах способствовала снижению уровня суммарного коэффициента брачности у мужчин и его повышению у женщин. Суммарный коэффициент брачности у женщин в 1958–1959 гг. был ниже, чем у мужчин – 1,338; однако в 1969–1970 гг. он приблизился к суммарному коэффициенту брачности мужчин – 1,353. Миграция женщин из сел в города привела к понижению в городах суммарного коэффициента их брачности и его увеличению в селах. В 1978–1979 гг. суммарный коэффициент брачности женщин в городах снизился до 1,217, в селах повысился до 1,565¹².

В РСФСР распространялись этнически-смешанные браки. Это явление было характерно и для СССР. В 1959–1970 гг. средний прирост доли этнически-смешанных браков в европейской части СССР, включая РСФСР, составлял 4,2 %, в Закавказье – 0,7 %, в Средней Азии и Казахстане – 3,9 %. Однако в 1970–1979 гг. их доля снизилась во всех регионах СССР – соответственно 2,5 %, 0,2 %, 0,1 %. В городах СССР удельный вес межнациональных браков повысился (в %): в 1959 г. – 15,1, в 1970 г. – 17,5, в 1979 г. – 18,1.

Межнациональные браки были популярны среди русских. Присутствие русских в инонациональной среде определяло уровень смешанных браков. В 1970-е гг. изменение численности русского населения в регионах Советского Союза было од-

ним из факторов сокращения прироста доли межнациональных браков. Однако с 1959 по 1979 г. в СССР доля межнациональных браков увеличилась на 4,7 %¹³ [3, с. 80; 4, с. 94–95, 100, 104; 5, с. 191–192, 202]. Численный рост этнически-смешанных семей в городах Советского Союза и его республиках влиял на трансформацию демографических показателей городских семей.

Разведенные или овдовевшие мужчины и женщины вступали в повторные брачные союзы. В 1960–1970-е гг. среди мужчин и женщин, повторно вступающих в брак, численно преобладали разведенные. Это явление совпадало с увеличением доли распавшихся браков из-за разводов и ее сокращением из-за смерти одного из супругов.

В изучаемый период в РСФСР обозначились новые явления в брачно-семейных отношениях. Наряду с брачными союзами, оформленными юридически, существовали фактические браки, не зарегистрированные в ЗАГСе, а также браки, оформленные юридически, но с раздельным проживанием супругов. Альтернативные формы брачно-семейных отношений в российском обществе воспринимались населением спокойнее, чем в прошлые десятилетия [6, с. 95–96; 7, с. 60, 87]. Все это оказывало влияние на демографические показатели семьи (тип, величину, ее детность), а также особенности внутрисемейных отношений.

Таким образом, в 1960–1970-е гг. в РСФСР наблюдалось снижение возраста вступления в первый брак, а также сближение брачного возраста у мужчин и женщин. Население РСФСР в основном состояло в браке, уровень окончательного безбрачия был низким. Нормализация возрастного-полового состава российского населения, ослабление демографических последствий Великой Отечественной войны в целом способствовали численному увеличению замужних женщин в активных брачных и репродуктивных возрастах, а также стабильному уровню брачности в 1970-е гг. после их заметного понижения в середине 1960-х гг., снижению значения суммарного коэффициента брачности у мужчин и его повышению у женщин. Однако существенная миграция сельской молодежи в города увеличивала уровень брачности в городах по сравнению с селами и РСФСР в целом. Миграция женщин из сел в города снижала суммарный коэффициент их брачности в городах и повышала в селах. В РСФСР распространялись этнически смешанные браки. Разведенные или овдовевшие мужчины и женщины вступали в брак повторно. В 1960–1970-е гг. среди повторно вступающих в брак численно преобладали разведенные мужчины и женщины. В РСФСР, прежде всего в городах, отмечались альтернативные формы и стили брачно-семейных отношений, что влияло на брачность, демографические показатели семьи

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 8–9; Д. 1005. Л. 4–4 об.; Д. 1006. Л. 1–16 (подсчеты автора); Население России, 1995: третий демографический доклад. М., 1996. С. 28–29, 108; ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 36. Д. 11181. Л. 2–2 об., 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29.

¹² Демографические перспективы России: доклад. С. 28–29.

¹³ Там же. С. 192.

(тип, величину, детность), а также на внутрисемейные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. 216 с.
2. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 1992. 142 с.
3. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. 271 с.
4. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.
5. Русские: этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. 464 с.
6. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
7. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

REFERENCES

1. The population of the USSR over 70 years. Moscow.: Nauka, 1988, 216 p. (In Russ.)
2. The evolution of the family and family policy in the USSR. Ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Nauka, 1992, 142 p. (In Russ.)
3. Volkov A.G. Family – the object of demography. Moscow: Thought, 1986, 271 p. (In Russ.)
4. Sokolov A.A. International marriages in the USSR. Moscow: Thought, 1987, 142 p. (In Russ.)
5. Russians: ethno-sociological essays. Moscow: Nauka, 1992, 464 p. (In Russ.)
6. Gurko T.A. Transformation of the Institute of modern family. *Sociological researches*. 1995, no. 10, pp. 95–99. (In Russ.)
7. Golod S.I. Family and marriage: historical and sociological analysis. SPb.: Petropolis, 1998, 272 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160107
УДК 930:314

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

ОТОЗВАНО / RETRACTED 11.07.2019

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-е гг.:
ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА***

Одон Борисович Дашинамжилов,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,
научный сотрудник,
Научно-исследовательская часть Новосибирского государственного университета,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: odon@bk.ru

В статье представлены итоги исследования возрастного-полового состава городского населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг. Отмечено, что в восточных районах страны возрастная структура благодаря высокой роли миграции выделялась повышенной долей молодежи и пониженным удельным весом лиц старше 60 лет. Показано, что предшествующие этапы исторического развития страны оставили глубокие следы в возрастной структуре, которые в Западной Сибири по ряду причин все же носили менее выраженный характер, чем в РСФСР в целом. Исследована трансформация структурного состава населения за последующие 30 лет. Выявлено, что последовательное старение населения сопровождалось сокращением межполовых диспропорций в численности мужчин и женщин и ростом межрегиональных различий в возрастном составе городских жителей.

Ключевые слова: демография, население, город, урбанизация, Западная Сибирь, возрастно-половой состав, регион.

O.B. DASHINAMZHILOV

**DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF URBAN POPULATION
OF WESTERN SIBERIA IN THE 1960s–1980s:
SPECIFICS OF DYNAMICS OF THE AGE AND GENDER COMPOSITION**

Odon B. Dashinamzhilov,
Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow,
Institute of History SB RAS
8, Ak. Nikolayeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
Research division of the Novosibirsk state University
2, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: odon@bk.ru

The paper presents research findings on the structural characteristics of Western Siberian urban population. The purpose of the article is to show peculiarities of these transformations in the 1960s – 1980s. Detailed analysis of the age and gender composition of population is necessary for the reconstruction of demographic processes. This would facilitate explaining the current and future dynamics of reproduction and migration. In order to understand specifics of demographic development of urban population in Western Siberia in the 1960s-1980s the author carries out analysis of dynamics of its age and gender composition. Theory of urban transition developed by the Russian scientist A.S. Senyavskiy serves as a methodological foundation for the research. The author used a set of statistical mathematical methods along with special methods of historical cognition: historical-genetic and historical-comparative. In the course of research it was revealed that in the eastern areas of the country the age structure was characterized by a higher proportion of youth and a lower share of people over the age of 60 due to migrations that contributed significantly to the local population growth. It is shown that the preceding period of history had a great impact on the age structure as it suffered from numerous falls and vast gender disproportion, although in Western Siberia it was less than the national average in the RSFSR. It is revealed that consecutive ageing of population

*Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-28-00045.

in Western Siberia occurred as quickly as in the RSFSR in general despite the ongoing development of the Western Siberian Oil and Gas Complex. Quantitative differences between the numbers and average age of men and women gradually narrowed. Continuous concentration of economic potential in big cities and several regions was a distinctive feature of the last stage of Soviet modernization. Against this historical background there were increasing inter-regional differences in structural characteristics of population that had been hardly noticeable previously.

Key words: demography, population, city, urbanization, Western Siberia, age and gender structure, region.

Реконструкция демографических процессов, происходивших в исторической ретроспективе, требует детального анализа возрастно-половой структуры населения. Это в значительной степени облегчит задачу объяснения как текущих, так и будущих тенденций воспроизводства и миграции. В связи с этим для понимания особенностей демографического развития городского населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг. необходимо проанализировать динамику его возрастно-полового состава.

Возрастной и половой состав являлся объектом исследования большинства работ, посвященных изучению демографической подсистемы общества. Теоретико-методологические принципы изучения возрастно-половой структуры были описаны в трудах И.В. Калинюк [1] и С.И. Пирожкова [2]. Отдельные аспекты динамики возрастного состава населения СССР рассматриваемого периода анализировались М.В. Курманом [3], Б.Ц. Урланисом [4], В.Д. Шапиро [5]. Структурные характеристики сибирского населения изучались в коллективных работах Ф.М. Бородкина и С.В. Соболевой [6, с. 14], С.В. Соболевой и В.Е. Штейнберга [7, с. 6–11], Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова [8]. Среди историко-демографических исследований следует выделить трехтомную коллективную монографию «Население России в XX веке: Исторические очерки» [9]. Значительный вклад в изучение половозрастной структуры сибирского населения внес коллектив новосибирских ученых, усилиями которых в 1997 г. была выпущена книга «Население Западной Сибири в XX веке».

Вместе с тем, в вышеуказанных работах анализ трансформации возрастного состава носил в основном обобщающий характер и осуществлялся применительно ко всему (сельскому и городскому) населению. За рамками исследований остались многие важные аспекты, среди которых динамика среднего возраста горожан в 1959–1989 гг., региональные различия в структурных характеристиках населения. В настоящей статье мы попытаемся восполнить образовавшийся пробел.

Возрастно-половая структура городского населения западносибирских регионов, как и России в целом, в исследуемый период формировалась под воздействием как эволюционных изменений, происходивших вследствие снижения смертности и рождаемости в ходе демографического перехода, так и социальных, экономических и военных катаклизмов первой половины XX в.

Рассматривая этапы становления западносибирского городского населения, нельзя не отметить того факта, что поскольку демографическое развитие ма-

лоосвоенных и слабозаселенных восточных районов страны в значительной мере зависело от миграции, то и возрастная структура здесь обладала некоторой спецификой. Как известно, интенсивный приток переселенцев оказывал благотворное влияние на структурные характеристики населения благодаря тому, что в мирное время и в устойчивых социально-экономических условиях в переселенческом движении принимали участие в основном лица молодых и реже средних возрастов.

Огромную роль в формировании возрастной структуры населения Западной Сибири сыграло переселенческое движение конца XIX – начала XX вв. [10, с. 290–300]. Такого массового людского притока извне в истории Сибири больше не наблюдалось. Кроме того, на возрастные характеристики западносибирского населения свой отпечаток наложила хозяйственная политика центральных государственных органов, направленная на ускоренное развитие индустриального потенциала страны.

Определенное значение имела также эвакуация в годы Великой Отечественной войны многочисленных предприятий с инженерно-техническим и рабочим персоналом, что позволило до некоторой степени компенсировать массовый отток молодежи и работников заводов в действующую армию [11, с. 65–66]. В итоге, если в целом по РСФСР количество сельских и городских жителей за 1939–1950 гг. сократилось на 6,4 %, то в Западной Сибири был отмечен рост населения, который составил 6,8 % (в Восточной Сибири – 2,7 %) [12, с. 50, 52]. Благоприятные по сравнению с европейской частью страны структурные характеристики населения и высокая доля лиц, находившихся в репродуктивном возрасте, способствовали становлению типа воспроизводства, отличавшегося повышенными в сравнении с центральными районами показателями, которые в свою очередь создавали предпосылки для сохранения этих самых характеристик в долгосрочной перспективе.

Отталкиваясь от шкалы демографического старения, разработанной Ж. Боже-Гарнье – Э. Россетом (табл. 1), можно говорить о том, что согласно Всесоюзной переписи 1959 г. население городов и пгт в Российской Федерации продолжало оставаться молодым. Удельный вес лиц до 30 лет составил 54,9 %, средних возрастов (30–60 лет) – 37,5, а старших (60 лет и выше) – 7,6 %. По сравнению с РСФСР в целом в Западной Сибири в 1959 г. доля когорты пожилых в городском населении была ниже – 6,7 %, средних возрастов – 34,2 %, молодежи – соответственно 59,1 %. Между тем следует указать на одну немаловажную деталь. Доля женщин в возрасте 60 лет и выше в город-

Т а б л и ц а 1

Шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Роскета*

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровень старости населения
1	< 8	Демографическая молодость
2	8–10	Первое преддверие старости
3	10–12	Собственно преддверие старости
4	12 и выше	Демографическая старость
	12–14	Начальный уровень демографической старости
	14–16	Средний уровень демографической старости
	16–18	Высокий уровень демографической старости
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

*Медков В.М. Демография: уч. пособие. Ростов н/Д., 2002. С. 76.

ском населении исследуемого экономического района достигла 8,5 %, т.е. слабый пол находился, по сути дела, на этапе первого преддверия старости. Из этого следует вывод, что небольшой в целом удельный вес пожилых когорт среди горожан был обусловлен низкой продолжительностью жизни мужчин и их повышенной смертностью. Иначе говоря, многие мужчины в силу разных причин просто не дожили до почтенного возраста.

В возрастной пирамиде западносибирского городского общества были хорошо видны демографические последствия Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Молодежь в категории 10–19 лет занимала в совокупности 15,5 % в населении, тогда как, например 20–29-летние, т.е. люди, родившиеся раньше и к тому же пережившие все тяготы и невзгоды военного времени, – 21,9 %. Небольшая демографическая «яма», образовавшаяся в когорте 25–29 лет, была вызвана голодом 1932–1933 гг. Огромные демографические потери во время Великой Отечественной войны, особенно среди граждан призывного возраста, отразились на представительстве 35–44-летних (10,8 %).

Социальные катаклизмы первой половины XX в. деформировали не только возрастную, но и половую структуру городского населения страны. Так, согласно Всесоюзной переписи 1959 г. доля сильного пола в городах и пгт РСФСР снизилась до 44,9 %, а слабого – возросла соответственно до 55,1 % (123 женщины на 100 мужчин). Такого рода перекосы были вызваны не только высокими безвозвратными потерями мужчин в годы войны, но и их повышенной смертностью в мирное время. В Западной Сибири как в тыловом районе пропорциональное соотношение между полами сложилось более благоприятно, чем в РСФСР (116 женщин на 100 мужчин).

Среди западносибирских горожан в возрастных группах до 30 лет было отмечено некоторое преобладание мужского населения: на 100 женщин приходилось 103 мужчины, что связано с повышенной рож-

даемостью последних. Общеизвестно, что мальчиков в среднем всегда появлялось на свет больше, чем девочек. В сильно пострадавшей от войны группе 30–49 лет на 100 мужчин приходилось 133 женщины. В старших возрастных категориях (свыше 60 лет) численное преобладание слабого пола было более чем двукратным (213 на 100).

Главной особенностью демографической динамики последующих 30 лет стало последовательное повышение доли пожилых людей. К 1970 г. городское население РСФСР, согласно данным Всесоюзной переписи, перешло на этап собственно преддверия старости, когда удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше достиг 10,6 %, в 1979 г. – на начальный уровень демографической старости (12,2 %), а в 1989 г. – уже на средний (14,2 %).

Снижение процентного представительства молодежи в РСФСР происходило волнообразно. Так, если в 1970 г. удельный вес лиц в возрасте до 30 лет снизился до 48,8 % (1959 г. – 54,9 %), то к следующей Всесоюзной переписи вырос до 49,5 %. Объяснить это можно тем, что в 1970 г. в составе молодежи находились сразу три небольшие по численности пятилетние когорты, в которых люди появились на свет в период сильного сокращения рождаемости (1940–1944, 1960–1964 и 1965–1969 гг. р.), в то время как в 1979 г. – только две (1959–1963 и 1964–1968 гг.р.). Поколение, рожденное в годы войны, за межпереписной период полностью перешло в среднюю возрастную группу. Однако к 1989 г. доля лиц до 30 лет, несмотря на повышение числа деторождений в 1980-е гг., вновь упала – до 45,2 %. Соответствующим образом испытывало колебания процентное представительство средних (30–60 лет) когорт в населении. Если в 1970 г. доля этой группы выросла до 40,5 %, в 1979 г. – снизилась до 38,3 %, то к 1989 г. – вновь увеличилась до 40,6 %.

Структурные характеристики городского населения Западной Сибири при воспроизведении вышеуказанных общероссийских тенденций продолжа-

ли оставаться более благоприятными. Так, доля лиц старше 60 лет в возрастно-половой пирамиде общества к 1970 г. достигла 9,0 %, что согласно критериям Ж. Боже-Гарнье – Э. Росseta соответствует первому преддверию старости, к 1979 г. – 10,4 %, а к 1989 г. – 11,7 % (собственно преддверие старости). Статистические показатели динамики лиц в возрасте до 30 лет выглядели следующим образом: в 1970 г. их доля снизилась до 51,9 %, в 1979 г. – увеличилась до 52,5 %, в 1989 г. – вновь сократилась до 48,3 %. В свою очередь представительство 30–60-летних среди горожан увеличилось с 38,9 % в 1970 г. до 40,0 % в 1989 г.

Таким образом, разрыв между Западной Сибирью и РСФСР в доле лиц пенсионного возраста увеличился. Если в 1959 г. он составлял только 12,8 % в пользу первой, то в 1989 г. – уже 21,0 %. Между тем преимущество изучаемого экономического района в процентном представительстве молодежи, несмотря на мощный приток мигрантов в районы Тюменского Севера, все же немного снизилось. Так, если в 1959 г. в западносибирских регионах удельный вес лиц моложе 30 лет был выше общереспубликанских показателей на 7,6 %, то в 1989 г. – только на 6,9 %.

В конечном итоге за 30 лет возрастно-половые характеристики населения западносибирских городов и пгт относительно общероссийских показателей слегка ухудшились. Если в 1959 г. различия в среднем возрасте между РСФСР и Западной Сибирью составляли 6,1%, то в 1989 г. – 5,8% (табл. 2).

Данные табл. 2 указывают на довольно сильные межполовые различия в среднем возрасте, обусловленные как повышенной смертностью мужчин, так

и высокой продолжительностью жизни женщин. За 30 лет эти отличия в РСФСР, которые в 1959 г. составили 18,7 %, несмотря на увеличивающийся в пользу слабого пола отрыв в размерах средней продолжительности жизни, сократились к 1989 г. до 15,1 %. В начале изучаемого периода последствия Великой Отечественной войны были еще заметными, а в последующие годы по мере снижения доли наиболее пострадавших от нее когорт происходил ускоренный рост мужского среднего возраста. В западносибирских регионах эта дифференциация оказалась меньше, чем в целом по республике (17,3 % и 13,2 % соответственно).

В результате анализа материалов возрастного состава городского населения Западной Сибири, полученных по результатам Всесоюзной переписи 1989 г., обращает на себя внимание тот факт, что наименьшую долю среди молодежи занимала когорта 20–24 лет (7,0 %). Дело в том, что в 1960-е гг. произошло резкое снижение числа рождений, вызванное как демографическими последствиями Великой Отечественной войны, когда на свет появилось мало детей, так и некоторыми экономическими просчетами центральных государственных органов. По мере роста количества деторождений в 1970-е гг. удельный вес каждой последующей возрастной категории медленно возрастал. Так, долевое представительство 15–19-летних оказалось на уровне 7,1 %, 10–14-летних – 7,5 %. Положительное влияние на репродуктивные установки горожан оказали государственные мероприятия по стимулированию рождаемости, принятые в 1981 г., а также первые годы Перестройки и антиалкогольной компании. Именно поэтому удель-

Т а б л и ц а 2

Средний возраст городского населения РСФСР и Западной Сибири в 1959–1989 гг.*

Регион	Все население**	Мужчины**	Женщины**
<i>1959 г.</i>			
РСФСР	29,6	26,8	31,8
Западная Сибирь	27,9	25,5	29,9
<i>1970 г.</i>			
РСФСР	32,0	29,2	34,4
Западная Сибирь	30,5	28,1	32,7
<i>1979 г.</i>			
РСФСР	33,4	30,7	35,7
Западная Сибирь	32,1	29,8	34,1
<i>1989 г.</i>			
РСФСР	34,4	31,8	36,6
Западная Сибирь	32,5	30,4	34,4

* Рассчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 25–33, 286–288, 292–306; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 24–25; Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 59, 65.

** Расчеты выполнялись с использованием пятилетних возрастных групп.

ный вес детей в категории 5–9 и 0–4 лет достиг соответственно 8,4 и 8,7 %. Закономерно низкими среди людей среднего возраста (30–60 лет) были доли 40–44 и 45–49-летних, появившихся на свет во время войны и в первые послевоенные годы (5,5 % и 5,0 %).

За 30 лет из-за постепенного старения населения выросло представительство лиц пенсионного возраста. Если согласно переписи 1959 г. в западносибирских регионах доля горожан в возрасте 60 лет и старше составляла только 6,7 %, то в 1989 г. – уже 11,7 %. Старение населения являлось итогом, во-первых, исторического процесса замены одной воспроизводственной модели поведения на другую, во-вторых – резкого увеличения на рубеже 1950–1960-х гг. средней продолжительности жизни, которое стало ощущаться на возрастной пирамиде, видимо, ближе к концу рассматриваемого периода. Вместе с тем увеличение доли пожилых людей было вызвано, прежде всего, сокращением рождаемости, которое стало следствием изменения социальной роли женщин, повышения их образовательного уровня и активного вовлечения в общественное производство.

К концу 1980-х гг. среди горожан сгладились численные различия между полами: в 1970 г. в РСФСР на 100 мужчин приходилось 118 женщин, в 1979 г. – 117, а в 1989 г. – только 114, в Западной Сибири – соответственно 115, 113 и 110. В молодых возрастах (до 30 лет) за сильным полом сохранилось небольшое численное преимущество, соотношение между мужчинами и женщинами составило 100

к 102. Среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет межполовой баланс за 1959–1989 гг. выправился, количество мужчин и женщин почти сравнялось. Эта группа пополнилась людьми, которые появились на свет уже в послевоенное время, в период компенсаторной рождаемости. Соотношение мужчин и женщин в старших возрастах сохранилось на прежнем уровне (213 на 100).

По сравнению с 1959 г. в 1989 г. региональная дифференциация в возрастном составе населения значительно усилилась. Если в начале изучаемого периода наибольшее различие в среднем возрасте между административными образованиями составляло только 1,7 года, то в конце – уже 6,5 года (табл. 3).

Итак, мы можем констатировать наличие крупных подвижек, которые произошли в структурных характеристиках городского населения. За 30 лет среди них самым важным являлось последовательное старение населения, которое в Западной Сибири, несмотря на формирование ЗСНГК, происходило почти такими же быстрыми темпами, как в РСФСР. Сглаживались различия в численном представительстве и в среднем возрасте между мужчинами и женщинами. Особой чертой позднего этапа советской модернизации являлась непрерывная концентрация экономического потенциала в крупнейших городах, а также в тех регионах, где хорошие условия для развития получали перспективные отрасли народного хозяйства. На этом историческом фоне увеличились межрегиональные различия в структурных характеристиках населения.

Таблица 3

Средний возраст городского населения регионов Западной Сибири в 1959 и 1989 гг.*

Регион	Все население**	Мужчины**	Женщины**
<i>1959 г.</i>			
Западная Сибирь	27,9	25,5	29,9
Алтайский край	28,3	25,9	30,4
Кемеровская обл.	27,0	24,9	28,9
Новосибирская обл.	28,5	25,9	30,6
Омская обл.	28,5	26,1	30,5
Томская обл.	28,4	25,9	30,5
Тюменская обл.	28,7	25,9	31,0
<i>1989 г.</i>			
Западная Сибирь	32,5	30,4	34,4
Алтайский край	33,8	31,4	35,9
Кемеровская обл.	34,1	31,9	36,2
Новосибирская обл.	34,4	31,8	36,6
Омская обл.	32,9	30,5	35,0
Томская обл.	31,8	29,7	33,8
Тюменская обл.	27,9	27,1	28,8

* Рассчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; РГАЭ. Ф–1562, Оп. 69, Д. 105, Л. 5–8; Д. 108, Л. 181–184; Д. 110, Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

** Расчеты велись с использованием пятилетних возрастных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинин И.В. Возрастная структура населения СССР. М.: Статистика, 1975. 112 с.
2. Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976. 135 с.
3. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М.: Статистика, 1976. 220 с.
4. Урланис Б.Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). М.: Мысль, 1968. 369 с.
5. Шапиро В.Д. Изменения возрастной структуры населения СССР за период 1950–1980-х гг. и их последствия // Демографическое развитие СССР в послевоенный период (советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии. Париж, декабрь 1984 г.). М.: ИСИ, 1984. С. 67–87.
6. Бородкин Ф.М., Соболева С.В. Проблемы демографического развития Сибири // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования): сб. науч. тр. Новосибирск: ИЭиОПП, 1987. С. 3–17.
7. Соболева С.В., Штейнберг В.Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИЭиОПП, 1991. С. 3–26.
8. Калинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 166 с.
9. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.
10. Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 290–300.
11. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 232 с.
12. Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. С. 50, 52.

REFERENCES

1. Kalinyuk I.V. Age structure of the USSR population. Moscow: Statistika, 1975, 112 p. (In Russ.)
2. Pirozhkov S.I. Demographic processes and population age distribution. Moscow: Statistika, 1976, 135 p. (In Russ.)
3. Kurman M.V. Actual questions of demography. Demographic processes in the USSR in the postwar period. Moscow: Statistika, 1976, 220 p. (In Russ.)
4. Urlanis B.Ts. The history of one generation (socio-demographic sketch). Moscow: Mysl, 1968, 369 p. (In Russ.)
5. Shapiro V.D. Changes in the age structure of the USSR population during the period since 1950s-1980s and their consequences. *Demograficheskoe razvitiye SSSR v poslevoennyj period (Sovetskie doklady k francuzsko-sovetskomu seminaru po problemam demografii. Parizh, dekabr' 1984 g.)*. Moscow: ISI, 1984, pp. 67–87. (In Russ.)
6. Borodkin F.M., Sobolyeva S.V. Problems of Siberian demographic development // *Demograficheskoe razvitiye Sibiri (prikladnoj i teoreticheskij aspekty issledovaniya)*: sb.nauch. tr. Novosibirsk: IEIOPP, 1987, pp. 3–17. (In Russ.)
7. Sobolyeva S.V., Steinberg V.Ye. Demographic situation and reproduction of population in Siberia. Novosibirsk, IEIOPP, 1991, pp. 3–26. (In Russ.)
8. Malinin E.D., Ushakov A.K. Population of Siberia. Moscow: Statistika, 1976, 166 p. (In Russ.)
9. Population of Russia in XXth century: historical sketches: 3 vol. Moscow: ROSSPEN, 2005, vol. 3, b. 1: 1960–1979. 304 p. (In Russ.)
10. Zverev V.A. People with children: reproduction of Siberian settlement's population in the late imperial period. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2014, pp. 290–300. (In Russ.)
11. Alekseev V.V., Osipov V.A. The population of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1986, 232 p. (In Russ.)
12. *Population of Russia over 100 years (1897–1997)*. Statistical collection. Moscow: Goskomstat Rossiya, 1998, pp. 50, 52. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.12.2015

DOI: 10.15372/HSS20160108
УДК 94(571.51)''1990–2000'':314.3

Л.Н. СЛАВИНА

РОЖДАЕМОСТЬ В КРАСНОЯРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (1990–2000-е гг.)

Людмила Николаевна Славина,
д-р ист. наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет,
РФ, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89,
e-mail: 200146@mail.ru

В статье на примере сельских жителей Красноярского края анализируются главные тенденции развития рождаемости в российской постсоветской деревне, характеризуются изменения в репродуктивном поведении сельчан, выясняется, насколько укоренились в нем нормы западных стран. Процессы в деревнях края сравниваются с аналогичными процессами в городах и селах России в целом. Установлено, что сельское население края развивается в русле общероссийских «западно-ориентированных» трендов, но с отставанием. Его репродуктивное поведение консервативнее, чем среднестатистических сельских жителей России и особенно горожан, имеет переходный характер. Оно отзывчиво на внешние воздействия, в том числе на стимулирующие меры государства. Исследование базируется на итогах переписей населения и текущей демографической статистике.

Ключевые слова: рождаемость, сельское население, Красноярский край, воспроизводство населения, демографическая модернизация, репродуктивное поведение, второй демографический переход, внебрачная рождаемость, фактические браки.

L.N. SLAVINA

RURAL FERTILITY RATE IN THE KRASNOYARSK KRAI IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA (1990–2000)

Lyudmila N.Slavina,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Krasnoyarsk State Pedagogical University,
89, Ady Lebedevoy Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia,
e-mail: 200146@mail.ru

The paper considers main trends in the development of rural fertility rate during the post-Soviet period as exemplified by the rural population of the Krasnoyarsk krai. The purpose of the study is to find out to what extent the rural dwellers adopted the new reproductive norms, which character the process of fertility acquired under conditions of radical transformation of rural society according to Western standards and what features are peculiar to this process in Siberia. The research theme was chosen due to the fact that it has been poorly studied at the national and regional levels. It is also necessary to overcome misinterpretations made under the influence of political situation. All processes unfolding in the Krasnoyarsk countryside have been studied in comparison with similar processes in towns located within the Krasnoyarsk krai and in other rural areas of Russia. The events in the reproductive sphere are treated on the basis of demographic modernization theory which was further elaborated by a concept of the second demographic transition. The information base of the research includes the data of 1989, 2002 and 2010 population censuses, the data of 1984 micro-census as well as current demographic statistics. The study has shown that the reproductive behavior of villagers is undergoing a transformation while acquiring features typical of the second demographic transition which has been observed in Western countries since the 1970s. However, along with some features of "Westernization" the reproductive model still has "Soviet relics". It is unstable and highly dependent on external conditions. Their improvement resulted in a short-time increase in fertility rate when the national and regional demographic projects were launched. Instability of the rural residents' behavior makes it difficult to predict further development of the fertility process. However it necessitates observation of fluctuations of this process, since the knowledge of all modern trends in fertility and of underlying factors at the regional scale is an essential condition for developing an effective demographic strategy.

Key words: fertility, rural population, Krasnoyarsk territory, reproductive process, demographic modernization, fertility behavior, second demographic transition, illegitimate birth rate, common-law marriages.

При анализе радикальных перемен в российском обществе в 1990–2000-х гг. закономерно возникает вопрос, насколько глубоко и каким образом изменилась его базовая – репродуктивная сфера. Развернутого освещения этого нет, хотя проблемы современной рождаемости широко обсуждаются в литературе. Но многие аспекты этой темы раскрыты неполно или вообще не изучались. Так, нужен дифференцированный анализ рождаемости у разных категорий населения и на разных территориях с учетом регионального разнообразия России. Постановка темы данной статьи вызвана ее слабой изученностью в масштабах Сибири, особенно в сельской местности, потребностью преодоления искажений в ее трактовке, допущенных под влиянием политической конъюнктуры.

В настоящей статье предпринят анализ рождаемости в селах Красноярского края, где проживает четверть его населения численностью около 700 тыс. чел. Выбор объекта изучения обусловлен тем, что репродуктивные процессы в деревне имеют специфику и требуют специального изучения. Цель исследования – выяснить, насколько глубоко усвоили сельские жители новые репродуктивные нормы, какой характер приобрел процесс рождаемости в условиях трансформации сельского общества и каковы его особенности в Сибири. Нижняя временная граница исследования – рубеж 1980–1990-х гг. – смена исторических эпох, верхняя – начало второго десятилетия XX в.

Информационную базу исследования составили итоги переписей населения и текущая статистика рождаемости. Источников о репродуктивном поведении красноярцев, кроме итогов микропереписи населения 1994 г., не имеется. Поэтому в работе оцениваются лишь результаты его изменения на основе указанной статистики. Характер источников обусло-

вил выбор демографо-статистических методов исследования в качестве основных.

Логично предположить, что в условиях модернизации сельского общества по западным либеральным стандартам репродуктивное поведение сельчан должно перестраиваться согласно модели, доминирующей в последней трети XX в. в странах Запада и названной *вторым демографическим переходом*. Его признаками являются: 1) «постарение рождаемости», т.е. снижение ее уровня у женщин моложе 25 лет, особенно у самых молодых, и повышение вклада 30–40-летних матерей в общее число рождений; 2) рост интервала между вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также следующими рождениями, планирование их сроков; 3) увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка и материнства в целом; 4) рост доли никогда не рожавших женщин, сознательный отказ от материнства; 5) повышение удельного веса детей, родившихся вне зарегистрированного брака. Источники позволяют проверить нашу гипотезу.

Известно, что в XX в. основные тренды рождаемости в деревнях Красноярского края были те же, что и России в целом, а имевшиеся особенности играли второстепенную роль [1, с. 414–443]. Красноярцы вместе со всей страной осуществляли *демографический переход* к современному типу воспроизводства населения, главным признаком которого стало снижение рождаемости. Но до конца советского периода в селах края отмечалось слегка расширенное воспроизводство, в то время как у горожан – ниже границы простого. *Суммарный коэффициент рождаемости* (далее СКР), показывающий действительный уровень рождаемости – число детей, рожденных среднестатистической женщиной в конкретном поколении, в 1991 г. составлял в деревнях края 2,629 против 2,447 в селах России¹, притом что для простого воспроизводства

Т а б л и ц а 1

Динамика основных коэффициентов рождаемости в сельских поселениях Красноярского края в 1991–2010 гг.*

Год	Общий коэффициент	Суммарный коэффициент	Год	Общий коэффициент	Суммарный коэффициент
1991	15,2	2,629	2001	10,9	1,781
1992	13,6	2,369	2002	11,0	1,804
1993	11,8	2,043	2003	11,5	1,877
1994	11,5	1,990	2004	12,0	1,918
1995	10,8	1,864	2005	11,6	1,808
1996	10,6	1,820	2006	11,8	1,781
1997	10,3	1,742	2007	13,1	1,981
1998	10,9	1,826	2008	14,0	2,071
1999	10,0	1,661	2009	14,5	2,161
2000	10,6	1,739	2010	15,1	...

*Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. Красноярск, 2012. С. 26, 42, 43

¹ Демографический ежегодник Красноярского края. 2007. Красноярск, 2008. С. 47.

требуется 2,12–2,15 ребенка. Чистый коэффициент воспроизводства населения (показатель меры замещения материнского поколения дочерним) тоже был выше единицы (границы простого воспроизводства) и составлял в 1990 г. в селах края 1,329 (в селах России – 1,227)². Таким образом, в постсоветский период сельское население края и страны входило внешне в хорошем состоянии.

В дальнейшем развитии процесса рождаемости в деревнях края выделяются два этапа – 1990-е и 2000-е гг. Для первого характерно устойчивое снижение ее уровня, для второго – чередование подъемов и спадов (табл. 1).

Сельчане края, как и все россияне, вступили в постсоветский период на волне резкого спада рождаемости, который в красноярской деревне начался после 1987 г. при СКР, равном 3,451³. К 1991 г. он уменьшился на 23,8 % и продолжал сокращаться, опустившись в 1993 г. ниже уровня простого воспроизводства. На кризис начала 1990-х гг. сельское население реагировало более глубоким спадом рождаемости, чем городское, в том числе на реформу 1992 г. Снижение рождаемости продолжилось в следующие годы, но медленнее. Очевидно, сельчане адаптировались к переменам. На кризис 1998 г. они «ответили» относительно «мягко», а большой спад рождаемости в 1999 г. во многом «компенсировал» ее «всплеск» в предыдущем.

Приведенную статистику можно считать подтверждением того, что социально-экономические перемены в постсоветской России выступали не единственной и даже не главной причиной, а, скорее, катализатором падения рождаемости. Среднегодовые темпы ее сокращения в 1991–1999 гг. были даже чуть ниже, чем в 1987–1991 гг. (4,1 и 4,8 % соответственно). Интенсивность рождений, выраженная СКР, с 1991 по 1999 г. снизилась у сельчан на 36,8 %. (у горожан – на 30,3 %), а с 1987 г. – вдвое (на 51,9 %). В 1999 г. она была в красноярских деревнях самой низкой за постсоветский период (а, возможно, вообще в их истории) и обеспечивала замещение поколений менее чем на 80 %.

До 2006 г. рождаемость в России оставалась фактически «без надзора» со стороны государства и развивалась в соответствии с имманентно присущими ей свойствами. В 2000–2004 гг. наблюдался ее подъем и в стране в целом, и в селах края. Но с 2005 г. последовал новый спад. Когда в 2006 г. государство активизировало демографическую политику и появились стимулирующие рождаемость приоритетные проекты – национальный и краевой «4Д» («Дом, деревня, демография, дети») со «шлейфом» программ, уровень рождаемости в деревнях края обеспечивал замещение поколений примерно на 85 % против 75 % по селам России в целом и 55 % в городах края⁴.

На инициативу государства сельчане «откликнулись» ростом СКР за три года на 17,6 % до уровня простого воспроизводства – с 1,781 в 2006 г. до 2,161 в 2009 г. Чистый коэффициент в 2009 г. тоже поднялся до уровня простого воспроизводства – 0,987 (против 0,660 в городах края)⁵. В том же году в крае было отмечено прекращение депопуляции, во что сельчане внесли весомый вклад.

Всероссийская перепись населения 2010 г. подвела промежуточные итоги развития рождаемости в стране. Она зафиксировала, что ее уровень стал ниже, чем в начале 1990-х гг. Теперь на женщину в селах края приходилось в среднем по два (1,986) ребенка (РФ – 1,876)⁶.

Результаты переписей вместе с текущей статистикой позволяют оценить не только динамику и масштабы, но и характер изменения рождаемости.

Стартовые условия и репродуктивные планы вступивших в новую жизнь россиян были зафиксированы микропереписью населения 1994 г., которая отмечала число детей, рожденных, желаемых и ожидаемых женщинами в возрасте 18–44 года. Она показала, что женщины в селах края в среднем родили по 2,4 ребенка, в том числе 17,5 % – одного, 33,5 – двоих, но пока еще 20,4 % – троих, 18,9 % – четверых детей и более. Несмотря на кризисную ситуацию, в деревне сохранилась всеобщая детность. Доля нерожавших замужних женщин – 5,5 % – была на уровне физиологического бесплодия (3–7 % по оценкам), и лишь 2,1 % сельчанок вообще не ждали потомства (табл. 2). Этим край принципиально отличался от Запада. Там до 20 % женщин и более в возрасте старше 35 лет ни разу не рожали и не ожидали детей, а деревнях края среди 35–39-летних женщин таких было только 1,7 %. С отмеченными характеристиками сельчане входили в новую эпоху.

Перспективы детородной деятельности сибирского населения края раскрывают показатели *желаемых* и *ожидаемых (планируемых)* детей: первый отражал *потребности* в потомстве, второй – личные планы с учетом возможностей их реализации. Данные переписи об ожидаемых детях зафиксировали окончательный переход к малодетному образу жизни в деревне. Репродуктивные установки сокращались от старших когорт к младшим угрожающе быстро. Планы женщин моложе 30 лет, несших основную детородную нагрузку, были «скромными» (1,5–2,0 ребенка) и «обещали» длительную депопуляцию. Только 5,0–16,7 % из них ожидали троих и ничтожно малое число – четверых детей и более, тогда как для простого воспроизводства населения требовалось, чтобы не менее половины семей были трехдетными.

Прокреативные «планы» красноярск мало отличались от их «идеалов». Так, 20–24-летние женщи-

² Там же. С. 48.

³ О демографических процессах в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск. 1988. С. 62.

⁴ Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2007. С. 47.

⁵ Там же. 2011. С. 43.

⁶ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.: Т. 10. Рождаемость. С. 7, 159 URL: http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/perepis2010 (дата обращения: 17.12.2015).

Т а б л и ц а 2

Распределение сельских женщин Красноярского края по возрасту и числу ожидаемых детей, согласно микропереписи 1994 г.*

Возраст женщин, лет	Из 1000 женщин ожидают детей						Среднее число детей
	ни одного	одного	двоих	троих	четверых	пятерых и более	
18–44	21	183	506	202	49	39	2225
В том числе:							
18–19	84	408	458	50	–	–	1474
20–24	28	328	543	90	5	6	1743
25–29	14	210	572	168	26	10	2013
30–34	10	135	535	229	53	38	2323
35–39	17	116	475	263	77	52	2466
40–44	24	141	449	237	70	79	2501

*Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995. С. 253.

Т а б л и ц а 3

Распределение сельских женщин Красноярского края и России по возрастным группам и числу рожденных детей, по Всероссийской переписи населения 2010 г.*

Регион	Число рожденных детей на 1000 женщин в возрасте, лет												
	15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Красноярский край	23	220	673	1242	1687	1962	2139	2280	2409	2436	2401	2528	2876
РФ	15	74	404	943	1311	1600	1776	1847	1810	1759	1830	1924	2294

*Составлена по: Тома переписи населения 2010 г. Т. 10: Рождаемость. С. 7, 159.

ны желали в идеале иметь по 1,90 ребенка, а «ожидали» – 1,74 [2, с. 62]. Такая разница свидетельствовала о возможности некоторого повышения рождаемости с помощью мер социальной политики, но ее величина (0,16 ребенка) показывала малую вероятность сделать это традиционным способом, тем более возродить среднететность.

В 1990–2000-х гг. красноярцы воплощали в жизнь зафиксированные микропереписью планы. Результаты можно оценить, сравнив итоги микропереписи и переписи 2010 г. (табл. 3) методом передвижки возрастов.

Оказалось, что молодые девушки в 1994 г. занижали свои планы. Они родили больше детей, чем ожидали. 18–19- и 20–24-летние, собиравшиеся родить 1,474–1,743 ребенка, в 2010 г., будучи в возрасте 34–40 лет, имели по 1,7–2,0 ребенка, 25–29-летние (теперь 40–44 года) планировали 2,013, а родили по 2,139 ребенка. 30–39-летние женщины (45–54 года) имели детей «по плану» – примерно по 2,3–2,4 ребенка. В среднем на среднестатистическую сельчанку в 2010 г. приходилось 2,0 ребенка (1,986) против 2,6 в 1991 г. Таким образом, после спадов и подъемов уровень рождаемости сократился еще на 23 %. Но сельские семьи полностью не переориен-

тировались на однодетность и «не взяли моду» жить без детей. 35–39-летние женщины имели в среднем по 2 (1,962) ребенка, и лишь 7,3 % не родили ни одного. По селам России показатели составляли 1,867 и 8,7 % соответственно⁷.

Уровень рождаемости, как известно, обуславливается преимущественно репродуктивным (прокреативным) поведением населения, которое меняется под воздействием совокупности факторов и причин. Считается, что в постсоветский период на него влияли три «силы»: а) долговременные тенденции; б) среднесрочные последствия перепадов в 1980-х гг.; в) формирование нового демографического поведения людей в меняющихся условиях [3, с. 75]. В красноярской деревне отчетливо прослеживается действие этих «сил». Там, как и в России в целом, с советских времен упрочивалась модель малодетности. Ее «роднили» с аналогичной западной невысокий уровень рождаемости и распространение одно- и двухдетных семей. Но на Западе рождаемость «старела» – рождения перемещались из младших в средние и старшие

⁷Тома переписи населения 2010 г. Т. 10: Рождаемость. С. 6–7, 158–159.

Т а б л и ц а 4

Возрастные коэффициенты рождаемости в сельской местности Красноярского края в 1986–2009 гг.*

Годы	Родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет							
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49
1986–1987	86,4	237,4	199,8	104,3	49,2	12,6	0,5	104,4
1991	92,2	202,9	109,6	61,5	30,0	7,9	0,7	73,4
1993	79,0	168,9	81,2	40,7	19,0	5,2	0,4	55,0
1999	57,4	130,4	79,1	37,5	15,8	3,8	0,2	41,3
2006	48,7	152,8	86,5	43,8	18,7	3,4	0,2	47,2
2009	60,3	151,2	118,6	65,6	29,0	5,1	0,2	61,3
2009 к 1991, %	65,4	74,5	108,2	106,7	96,7	64,6	28,6	64,3

*Демографический... 2011. С. 71; О демографических процессах... С. 62.

Т а б л и ц а 5

Вклад женщин разных возрастов в итоговую рождаемость в сельской местности Красноярского края в 1991–2006 гг., %*

Год	Родилось детей у матерей в возрасте, лет								
	15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49
1991	4,5	12,7	34,5	23,4	16,0	7,4	1,5	0,1	100,0
2000	5,7	14,1	40,0	21,6	11,3	5,8	1,5	0,0	100,0
2006	4,3	13,7	41,0	23,9	11,3	4,7	1,0	0,1	100,0
2010	2,6	9,2	36,7	28,5	15,6	6,1	1,2	0,1	100,0

*Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 69.

возраста, а в РСФСР – «молодела». Среднесрочную тенденцию сформировало вмешательство государства в репродуктивный процесс – Постановлением СМ СССР 1981 г.⁸, деформировавшим его и ставшим одной из причин спада рождаемости с конца 1980-х гг. С распадом СССР включилась третья «сила» – адаптация людей к новым условиям, вызвавшая переосмысление жизненных приоритетов и стратегии прокреативного поведения.

Представление о репродуктивном поведении красноярцев дает динамика возрастных коэффициентов рождаемости. В табл. 4 видны значительные изменения возрастного профиля рождаемости. Ее уровень снижался с 1987 г. разными темпами во всех возрастных группах, кроме самой младшей, включившейся в процесс позднее. Большинство когорт достигли наибольшей глубины падения рождаемости в 1999 г.

Рост рождаемости в 2000–2005 гг. шел также во всех возрастных группах, кроме крайних. А после 2006 г. начался и у них. Различие скорости изменения коэффициентов в разных возрастах свидетельствует о перестройке модели рождаемости. Важно определить, что надо трактовать как признаки трансформации ее в «западном направлении», а что – как их отсутствие.

⁸ СП СССР, 1981. № 13. Ст. 75.

Один из признаков второго демографического перехода – снижение интенсивности рождений у молодежи, особенно у 15–19-летних. В деревнях края, как и России в целом, она снижалась у этой группы быстрее, чем у остальных групп, и в 2006 г. СКР составил только 52,8 % от уровня 1991 г. Эту динамику определяли переоценка молодежью жизненных ценностей и распространение контрацепции, избавлявшее от преждевременных зачатий. Но после 2006 г. ее уровень снова начал расти и в 2009 г. составил 70,1 % к 1991 г.

В прежде самой стабильной группе 20–24 года «постарение» тоже происходило, но неравно. После спада, подъема и стабилизации возрастной коэффициент в 2009 г. сократился до 74,5 % к уровню 1991 г. Его «рваная» динамика свидетельствует не только о переориентации сибирячек на западную модель, но и об их достаточно консервативном поведении, переходности (неустойчивости) их репродуктивной модели и возможной отзывчивости их на традиционные меры повышения рождаемости.

У 25–29-летних сельчанок СКР изменился заметнее, чем у других: сначала снизился за 1987–1999 гг. в 2,5 раза, затем начал расти и в 2010 г. превысил уровень 1991 г. на 8,2 %. Такая же динамика отмечена в группе 30–34 лет, где коэффициент вырос на 6,7 %, что доказывает перемещение в эти группы части рождений из младших возрастов.

Родившиеся дети по очередности рождения в сельской местности Красноярского края в 1991–2010 гг., %*

Год	Всего родившихся	В том числе				
		первыми	вторыми	третьими	четвертыми	пятыми и следующими
1991	100,0	35,8	32,9	16,0	7,4	7,9
2006	100,0	51,4	30,0	11,1	3,9	3,6
2010	100,0	43,2	34,3	14,1	4,7	3,7

*Составлена по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2007. С. 80; 2011. С. 75.

Корректировка репродуктивных установок молодежи проявлялась также в том, что рождаемость у нее снижалась при сохранении высокой брачности. Переписи 2002 и 2010 гг. зафиксировали всеобщность феномена откладывания рождения детей. Так, в 2010 г. 48,6 % сельских женщин края в возрасте 20–24 лет еще не родили ни одного ребенка, 37,9 % – имели одного, 11,4 % – двоих и лишь 1,7 % – троих и более⁹.

Итак, в 1990–2000-х гг. рождаемость больше всего снизилась в крайних возрастных группах, основные рождения сконцентрировались в еще более узком интервале (табл. 5). А внутри этого массива шло перераспределение интенсивности рождений в старшие группы. Но активизация демографической политики вызвала их рост и в крайних возрастах.

Новым явлением в деревнях края стал рост среднего возраста матерей при рождении детей. Он увеличился с 24,34 года в 1995 г. до 26,01 года в 2009 г.¹⁰ Но основную репродуктивную нагрузку продолжала нести молодежь. В 2010 г. 48,5 % детей родили матери моложе 25 лет, 28,5 % – в возрасте 25–29 лет, т.е. у 77,0 % младенцев матери были моложе 30 лет (в 2006 г. – 82,9 %) ¹¹. Конечно, на эти пропорции влияли перепады в численности возрастных групп женщин. Но тенденция повышения вклада 30–40-летних матерей в общую рождаемость все же видна. В 2006 г. они родили 17 % детей, в 2010 г. – уже 23 %.

Увеличивался возраст матери при рождении первого ребенка. У сибирячек он пока не такой, как на Западе, – старше 25 лет, но быстро повышается. В 2006 г. 83,1 % первенцев родились у матерей моложе 25 лет, но в 2010 г. – 75,6 %, соответственно 13,8 и 19,5 % – у 25–29-летних¹².

Спад рождаемости при всеобщей детности вызвал рост первенцев в общей массе новорожденных (табл. 6). В 1991 г. они составляли чуть более трети, в 2006 г. – более половины, а доля третьих и последующих детей снизилась почти вдвое – с 32,3 до 18,6 %. Активизация демографической политики вызвала рост

рождений вторых и следующих детей, но он не достиг показателя 1991 г.

Из всех признаков «второго демографического перехода» в красноярской деревне ярче всего проявляется внебрачная рождаемость (вне зарегистрированного брака). Но для красноярцев она – не «западная мода». Доля внебрачных рождений во второй половине XX в. в деревнях края была намного выше, чем в российской деревне в целом и в городах края. В постсоветский период их рост ускорился, причем был стабильным. С 1991 по 2006 г. доля «внебрачных» детей увеличилась с 24,9 до 44,4 % с колебаниями по районам от 25,4 до 52,3 %¹³. Затем этот показатель стабилизировался на высоком даже по европейским меркам уровне – 44–45 %.

Различить внебрачных и рожденных в фактических браках детей помогают данные о детях, зарегистрированных «по заявлению матери», т.е. действительно рожденных вне брака, и «по заявлению обоих родителей», т.е. родившихся в фактическом браке либо признанных отцами, имевшими другую семью. В крае, как и в целом в России, с конца 1980-х гг. в городах доля признанных отцами детей увеличивалась, а в деревнях – уменьшалась.

Высокая внебрачная рождаемость – следствие широкого распространения фактических браков. В 1994 г. в деревнях края такими были 15,5 % браков женщин против 8,8 % по селам России, а в 2010 г. – уже 24,0 %¹⁴. Тем не менее больше половины внебрачных детей записывались в деревнях «по заявлению матери». В 2006 г. удельный вес детей, записанных только матерями, в городах края составлял 48,0 %, в деревнях – 60,7, а в отдельных районах – до 85 %¹⁵.

Итак, анализ статистики приводит к следующим выводам. Рождаемость в деревнях края, как и в советский период, развивается в рамках российских трендов, модернизируется, но отстает от сельской мест-

¹³ Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 81–82.

¹⁴ Состояние в браке и рождаемость в России. С. 44, 49; Тома... переписи населения 2010 г.: Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. С. 447. URL: http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/peperis2010 (дата обращения: 17.12.2015)

¹⁵ Демографический ежегодник Красноярского края. 2007. С. 82–84.

⁹ Тома переписи населения 2010 г. Т. 10: Рождаемость. С. 158.

¹⁰ Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. С. 76.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. 2011. С. 75; Демографический ежегодник Красноярского края. 2007. С. 74.

ности России в целом. Сельчане перестраивают свое поведение по западным стандартам, но вряд ли переживают «второй демографический переход» в «чистом виде». Их репродуктивная модель имеет переходный характер, сочетает черты «вестернизации» с пережитками ее советского варианта. Еще слабо выражен главный признак – «постарение» рождаемости во *всем* детородном контингенте. Репродуктивное поведение сельчан еще не обрело устойчивости и зависит от внешних условий. Их улучшение не отрицает вероятности роста рождаемости в деревне, как это было после 2006 г. Но влияние внешнего стимула роста было быстро исчерпано. Подъем рождаемости прекратился. Из констатации этого факта следует практический вывод для разработчиков демографической политики: поддержка молодых семей и охрана их репродуктивного здоровья являются решающими условиями повышения рождаемости в деревне, а значит, и в регионе.

Деревня в процессе трансформации рождаемости по западным стандартам сильно отстает от города. Наиболее вероятно, что в недалеком будущем сельчане,

постоянно ориентирующиеся на горожан, точнее будут копировать их репродуктивное поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 472 с.
2. *Борисов В.А.* Желанное число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1997. № 2. С. 29–64.
3. *Захаров С.В., Иванова Е.И.* Рождаемость и брачность в России // СОЦИС. 1997. № 7. С. 70–80.

REFERENCES

1. *Slavina L.N.* The rural population of Eastern Siberia (1960–1980s). Krasnoyarsk. 2007, 472 p. (In Russ.)
2. *Borisov V.A.* Long wished for number of children in Russian families by the materials of microcensus of the population in 1994. *Vestnik MSU. Series 18. Sociology and politology.* 1997, no. 2, pp. 29–64. (In Russ.)
3. *Zaharov S.V., Ivanova E.I.* Fertility and marriage rates in Russia. *SOTSIS*, 1997, no. 2, pp. 70–80. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.12.2015

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20160109
УДК 930.85

Д.А. ЦЫПЛАКОВ

ГЕНЕЗИС ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Дмитрий Анатольевич Цыплаков,
канд. филос. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: tsypl@ngs.ru

В статье анализируются историко-социальные аспекты идейной секуляризации в России. Прослеживаются этапы описываемого процесса до советского периода включительно, эксплицированы специфические черты советской секуляризации. Показано, что в результате крушения секулярного проекта в СССР религия вновь вошла в структуру жизненного мира российского социума. Эта ситуация обозначена как процесс десекуляризации. Процессы секуляризации и десекуляризации проиллюстрированы социологическим интервью, отражающим этот период с 20-х гг. XX в. до настоящего времени. Автором предложены подходы к определению специфики конфигурации современной российской постсекулярности.

Ключевые слова: секуляризация, религия, церковь, государство, советский этап секуляризации, десекуляризация, постсекулярное общество.

D.A. TSYPLAKOV

THE ORIGINS OF POST-SECULARITY IN RUSSIA: HISTORICAL AND SOCIAL ASPECTS

Dmitry A. Tsyplakov,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Novosibirsk State University,
2, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: tsypl@ngs.ru

This paper intends to describe the ideological stages in the process of secularization in Russia that have led to the formation of a post-secular society. To achieve that goal the author sets and solves several tasks: explaining the stages of secularization process, identifying the key features of the "Petrine phase" of secularization; investigating the parameters of Soviet secular society. Analysis of the reasons for the emergence of de-secularization is provided. The processes of secularization and de-secularization are illustrated with a sociological interview, reflecting the period from the 1920s up to the present. Therefore, the paper offers an analysis of the historical and social aspects of ideological secularism in Russia; outlines the steps in this process up to (and including) the Soviet period. As a result of the collapse of the Soviet Union's secular project, religion once again was incorporated into the structure of the Russian society's life-world. The methodological basis of the article was provided by post-secular approaches to the historical and sociological study of religion. The author comes to several conclusions: ideological secularization was completed as a result of successful and effective establishment of Soviet ideology. Ideological indoctrination started at a pre-school stage and extended through all stages of schooling. It continued at the secondary and high education levels being supported by the Soviet mass-media, literature and arts. In effect, as a result of this indoctrination purified atheistic world view was formed with the horizontal transcendence of a "bright communist future" and the vertical

transcendence of the cult of Soviet leaders. As an illustration of these ideas, the sociological interview is analyzed in the final part of the paper. It shows that the results of Soviet secularization at the micro-sociological level were unstable due to the lack of crucial elements in the world-view provided by the Soviet ideology.

Key words: Secularization, religion, church, state, Petrine stage of secularization, the Soviet stage of secularization, de-secularization, post-secular society

Говоря о процессах секуляризации в России, следует, прежде всего, обозначить тот социум, в котором данные процессы начались. Средневековое общество в России и Западной Европе имело и существенные отличия, и схожие черты. Главной чертой сходства являлось то, что как на Западе римо-католичество, так в России православная Церковь были фундирующей основой формирующихся социумов. Церковь была основой самоидентификации, объединяющим началом формирующейся цивилизации.

Первые попытки секуляризации при Иване Грозном, Алексее Михайловиче и Петре I оказались непоследовательными. Полная земельно-имущественная секуляризация, т.е. огосударствление церковных земель и владений, последовала при Екатерине II. Общим итогом петровской секуляризации стали формирование светского общества по образцу западноевропейского и институционально-функциональная метаморфоза церкви в обществе. У церкви, ранее фундирующего начала русской цивилизации, в новом обществе функция идеологической поддержки самодержавной власти стала едва ли не основной. По мнению Ю.Ю. Синелиной, «с реформ Петра ... государство перестало быть органом Церкви, ведущей людей здесь на земле к потустороннему загробному спасению души. Высшая цель отныне – не царство небесное, а улучшение земного благоденствия» [1, с. 122].

Но на первом этапе не произошло окончательно превращения церкви в отдельный социальный институт религии, что характерно для индустриального социума. Не образовался секулярно мотивированный институт власти, и остальные социальные институты продолжали быть тесно связанными с религиозной мотивацией сословного общества.

Структура жизненного мира людей продолжала держаться на вертикальной трансцендентности – Боге. Эта вертикальная трансцендентность иерархически структурировала социальное пространство от царя до простого землепашца. Но была и горизонтальная трансцендентность, трансцендентность эсхатологического «чаяния Царства Божиего», ожидаемого в конце времен (трансцендентность времени как исторической горизонтальной линии: отсюда термин «горизонтальный»). Эта горизонтальная трансцендентность была основой для формирования футурологического видения русской цивилизации в целом, а само наличие этой трансцендентности препятствовало прививанию идей секуляризованного западного сознания на отечественной почве.

Второй этап секуляризации начался во второй половине XIX – начала XX в., когда церковь и духовенство приняли на себя наравне с государственной

властью основной удар либерально-революционной критики, и развернулся с крушением самодержавной власти в марте 1917 г. в России. В конце XIX – начале XX в. духовенство рассматривалось революционерами – от народолюбцев до социал-демократов, да и частью либеральной интеллигенции в качестве «опоры самодержавия», «мракобесов-ретроградов». Функционально-институциональный аспект деятельности Церкви в российском обществе трактовался как прямая поддержка существующего строя.

Кроме того, сама структура сознания народных масс с вертикальной трансцендентностью Бога и горизонтальной – Царства Божьего – препятствовала революционной ломке и построению нового общества на секулярных началах. Нетрудно увидеть, что схема марксистского исторического материализма, схема смены исторических формаций, содержала в себе в снятом виде секуляризованную идею христианской эсхатологии. Ведь за поступательным шагом истории, заканчивавшимся капитализмом, следовала постистория – коммунизм. Идея коммунизма – это идея Царства Божьего на земле, в «мире сем», в этом времени. А потому это секуляризованная идея. Как писал Н.А. Бердяев, марксизм «есть секуляризация древнееврейского мессианского сознания» [2, с. 81]. То есть грядущее наступление «царства правды и счастья на земле» – коммунизма – замещало горизонтальную трансценденцию («чаю... жизни будущего века»).

В свою очередь, вертикальная трансценденция в сознании народа сознательно разрушалась в период революционных преобразований. В предреволюционный период это проявлялось в народном сознании в поговорке «Бог на небе – царь на земле». Такое представление создавало ситуацию, когда Церковь рассматривалась революционерами исключительно в качестве идеологической подсистемы института власти. Отсюда логично возникают две задачи послереволюционной секуляризации: изъятие у Церкви идеологической функции и конкретно – социальных функций. И вторая тенденция – преобразование жизненного мира индивидов через трансформацию трансценденций в секулярные трансценденции. В результате процессы секуляризации приобрели революционный характер. 1918-й г. характеризовался принятием декретов и постановлений, прекращающих взаимодействие церкви и государства. Все функциональные аспекты этого взаимодействия постепенно элиминировались на территории, контролировавшейся новой революционной властью, уже в условиях Гражданской войны.

Первая задача советской секуляризации заключалась в вытеснении религии в частную сферу, т.е. в лишении церкви официального положения, изъ-

ятии у всех организационных структур церкви государственных и муниципальных функций, наделянии приходов и монастырей статусом добровольных объединений. Так, в 1920-е гг. приходы облагались налогом как частные предприятия. Религия объявлялась личным делом граждан. С точки зрения коммунистической доктрины, в новом обществе вообще не было места для религии, поскольку марксисты декларировали исчезновение социальной базы для нее. Основной функцией религии они считали функцию снятия социального напряжения общества, построенного на эксплуатации. Поэтому первым необходимым этапом советской религиозной секуляризации было полное уничтожение всех социальных функций церкви. Эту задачу обозначил декрет об «Отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.).

Вместе с тем сразу же обнаружилась вторая задача советской секуляризации, состоявшая в полной ликвидации церкви как социального явления. Весной 1918 г. был создан восьмой ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции для осуществления декретов Совета Народных Комиссаров по отделению церкви от государства. Предполагалось полностью уничтожить экономическую базу для функционирования приходов и церковных учреждений, параллельно усилив антирелигиозную пропаганду, что в сочетании с репрессиями должно было привести к исчезновению церкви как социального субъекта в России. В связи с этим 8-й отдел не смог осуществить поставленные перед ним задачи, постепенно его функции перешли к Наркомату внутренних дел, ОГПУ. Позднее в СССР был создан специальный Совет по делам религий, перед которым прямая задача – окончательно ликвидировать религию – уже не ставилась.

Юридическая секуляризация приобрела особенно острый характер в период изъятия церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья. Как пишет С.Г. Петров, «16 марта 1922 г. Политбюро приняло... решение о создании специального руководящего органа по вопросам изъятия церковных ценностей – Центральной комиссии». Вдохновителем и организатором кампании был Л.Д. Троцкий, формально же комиссия работала под председательством М.И. Калинина [3, с. 65]. Таким образом, для реализации второй задачи – идейной секуляризации и трансформации мировоззрения – был взят курс на силовую секуляризацию. Одной из первых акций такого рода стало изъятие церковных ценностей 1922–1923 гг. Документы, подтверждающие реальные цели этого изъятия, опубликованы в издании «Архивы Кремля: в 2 кн. / Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.», изданной в 1997 г. [4, с. 111] В дальнейшем репрессивный режим по отношению к верующим сохранялся в государстве и в «хрущевский», и в «брежневский» периоды, изменились лишь масштаб и методы воздействия.

Горизонтальная трансценденция была заменена в мировоззрении советских людей идеалом коммунистического будущего. Построение реального ком-

мунистического общества встретилось с объективными трудностями: де-факто коммунизм превратился в трансцендентальный идеал, удаляющийся по мере приближения к нему реального советского общества. Это позволило заместить в сознании масс горизонтальную трансценденцию утопически трансцендентальной.

Вертикальная трансценденция не имела адекватного замещения в коммунистической идеологии. В сознании масс она была разрушена в процессе революции, наиболее стойкие носители веры уничтожались или подвергались маргинализации географической (ссылка, изоляция) или социальной (невозможность получить качественное образование, невозможность карьерного роста). Это приводило к массовой утрате веры молодежью и старшим поколением, вера в Бога рассматривалась как старорежимный пережиток. Вместе с тем, идейная секуляризация была окончательно реализована посредством построения успешной и эффективной советской идеологии, внедрение которой начиналось с дошкольного и школьного воспитания и образования, продолжалось на ступени среднеспециального и высшего образования и поддерживалось советской печатью, литературой и искусством. В результате возникло рафинированное атеистическое мировоззрение, обладающее признаками квазиполноты через горизонтальную трансцендентальность «светлого коммунистического будущего» и вертикальную трансцендентальность культа вождей. Культ вождей достиг своей высшей точки в культе Ленина в 1960–1980-е гг. Единственной трансцендентностью, оставшейся в этом новом мировоззрении, была трансцендентность бесконечной Вселенной. Социальное пространство, в котором существовал человек в советском обществе, по Ч. Тейлору, есть пространство «имманентной рамки» [5, р. 543].

Однако мировоззренческий оптимизм новой идеологии носил искусственный характер. Факт человеческой смертности и конечности космического бытия в целом не находил адекватного компенсатора в материалистическом мировоззрении. Жизненный мир советского человека включал как бы «слепые пятна», с помощью которых предельные экзистенциальные вопросы подавлялись сознанием. Не приветствовалось и их публичное обсуждение, давались «смазанные» ответы на эти вопросы (например: «Да, люди умирают, но живут в памяти грядущих поколений»), критика подобных ответов в обществе не допускалась.

Самым уязвимым местом советского мировоззрения были две указанные трансцендентности: вертикальная (культ вождей) и горизонтальная (вера в коммунистическое будущее), без которых в массах советское мировоззрение теряло устойчивость. Насильственно проведенная советская секуляризация не смогла вытеснить из жизненного мира народа потребность в вертикальной и горизонтальной трансцендентности как фундирующих начал мировоззрения.

Это обусловило крах советской идеологии в массах по мере разрушения культа вождей (культа Сталина

в конце 1950-х гг. и культы Ленина в период перестройки) и в результате крушения веры в коммунистическое будущее. Начало рыночных преобразований в период перестройки послужило для общества знаком завершения коммунистического эксперимента, хотя напрямую это завершение не декларировалось. В результате в конце 1980-х гг. произошло системное крушение советского мировоззрения, сопровождавшееся кризисными социальными и экономическими явлениями. В постсоветской России возрождается значение религии в обществе. Как писал Ю. Хабермас: «Утрата многих функций и индивидуализация религии не означают неизбежности утраты ее значения ни в политической жизни и культуре общества, ни в личном образе жизни индивидуума» [6, с.2]. Для описания такого состояния он выдвинул понятие постсекулярного. Исходя из данного определения, современное российское общество можно описать как «постсекулярное общество».

Выявление характерных для современного российского социума структур, связанных с процессами секуляризации и десекуляризации, как формирующих российскую постсекулярность, стало целью интервью, взятого нами в августе 2015 г. Одной из главных тем интервью являлась религиозная биография респондентки – пожилой женщины Полины Федоровны. Она родилась в СССР в чувашском селе Кармало-Аделяково в Самарской области в разгар взрывной секуляризации конца 1920-х гг. На ее памяти было разрушение сельской церкви, военные годы, позднее советское секулярное общество и десекуляризация 1990-х гг.

В советское время в небольших городах и сельской местности сохранялись геттоизолированные очаги церковной жизни. Прежде всего, следует отметить, что респондентка была крещена и воспитана в сельской традиционной религиозности. Всю жизнь она оставалась верующей, хотя в церковь в детстве не ходила. Она вспоминает: «Храма не было... помню, как храм ломали... И то помню, как колокол роняли, так упал и врезался в землю. В тридцать первом или тридцатом году это было... А потом сделали из храма клуб, школу потом». Жители села, по ее словам, пережили, но большая часть населения, в основном молодого, восприняла перемены как должное. При этом внешние обстоятельства разрушения церковной инфраструктуры еще не сопровождались глубинными переменами в жизненном мире, что привело в условиях военного времени при частичном ослаблении атеистического давления со стороны государства к некоторому восстановлению религиозности. Во время войны, продолжает респондентка, «...я в сорок третий, сорок четвертый ходила в храм в Ульяновске. В педучилище училась... Бывало, часто спросят: «Ну чего, помолились?» А как раз церковь около кладбища была»¹.

Новая советская идеология отчетливо воспринималась респонденткой как противоположность ее вере: «Я не вступала никуда: ни в комсомол, ни в партию, ни во что». В условиях жизненных трудностей Полина

Федоровна находила поддержку в религии: «Во время войны, сорок третий, сорок четвертый... был голод... из дома нечего брать: отца убили в сорок втором году... А нас воспитывала мама одна троих, я была старшая. Голод, холод». Из села, по ее словам, привезти было нечего: там были «сушеная картошка, сушеная морковь, сушеный лук. И всё... Уходили учиться утром без завтрака. В обед придем, кормили нас только один раз в день. И ели один раз в день. Из гнилой картошки суп, потом каша. И хлеба дадут кусочек. Охота на ужин оставить, не остается, чего там. Прижмешь, а хлеб-то такой мягкий да сырой. И ложишься без ужина. Была голландка (печь. – Д.Ц.). Восемнадцать человек жили в одной комнате, по два человека спали... Ну вот, после всего этого не поехала я на третий курс... Церковь помогала, молитва помогала, конечно». Позднее снова не пришлось ходить в храм: «В деревне ж не было храма. Просто дома читали... молились... Не было верующих... Дед Яков Григорьевич был у нас псаломщиком. Мама рассказывала, он в церкви работал». У респондентки сохранились книги на церковнославянском языке, в том числе Часослов ее дедушки.

Таким образом, семейная память способствовала сохранению православной религиозности в советское время. У Полины Федоровны в большей степени и ее родственников в меньшей степени. Но впоследствии родственники также вернулись к вере. На вопрос, знали ли на работе, в том числе начальство, что респондентка была верующей, она ответила: «Знали, знали и относились к этому нормально... Тогда мы все бежали в храм во время (учебных. – Д.Ц.) перемен». Далее Полина Федоровна рассказала, что после завершения учебы ее направили в Курганское ОблОНО, «а Курганское ОблОНО направило в город Куртамыш, это в Курганской области. Педучилище там было, два отделения: школьное и физкультурное... Я работала в физкультурном отделении. Преподавала... Прямо перед нашим зданием училища храм был. Мы забегали. Так на службу не ходили: нельзя было нам, танцы устраивали. Но девчонки ходили. Не всегда, не постоянно». На вопрос, кто обычно посещал храм в те годы, она ответила: «Ходили пенсионеры. Молодежи мало было. Кто веровал, тот ходил».

Позднее респондентка закончила педагогический вуз, но работала не учителем, а стала ведущим специалистом по лечебной физкультуре в г. Серноводске Самарской области на курорте «Сергиевские минеральные воды». На вопрос, знали ли на работе, что она – верующая, последовал ответ: «На работе знали... когда открылась церковь лет двадцать тому назад (в начале девяностых. – Д.Ц.)... Тут уж свободно все и сейчас ходят. И старые, и малые, детей вон сколько приводят... Все ходят, и я». По словам Полины Федоровны, на работе ее о вере и посещении церкви не спрашивали. Но респондентка помнит, что в постсталинское время давление советского государства по вытеснению церковной жизни из социума было ощутимым: «...когда сестра моя у меня жила с семьей, они крестили детей. Вот их вызывали в сельсовет тог-

¹ Личный архив автора.

да». На вопрос, были ли последствия после вызова в сельсовет, она ответила отрицательно.

Полина Федоровна слышала и о так называемом «стоянии Зои» – документально не подтвержденном случае в Куйбышеве (Самаре) в хрущевское время, когда девушка Зоя, решив потанцевать с иконой святителя Николая, застыла неподвижно, и ее не могли сдвинуть с места. Она рассказывала: «Сторож поседел, пока эту ночь он в карауле там стоял. Ушёл седой отсюда. А сейчас, говорят, ни дома, ничего нет. Куда-то их увезли. Не могли ее отравить. Приглашали батюшку. А потом сняли ее после службы только. А то не могли. Как этого, Иоанна Златоуста. Я была в Тбилиси, там похоронен Иоанн Златоуст, от Тбилиси это пятнадцать километров было. По горам, по долам, гвозди вбивали в сапог. А в этих сапогах его гнали эти пятнадцать или двадцать километров. Он лежал в гробнице в церкви маленькой... Там источник, где было видение Иоанну Божией Матери, Николая Угодника, третий... Кто же? Симона Кананита. Его тоже не могли снять. Также после службы его сняли. Так, я была в семьдесят втором, где-то в шестьдесят шестом году, наверное, его так сняли и увезли в Константинополь. Так же и Зою не могли без службы снять». Сюжет об Иоанне Златоусте, по всей видимости, относится к перенесению в 1967 г. саркофага святителя Иоанна Златоуста из Каманского храма в Сухумский Благовещенский кафедральный собор.

Опрос респондентки дал еще одно подтверждение предположению о причине, по которой советская власть не только осуществляла внешние формы секуляризации, но и стремилась сформировать секулярный жизненный мир граждан. Это было связано с несовместимостью трансцендентальных целей строящегося коммунистического общества и религиозных трансценденций. Верующие фактически выпадали из процесса «строительства общества будущего». На вопрос об отношении в советское время к всеобщему почитанию Ленина, к коммунизму Полина Федоровна отвечала, что все это шло мимо нее, она же ездила по святым местам: «... никто не знал, куда я езжу. Я никогда никому ничего не говорила, куда езжу... В Киеве сколько раз, в Печёрах раза три была, даже маму я туда возила. Никто не знал, всё это тайно я делала. Просто не распространялась». Как верующий человек, респондентка поддерживает процесс и результаты десекуляризации 1990-х гг. На просьбу оценить современное возрождение веры, строительство новых церквей, участие офици-

циальных лиц государства (главы правительства, министра, мэра) в церковных службах, введение в школах основ православной культуры респондентка ответила, что считает все это очень положительным.

Как мы видим на примере данного интервью, «успехи» секуляризации на микроуровне оказались самыми неустойчивыми по причине потребности в фундирующих элементах мировоззрения, конфигурация которых оказалась тесно связанной с советским коммунистическим мифом в целом. В результате прекращения социального давления на традиционные религии произошел существенный рост религиозности на микроуровне в 1990-е гг. Советский секуляризм так и не стал жизнеспособной идеологией в постсоветском обществе. Причиной этого является потребность в фундировании жизненного мира в постсоветском обществе в условиях отсутствия секулярной идеологии, равноценной по охвату и глубине советской идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М.: Academia, 2004. 216 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 159 с.
3. Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (историографическое исследование). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.
4. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский хронограф, 1997. 594 с.
5. Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press. Massachusetts; London, 2007. 874 p.
6. Хатбермас Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4 (18). С. 1–2.

REFERENCES

1. Sinelina J.J. Secularization in the History of Russian Society Moscow: Academia, 2004, 216 p. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. Paris: YMCA-press, 1955, 159 p. (In Russ.).
3. Petrov S.G. Russian Orthodox Church at the Time of Patriarch Tikhon. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2013, 407 p. (In Russ.).
4. Politburo and Church, 1922–1925. Moscow, Novosibirsk: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya», «Sibirskiy hronograf», 1997, 594 p. (In Russ.).
5. Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press, Massachusetts; London, 2007, 874 p.
6. Habermas J. What is Post-secular Society? *Rossiyskaya filosofskaya gazeta*, 2008, no. 4 (18), pp. 1–2. (In Russ.).

Статья принята редакцией 18.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160110
УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

ЗАКОН 1898 г. О КРЕСТЬЯНСКИХ И «ИНОРОДЧЕСКИХ» НАЧАЛЬНИКАХ СИБИРИ: ОБСУЖДЕНИЕ И РАЗРАБОТКА

Лев Михайлович Дамешек,
д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: levdameshok@gmail.com
Ирина Львовна Дамешек,
д-р ист. наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: dameshok@rambler.ru

В конце XIX в. в основу правительственных мероприятий на окраинах государства были положены идеи теории «сильной и неделимой России». В 1887 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П.Игнатьев предложил распространить закон 1889 г о земских начальниках Европейской России на Сибирь. Эта идея была поддержана министрами внутренних дел И.Н. Дурново, финансов С.Ю. Витте, лично Александром III. В статье рассматривается история разработки и обсуждения законопроекта, отмечается, что законом 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках в Сибири было введено 107 должностей крестьянских начальников и образовано 25 уездных съездов. Показана роль крестьянского начальника в системе крестьянского и инородческого самоуправления.

Ключевые слова: Европейская и Азиатская Россия, Сибирь, И.Н. Дурново, С.Ю. Витте, сибирские генерал-губернаторы, законы 1889 и 1898 гг.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

THE LAW OF 1898 ON THE PEASANT AND INDIGENOUS OFFICIALS IN SIBERIA: DISCUSSION AND LEGISLATIVE DRAFTING

Lev M. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: levdamshok@gmail.com
Irina L. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: dameshok@rambler.ru

In the late XIX century Russia's policy towards the peripheries was based on a theory of "a strong and indivisible country". N.P. Ignatyev, the Governor-General of Eastern Siberia, suggested to extend the application of the law on land captains (enacted in European Russia in 1889) to the whole region of Siberia and to subject its peasant and indigenous population to the new authorities. This proposal was supported by the Minister of Interior I.N. Durmovo, Minister of Finance S. Yu. Vitte and personally by Alexander III. The law of 1898 introduced the new 107 positions for peasant officials and formation of the new 25 district (uezd) congresses. The peasant and indigenous officials in Siberia exercised far greater control over the peasantry as compared to the land captains in European Russia. From then onward the peasant chiefs were given full mastery of the local peasant and indigenous self-government bodies. They controlled economic activities and morale of peasantry; played a significant role in judicial cases concerning

rural population. Congresses of peasant chiefs were established in each district. They acted as courts of second instance challenging decisions made by peasant chiefs. Administrative reforms principally were aimed at strengthening the police control over the peasants and non-Russians in Siberia, accelerating russification of the latter, and at unification of administrative systems in the rural areas of European and Asian parts of Russia. The reform was carried out by the state of landowners and bureaucrats during the bourgeois era, however it retained some vivid feudal features. It quite fell within a range of measures taken by the government in the peripheral territories and aimed at preservation of the Empire's integrity.

Key words: European and Asian parts of Russia, Siberia, Ministers I.N. Durnovo and S.Yu. Vitte, Siberian Governors-General, laws of 1889 and 1898 on land captains in European Russia and peasant and indigenous officials in Siberia.

В XIX в. Российская империя, с позиций государственного устройства, представляла собой унитарное, централизованное государство. Однако в этом государстве наряду с административно-территориальным существовало также территориально-законодательное устройство империи [1, с. 45]. Появление такого законодательства стало возможным благодаря осознанию правительством невозможности в полном объеме «подчинить» окраинные территории действию общеимперских юридических норм, поливариантности окраинной политики империи в целом. Не случайно при анализе территориально-законодательной политики можно отчетливо наблюдать влияние на нее таких факторов, как географический, демографический, национальный, внутривластный, внешнеполитический и др. Законодательную политику самодержавия в Азиатской России невозможно понять вне общих замыслов законодателя. А они, по свидетельству такого авторитетного знатока «сибирского вопроса», как С.М. Прутченко, напрямую зависели от того, «в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности», которые были «неразрешимыми с постановкой управления слагающихся государств» [2, с. 5–6].

Между тем, несмотря на успехи в изучении истории Российской империи, достигнутые в последние 10–15 лет, тема места и значения Сибири в имперском законодательстве, как одном из важнейших направлений правительственного курса в крае, его периодизация и связь с общеимперскими процессами, специально не разрабатывалась. Изучение этого законодательства весьма актуально и сегодня с точки зрения понимания единства и региональных особенностей Российского государства. В числе законодательных актов периода кризиса империи [3, с. 662] особое место занимает закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках Сибири. Именно они, по справедливому замечанию Г. Жерновкова, «по образу и подобию» не только удивительно напоминали «российских земских начальников», но и были главными проводниками политики российского самодержавия в отношении крестьянства [4, с. 25].

К сожалению, в отечественной историографии эта тема специально не разрабатывалась, а освещалась фрагментарно, в ходе изложения истории отдельных губерний и народов края, в связи с изучением вопросов управления крестьянами. Однако механическое переложение на сибирскую действительность основных особенностей правительственной политики в Европейской России является ошибочным. Незна-

ние делопроизводственного материала привело некоторых исследователей данного вопроса к ошибочным выводам и обобщениям. Так, В.И. Дулов утверждал, что в Восточной Сибири «на должности крестьянских начальников обычно назначались дворяне» [5, с. 76]. Ему вторил Н.П. Егунов, полагавший, что в результате введения закона 1898 г. «сибирское крестьянство... оказалось в непосредственном подчинении у дворян» [6, с. 133]. Иначе рассматривал этот вопрос В.Н. Никулин. В небольшом очерке, вошедшем в обобщающую работу по истории крестьянства Сибири [7, с. 122–124], и в специальной статье [8, с. 170–176] он сделал вывод, что в Сибири правительству не удалось «сосредоточить крестьянское дело» в руках дворянства [7, с. 124]. К аналогичному выводу пришел и Л.М. Дамешек в одной из ранних своих публикаций по этому вопросу [9].

В середине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. сибирское историописание обогатилось рядом монографических исследований, имеющих принципиально важное значение для понимания сути окраинной политики империи. Были сформулированы такие понятия, как имперская география власти, властное освоение окраин империи [10, 12, 13, 14, 15, 16, 17], отмечено хронологическое несовпадение реформаторских процессов в Европейской и Азиатской России [11], даны характеристики политических институтов власти самодержавия в регионе, его наиболее ярких представителей [12, 18] и т.д. Необходимо вновь обратиться к истории разработки и принятия закона 1898 г. о крестьянских начальниках Сибири. Проведению закона в жизнь будет посвящена отдельная публикация.

На востоке империи процесс освоения властью новых территорий на протяжении XVII – первой половины XIX вв. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные методы, закрепленные в Сибирском учреждении 1822 г. и провозгласившие начало политики имперского регионализма [18]. Однако в эпоху великих реформ правильность этой политики испытывает серьезное деформационное влияние, а в конечном итоге ставится под сомнение. Со времени восстания 1863 г. в Царстве Польском идея «единой и неделимой России» начинает вытеснять еще недавно столь часто упоминаемые ссылки на региональные особенности [16, с. 105], а курс на унификацию системы управления губерниями Европейской и Азиатской России становится всеобщим [19, с. 7].

В эту политическую палитру вполне вписалось предлодение иркутского генерал-губернатора Н.П. Игнатьева, изложенное им в специальной «Про-

грамме деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»¹. Данному документу автор придавал особое значение, прекрасно сознавая, что проект адресован не столько Комитету министров, сколько самому императору. Пройдя хорошую бюрократическую школу службы в Петербурге и имея широкий круг влиятельных и информированных родственников и знакомых, Игнатьев был осведомлен о разрабатываемых в недрах МВД проектах реформирования системы местного управления, связанных с введением в губерниях Европейской России института земских начальников. Это было сделано правительством законом 12 июля 1889 г. [20, с. 366–401]. Вот почему в основу своего проекта Игнатьев положил предложение о распространении данного закона на всю Сибирь. Это был важный шаг на пути унификации управления сельским населением Европейской и Азиатской России.

Принципиальное же отличие нового проекта от предложений гражданских губернаторов сибирских губерний и областей заключалось в том, что проектируемый закон предполагалось распространить на сибирских инородцев, окончательно подчинив их действию общероссийского законодательства. Конечную цель проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение «инородцев»². Это предложение, прозвучавшее при слушании отчета Н.П. Игнатьева в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»³.

В 1892 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново [21, с. 398] потребовал от иркутского генерал-губернатора и гражданских губернаторов Тобольской и Томской губерний представить заключение по рассматриваемому вопросу. Новый иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин не заставил себя долго ждать. В мае того же года он направил в министерство свой проект⁴, в котором предлагал не только распространить на Сибирь закон о земских начальниках, но и поручить им «попечение над инородцами». Горемыкин констатировал, что надзор за деятельностью органов самоуправления аборигенов со стороны полицейских управлений и земских заседателей существует только номинально и пользы не приносит, а «инородческие» родоначальники держат «подведомственное им население почти в рабстве». Выход из создавшегося положения Горемыкин видел в том, чтобы подчинить управление коренными жителями контролю земских начальников на тех же основаниях, как и крестьян. С аналогичных позиций смотрел на будущую реформу

и томский губернатор Г.А. Тобизен⁵, и его тобольский коллега В.А. Тройницкий⁶.

Важной составной частью разработки законопроекта чинами сибирской администрации явилось обсуждение вопроса о количестве будущих чиновников. При этом сибирская администрация, как и МВД, руководствовалась убеждением, что «близость власти к населению... имеет... важное значение для правильной постановки надзора и попечения о делах сельских обывателей». Вот почему количество вновь вводимых чинов по губерниям должно было распределиться следующим образом: в Тобольской – 68, Томской – 52, Енисейской и Иркутской – по 32. Значительное увеличение численности чиновников требовало увеличения денежных затрат на их содержание. Поэтому даже МВД, признавая утверждение предлагаемого сибирскими властями штатного расписания «весьма желательным», на деле признавало сложность его осуществления.

Стремясь сгладить противоречия с всемогущим финансовым ведомством, И.Н. Дурново попытался сдержать аппетиты сибирской администрации и рекомендовал в Тобольской губернии учредить 42 должности вновь вводимых чиновников, в Томской – 36, в Енисейской и Иркутской – по 26. Денежные оклады будущих чиновников предлагалось определить в губерниях Западной Сибири – по 1500 руб., в Енисейской – 1600, в Иркутской – 1700 руб. в год. Однако и в таком объеме расходы на проведение реформы должны были составить 455 200 руб. Необходимые денежные средства инициаторы реформы надеялись получить из фондов государственного казначейства⁷.

Однако это предложение встретило возражение в лице министра финансов С.Ю. Витте. В специальной записке в МВД он указывал на бедственное положение с финансами в империи и на значительные в последнее время расходы на Сибирь из государственного казначейства. Выход из создавшегося положения Витте видел в переложении расходов на счет земских сборов по Сибири. Предложение это отражало правительственный подход к вопросам колонизации Сибири, согласно которому сановный Петербург всю тяжесть по освоению Зауралья стремился переложить на плечи населения Сибири. Не случайно даже местные власти признавали, что «земское обложение в Сибири... достигло уже значительной степени напряжения»⁸. Возражения С.Ю. Витте вызвали негативную реакцию И.Н. Дурново. В специальном отношении на имя Витте министр внутренних дел обратил внимание своего коллеги по Кабинету министров на необходимость «безотлагательного введения» в Сибирь положения о земских начальниках «в полном объеме». Такую настойчивость он считал

¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Н.П. Игнатьев занимал должность восточносибирского генерал-губернатора в 1885–1887, иркутского генерал-губернатора – в 1887–1889 г.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

³ Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12, об.

⁴ Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 162, 173 об.

⁵ Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 65А. Л. 134а; Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 173.

⁶ Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 69. Л. 136.

⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 45–47.

⁸ Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 187. Л. 12–12 об.

вполне обоснованной, так как в условиях нарастающего революционного движения в стране в целом и в Сибири в частности увеличение потока переселенцев и числа ссыльных в крае, расширение полномочий и прав полицейского аппарата по отношению к сельскому населению должны были поставить население под постоянный надзор правительства и тем самым предотвратить возможность крестьянских волнений.

В создавшейся ситуации Витте был вынужден пойти на уступки. Он предложил Дурново в целях сокращения расходов на реформу «не устанавливать ныне же для органов правительственной власти новых прав по заведованию инородцами», а ограничиться реформой русского крестьянского населения. Однако эти доводы Дурново признал «едва ли правильными» и категорически заявил, что новые чиновники «будут с большим усердием и добросовестностью» относиться к своим обязанностям по заведованию аборигенами, чем это делалось до сих пор⁹. Окончательный штат вводимых чиновников предлагалось распределить по губерниям следующим образом: в Тобольской – 36, Томской – 29, Енисейской и Иркутской – по 21¹⁰. Говоря о борьбе в верхах царской бюрократии в связи с введением института крестьянских начальников, не следует принимать ссылки Витте на тяжелое материальное положение в стране за чистую монету. Следует учитывать тот факт, что он находился в эти годы в конфликте с министром внутренних дел и занял резко отрицательную позицию по отношению к институту земских начальников, послуживших прообразом крестьянских начальников Сибири.

Рассматривая предложения сибирских губернских властей относительно реформы управления аборигенами, новый министр внутренних дел И.Л. Горемыкин отмечал, что этот вопрос, связанный с пересмотром всего действующего законодательства об аборигенах, представляется слишком сложным для того, чтобы «законодательное разрешение его могло последовать попутно...». Министр не считал возможным приступить к его рассмотрению «без предварительной и весьма подробной разработки...». Вместе с тем он признавал необходимость принятия «некоторых мер, способных значительно улучшить существующее инородческое управление»¹¹. Руководствуясь этим положением, Горемыкин высказывался в пользу значительного расширения функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири. На земских начальников он предлагал возложить «обязанность надзора за действием родовых управлений и инородческих управ». Планировалось поручить земским начальникам «попечение о нуждах инородцев в тех пределах, в каких обязанности эти донны принадлежали чинам полиции». Прежде всего, программа Горемыкина предус-

матривала наделение земских начальников судебными функциями.

Проведение указанных преобразований должно было устранить «наиболее вопиющие недостатки их управления» и хотя бы отчасти удовлетворить «хотайства местных властей». Более широкие преобразования казались министру преждевременными. Проектируемая реформа не должна была распространяться на всю Сибирь. Не предполагалось введение реформы в тех районах, «в которых, благодаря их отдаленности и малочисленности населения, и преимущественно инородческого, донны не было введено общественное крестьянское управление»¹². В Тобольской губернии это были Березовский и Сургутский округа, в Томской – Нарымский край, в Енисейской – Туруханский край. Таким образом, предложения Горемыкина предусматривали полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации. Проект вполне соответствовал бюрократическому духу эпохи контрреформ 1880–1890-х гг. и должен был способствовать усилению административно-полицейской опеки над сельским населением Сибири и органами его самоуправления. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках». Несколько позже крестьянским начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников»¹³.

Крестьянскими начальниками могли быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Отсутствие образования не являлось препятствием к занятию должности, так как предусматривалась возможность назначения на эту должность лиц, выдержавших «соответствующее испытание». В законе, кроме того, подчеркивалось, что «неимение чина, соответствующего классу должности крестьянского начальника, не служит для лиц, указанных в настоящей статье, препятствием к занятию настоящей должности». Кандидатуры крестьянских начальников должны были утверждаться в Тобольской и Томской губерниях министром внутренних дел, в губерниях Иркутской и Енисейской – генерал-губернатором.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и инородческого управления. Важной обязанностью новых чиновников являлся контроль за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей. Закон предоставлял крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. Вместе с тем, права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. Кре-

⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 95 об. – 96 об.

¹⁰ Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 39–40.

¹¹ Там же. Оп. 3. Оп. 5. Л. 124; 173–174.

¹² Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5124. Л. 173–174.

¹³ ПСЗ-3. Т. 18. Л. 1503; Т. 23, отд. 1. № 23320.

стьянские начальники получили право утверждать повестку дня волостных и сельских сходов (ст.16), санкционировать их решения. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах сельского населения (ст.36).

Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато серьезными последствиями. В этом случае он имел право подвергнуть лиц, «подведомственных крестьянскому или инородческому управлению... без формального производства аресту» на срок до трех дней или денежному штрафу на сумму, не превышающую 15 руб. (ст.40). Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий сельского управления. В законе указывалось, что «крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб..., принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управления, а также непосредственно усмотренных им самим... проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». В случае более серьезных преступлений крестьянским начальникам предоставлялось право отстранять лиц крестьянского и «инородческого» управления от должности и даже входить в уездный съезд крестьянских начальников с представлением о «совершенном увольнении должностных лиц от службы или придании их суду» (ст.42). В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников.

В целом закон отразил определенным образом изменения, произошедшие в характере социально-экономического развития сельского населения края. Но в целом административные преобразования были направлены на усиление полицейской опеки над крестьянами и инородцами Сибири, русификацию последних и унификацию управления сельским населением Европейской и Азиатской России. По красноречивому замечанию Б.Н. Чичерина, это была эпоха «злой травли всех народностей, которые обвинялись в стремлении к сепаратизму» [22, с.130]. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла вместе с тем явные феодальные черты. Она вполне выписывалась в систему правительственных мероприятий на окраинах государства, направленных на сохранение целостности империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодан С.В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.) // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения». 20–21 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 44–49.
2. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления Русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899, 405 с.

3. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. 664 с.
4. Жерновков Г.И. Сибирь и правительство. Ново-Николаевск: Изд. Н.П. Литвинова, 1907. 52 с.
5. Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск: Кн. изд-во, 1956. 270 с.
6. Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Уч. зап. Бурят. пед. ин-та. Ист.-филол. сер. 1962. Вып. 95. С.130–139.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 399 с.
8. Никулин В.Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898–1917) // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 170–176.
9. Дамешек Л.М., Оглезнева Г.В. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1898. С. 21–35.
10. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. – 237 с.
11. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. 253 с.
12. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
13. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
14. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
15. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти, XVIII – начало XX в. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 318 с.
16. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск: Отгис, 2009. 389 с.
17. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
18. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию Сибирских реформ 1922 г.). Иркутск: Отгис, 2003. 263 с.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 548 с.
20. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
21. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти. Омск: Изд-во ОмГУ. 575 с.
22. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. 160 с.

REFERENCES

1. Kodan S.V. Territorial and legislative organization in the Russian Empire (1800–1850s). *Evolutsiya administrativnogo ustroystva i upravleniya v Rossii: Istoricheskaya retrospektiva i sovremennost. Materialy konferentsii "Reformirovaniye gosudarstvennoy sluzhby v Rosii: problemy i puti ikh resheniya"*. November 20–21, 2001. Ekaterinburg, 2001, pp. 44–49. (In Russ.)
2. Prutchenko S. Siberian peripheral territories. Regional establishments related to the statute of 1822 in the Russian governmental system. Historical and juridical essays. St. Petersburg, 1899, 405 p. (In Russ.)
3. Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. Leningrad, 1984, 664 p. (In Russ.)
4. Zhernovkov G. Siberia and the government. Novonikolayevsk, 1907, 52 p. (In Russ.)

5. *Dulov V.I.* Peasantry of the Eastern Siberia during the revolution of 1905. Irkutsk, 1956, 270 p.
6. *Egunov N.P.* On the formation of the institution of peasant officials in Transbaikalia. *Uch.zap.Buriat. ped.in-ta*, 1962, vol. 95, pp.130–139. (In Russ.)
7. Peasantry in Siberia in the epoch of capitalism. Novosibirsk, 1983, 399 p. (In Russ.)
8. *Nikulin V.N.* Peasant officials in Siberia (1898– 1917). *Voprosy istorii*, 1987, no. 1, pp. 170–176. (In Russ.)
9. *Dameshek L.M., Oglezneva G.V.* Peasant officials in Irkutsk governorate (1898–1917). *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX veka*. Irkutsk, 1898, pp.21–35. (In Russ.)
10. *Remnev A.V.* Autocracy in Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century. Omsk, 1995, 237 p. (In Russ.)
11. *Remnev A.V.* Autocracy in Siberia. Administrative policy in the second half of the XIX – the early XX centuries. Omsk, 1997, 253 p. (In Russ.)
12. *Remnev A.V.* Far East of Russia. Geography of imperial power in the XIX – early XX centuries. Omsk, 2004. 552 p.
13. *Matkhanova N.P.* Governor-Generals of Eastern Siberia in the mid- XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov. Novosibirsk, 1998, 428 p. (In Russ.)
14. *Matkhanova N.P.* Administration of Eastern Siberia in the mid. of the XIX century: Problems of social stratification. Novosibirsk, 2002, 250 p. (In Russ.)
15. *Dameshek L.M.* Imperial policy towards Siberian non-Russians. Irkutsk, 2007. – 318 p.
16. *Dameshek I.L., Dameshek L.M.* Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917). Irkutsk, 2009, 389 p. (In Russ.)
17. Siberia in the system of imperial regionalism. Ed. by L.M. Dameshek, A.V. Remnev. Moscow, 2007, 368 p. (In Russ.)
18. M.M. Speransky. Siberian variant of imperial regionalism (on the 180th anniversary of Siberian reforms by M.M. Speransky). Irkutsk, 2003, 263 p. (In Russ.)
19. *Mironov B.N.* Social history of Empire. St. Petersburg, 2003, Vol. 1, 548 p. (In Russ.)
20. *Zayonchkovsky P.A.* Russian autocracy in the late XIX century. Moscow, 1970, 444 p. (In Russ.)
21. *Remnev A.V.* Siberia in the geography of imperial power. Omsk, 2015, 575 p. (In Russ.)
22. *Chicherin B.N.* Russia before the XXth c. Berlin, 1901, 160 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 01.02.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160111
УДК 614.(571.1)

А.И. ТАТАРНИКОВА

**САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВО
«ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СТОЛИЦ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Анна Ивановна Татарникова,
канд. ист. наук, доцент, заведующая лабораторией,
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626150, г. Тобольск, ул. Академика Ю. Осипова, 15,
Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева,
филиал Тюменского государственного университета,
РФ, 626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58
e-mail: tatob777@yandex.ru

Цель работы – выявить изменения, происходившие в санитарном состоянии и благоустройстве административных столиц региона (Тобольска, Томска и Омска) под воздействием модернизационных процессов. При этом санитарное состояние характеризуется как составная часть городской среды. Автор акцентирует внимание на начавшейся трансформации повседневных практик горожан по содержанию в чистоте улиц, площадей, придомовых территорий, удалению и вывозу нечистот, соблюдению санитарных требований в учреждениях социальной инфраструктуры. Прослеживается зависимость эпидемических заболеваний жителей от общего санитарного фона городов. Делается вывод о постепенном изменении санитарно-гигиенических представлений и соответствующих им поведенческих установок горожан.

Ключевые слова: санитарное состояние, благоустройство, городская среда, санитарно-гигиеническая культура, традиции, новации, повседневные поведенческие практики, Западная Сибирь.

A. I. TATARNIKOVA

**SANITARY CONDITION AND REDEVELOPMENT OF “PROVINCIAL CAPITALS”
OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES:
TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Anna I. Tatarnikova,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Head of Laboratory,
Tobolsk complex scientific station of the UrB RAS,
15, Ak. Y. Osipova Str., Tobolsk, 626150, Russia,
D.I. Mendeleev Tobolsk State Pedagogical Institute,
Branch of the Tyumen State University
58, Znamenskogo Str., Tobolsk, 626150, Russia,
e-mail: tatob777@yandex.ru

The paper reveals changes in the sanitary condition and redevelopment of regional administrative centers (Tobolsk, Tomsk, Omsk) under the influence of modernization processes. Despite unsatisfactory sanitary condition of West Siberian cities, the author argues that the urban environment gradually improved. This was manifested in changing everyday practices of cleaning the streets, squares and neighboring territories; rubbish removal and observance of sanitary conditions by different social infrastructure institutions. It is found that the number of epidemics depended on the overall sanitary conditions of the cities.

The author comes to conclusion that the citizens' sanitation and hygiene knowledge and ensuing behavior improved under the influence of urbanization and industrialization that penetrated into Siberia at the beginning of the XX century. These processes resulted in increasing cultural needs of the people living in Siberian cities. The infrastructure of Tobolsk, Tomsk and Omsk was enriched by water supply systems, new chemist's shops and medical aid posts. Local authorities addressed on a day-to-day basis such issues as swamp draining, laying out parks and garden squares, cleaning the house premises and adjacent territories, maintenance of neighboring territories, establishing sanitation control over household waste

removal. Sanitary and medical commissions intensified their work. Health education of city dwellers was strongly influenced by the local press, lectures delivered by representatives of the official conventional medicine; activities of various societies (like sobriety clubs, societies for giving aid to indigent people, public health societies). There was increased public awareness of the importance of joint efforts of local authorities and citizens for the improvement of sanitary conditions.

Key words: health status, landscaping, urban environment, quality of life, sanitary and hygiene culture, daily behavioral practices, Western Siberia.

В фокусе исследовательских интересов современных историков-сибиреведов, изучающих различные аспекты жизни города, все чаще оказываются сюжеты, связанные с повседневными практиками поведения горожан в процессе их жизнедеятельности, в том числе ведения быта, организации досуга и т. п. Так, внешнему облику и благоустройству сибирских городов уделяли внимание в своих работах В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров, Д.А. Алисов, А.Н. Жеравина и др. [1; 2; 3] Они рассматривали особенности застройки и инфраструктуры городов, состав населения и его занятия. Ю.М. Гончаров подробно исследовал повседневную жизнь горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. [4] Значительный вклад в изучение городской повседневности Сибири в годы Первой мировой войны и революций 1917 г. внес В.Г. Кокоулин [5]. В историко-краеведческих трудах, посвященных тому или иному городу, некоторые стороны указанной темы затронуты, однако санитарно-гигиеническая культура городского населения, как важная составляющая его жизнеобеспечения, остается слабо изученной.

Под санитарно-гигиенической культурой мы понимаем уровень санитарного благополучия населения, определяемый степенью соответствия гигиеническим требованиям питания, водоснабжения, размещения, труда и иных показателей, способных оказывать влияние на здоровье и работоспособность, душевное состояние людей. К числу факторов, оказывающих влияние на санитарное благополучие жителей того или иного населенного пункта, относятся в равной степени их ментальные представления о чистоте и порядке содержания тела, одежды, жилища, уровень образования, культурные традиции, религиозные взгляды и т.п.

Уровень и качество жизни городского населения во многом зависели от санитарного состояния среды его проживания (городской среды), представлявшей собой совокупность основных условий, создаваемых человеком и природой в границах населенного пункта. С одной стороны, горожане были сопричастны к созданию этой среды, а с другой – испытывали ее влияние на качество своей жизни, а именно – на ее продолжительность, состояние здоровья, питание, бытовой и психологический комфорт.

В рамках настоящей статьи рассмотрим процесс изменений в санитарном состоянии крупнейших административных центров Западной Сибири – Тобольска, Томска и Омска, названных известным сибирским историком-городоведом Д.А. Алисовым «провинциальными столицами» Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. [2, с. 263–272]. Тобольск и Томск были

тогда губернскими городами, а Омск являлся краевым (столица Степного края) и областным (центр Акмолинской области) городом. Отметим, что санитарную обстановку этих административных центров мы будем рассматривать как часть среды обитания (проживания) их жителей. При этом исходным для нас будет следующий тезис: город как среда обитания оказывает влияние на уровень и качество жизни населения, причем эти показатели определяют, в свою очередь, качество городской среды.

Санитарная обстановка в «провинциальных столицах» Западной Сибири региона была результатом действия/бездействия местных властей в плане обеспечения чистоты городских улиц, учреждений социальной инфраструктуры, а также отражала санитарно-гигиеническую культуру горожан, бытовавшие в их сознании установки и представления о правилах и нормах поведения в быту, которыми следовало руководствоваться в своей повседневной жизни.

Контроль над санитарным порядком в городах осуществлялся на основании Врачебного устава, принятого в стране в 1857 г. и действовавшего (с незначительными изменениями) до октября 1917 г., а также Городовых положений 1785, 1870 и 1892 гг. и местных циркуляров.

Врачебный устав предписывал представителям городской администрации и исполнительной полиции, а не медицинским кадрам следить за санитарной обстановкой и принимать меры по охране чистоты воздуха, водоемов, улиц и переулков, обеспечению безвредности жизненных припасов и т.д.¹

Вопросам улучшения условий городской жизни были посвящены отдельные статьи Городовых положений 1870 и 1892 гг., согласно которым в городах создавались новые органы самоуправления (городские думы, управы); на них возлагалось решение таких административно-хозяйственных задач, как водоснабжение, освещение, благоустройство улиц города, «заведывание торговлей» и др.² К компетенции городских дум относилось также устройство рынков и базаров, мест для городской свалки, обеспечение продовольствием жителей города и т.п.

Местные городские управы, руководствуясь вышеназванными нормативными документами, а также собственными предписаниями по соблюдению правил санитарной безопасности, должны были, опи-

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIII: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. С. 246.

² Высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение с объяснениями. СПб., 1870.

раясь на полицию, осуществлять надзор над состоянием мест общественного пользования, придомовых территорий, выгребных ям, хранением пищевых продуктов и др.

Охарактеризуем реальное положение дел в санитарном состоянии Тобольска, Томска и Омска. Многочисленные архивные источники и материалы периодической печати рисуют санитарную обстановку в названных городах как неудовлетворительную.

Объектом особой критики со стороны широкой общественности было состояние городских площадей, улиц и переулков, которые утопали в грязи и во время весенней и осенней распутиц были непроходимыми. Эта проблема неоднократно поднималась на страницах местной периодической печати. Еще в 1861 г. газета «Тобольские губернские ведомости» сообщала своим читателям, что деревянная мостовая, выложенная на главной улице города, «имеет один важный недостаток ... под ней скопляется грязь и всякая нечистота, не просыхающая в наше короткое лето почти никогда и только извергающаяся в жаркие дни тяжелые и вредные миазмы»³. Ситуация усугублялась тем, что в устроенные вдоль улиц канавы жители часто выбрасывали мусор из дворов, а на некоторых улицах сточные канавы вообще отсутствовали⁴. Характеризуя санитарное состояние западно-сибирских городов, авторы «Памятной книжки» за 1881 г. отмечали «загрязнение и засорение улиц вследствие обычая выравнивать ямы на улицах навозом и мусором...» [6, с. 195]. Особенно неприглядно выглядели улицы городских окраин. Так, в 1909 г. тоболяки, проживавшие за речкой Абрамкой, протекавшей на окраинах города, обратились в городскую думу с жалобой следующего содержания: «Дорога по нашим улицам невозможная: мостовые не заведены, тротуаров нет, лошади вязнут и приходится их вытаскивать»⁵.

Местные власти в 1900–1910-е гг. активизировали усилия по благоустройству городов, однако из-за недостатка средств положительные результаты они приносили крайне медленно. Например, в г. Томске в 1906–1907 гг. планировалось замостить камнем улицы общей протяженностью около пяти верст. Что касается остальных томских улиц, протяженностью свыше 100 верст, то они, по замечанию местного санитарного врача К.М. Гречищева, представляли собой «ужасную, печальную, отвратительную картину» [7, с. 7]. К 1911 г. в Томске было замощено лишь 19 верст протяженности улиц [4, с. 255].

В журнале «Сибирские вопросы» в 1911 г. была помещена заметка о том, что в г. Омске «против городской управы (располагалась на одной из центральных улиц. – А.Т.) в грязи завязла маленькая девочка, которая подняла такой плач, что многие останавливались,

но помочь не решались, боясь завязнуть в грязи»⁶. Работы по мощению улиц Омска тормозились вследствие отсутствия местного камня как основного строительного материала. И такое состояние улиц и переулков сохранялось в течение многих лет.

Не менее остро перед городскими властями стоял вопрос о водоснабжении. Вода, которую население Тобольска, Томска и Омска употребляло для питья и приготовления пищи, далеко не всегда отвечала требованиям санитарной безопасности. Так, жители г. Тобольска, несмотря на постановление местной администрации об очистке колодцев и запрет сваливать навоз и другие нечистоты вблизи них, время от времени пренебрегали собственной безопасностью, воду черпали грязными ведрами. В жаркое лето вода в некоторых колодцах имела неприятный запах. В нагорную часть города воду приходилось завозить, при этом стоимость ведра воды составляла 3–5 коп.⁷

Омичи пользовались водой из Иртыша и Оми, а также из колодцев, которых насчитывалось около 900. Летом 1877 г. в городе вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Областной врач Кушелевский, проведя химический анализ воды, взятой из р. Иртыш ниже впадения в нее р. Омь, доказал, что вода содержит много органических примесей, в том числе аммиачные и азотистые соединения [8, с. 189].

В антисанитарном состоянии находилось значительное число колодцев и в Томске. По свидетельству современника К.М. Гречищева, многие общественные колодцы, не говоря о частных дворовых, «превратились в резервуары вонючей жидкости». К тому же горожане, несмотря на неоднократные предупреждения властей, продолжали загрязнять местные реки Томь и Ушайку, ежедневно полоща в их водах белье, сливая бытовые отходы. Владельцы заводов, «прокладывая трубы из отхожих мест и помойных ям, ... спускали в них (в реки. – А.Т.) тайком, без очистки свои отработанные воды и отбросы производства» [7, с. 5].

Ассенизация нечистот в столичных городах региона осуществлялась в основном силами крестьян из близлежащих деревень, занимавшихся в свободное время подработкой в городе. К работам по очистке выгребных и помойных ям также привлекались арестанты исправительных отделений тюремных замков. Первые ассенизационные обозы появились лишь в 1900-е гг. Золотари (лица, занимавшиеся очисткой выгребных ям) брали плату за свою работу. Так, в 1893 г. в Тобольске плата за очистку и вывоз нечистот составляла 30 коп. с короба⁸. В адрес золотарей поступало немало нареканий со стороны обывателей. В «Сибирском листке» отмечалось: «При очистке выгребных и помойных ям крестьяне обыкновенно не сразу накладывают вынутое в бочки и короба, а предваритель-

³ Тобольские губернские ведомости. 1861. 23 декабря.

⁴ Там же. 1864. 11 апреля.

⁵ Государственный архив в г. Тобольск (ГА в г. Тобольске). Ф. 8. Оп. 1. Д. 338. Л. 184–184 об.

⁶ Д. С. Неустройство сибирских городов // Сибирские вопросы. СПб., 1911. № 47–49. С. 8–19.

⁷ Водонапорная башня [сайт]. URL: <http://tobolsk-travel.com/index.php?option> (дата обращения: 22.09.2013).

⁸ Тобольские губернские ведомости. 1893. 3 марта.

но все это складывается в кучи у бортов; в результате часть, а иногда и вся жидкость впитывается почвой... невозможно проходить (вдоль улиц – А.Т.), все каналы... залиты зловонной жидкостью»⁹.

Врач окружного Западно-Сибирского военно-медицинского управления А. Ремезов описал похожую практику удаления нечистот и в Томске: «Ящики для нечистот большей частью непрочны... Самый вывоз нечистот производится без всяких предосторожностей, не употребляется никаких дезинфицирующих средств» [8, с. 73]. Жители городских окраин зачастую вообще не озадачивались устройством отхожих мест, справляя нужду на заднем дворе, где находился скот.

Таким образом, горожане далеко не всегда соблюдали правила удаления нечистот и бытовых отходов. Обычным явлением в сибирских городах были большие кучи навоза, строительного и иного мусора, находившиеся возле домов горожан. Удручающее впечатление на жителей и гостей этих городов производили улицы и переулки в весеннее время года, когда с таянием снега «в некоторых из злых мест вместе с навозом обнаруживались даже трупы подошедших собак, кошек и т.п.»¹⁰.

Неприглядная картина санитарного состояния «провинциальных столиц» усугублялась их природно-географическим положением. Краевед и общественный деятель К.М. Голодников так описывал местоположение Тобольска: «Находясь на плоскости, состоящей из сплошного болота, перерезанного в разных местах речками и оврагами, издающими в летнее время густые и зловредные испарения... местность, занимаемая городом, представляется самой невыгодной...» [9, с. 11–13]. К.М. Гречищев, характеризуя санитарное состояние Томска, отмечал большое количество болот на территории, занятой городом. «Болота эти, – писал врач, – не осушали путем дренажирования и проведения канав, а заваливали... называем как дешевым материалом, который всегда находился под руками в изобилии...» [10, с. 5]. Болотистость почвы часто приводила к тому, что двухэтажные дома Томска с течением времени превращались в одноэтажные, так как нижние этажи часто «тонули» в земле.

Осушение болот в черте города осложнялось острой нехваткой финансовых средств. Так, тобольский губернатор А.С. Соллогуб во время одного из своих выступлений перед городским обществом констатировал: «К сожалению, местность, на которой построен Тобольск, весьма невыгодна в гигиеническом отношении. Главнейшая часть города расположена на болотистой низине, для осушения которой потребуются значительные затраты... ежегодные весенние и осенние поднятия вод (Иртыша. – А.Т.) увеличивают болотные испарения, поддерживаемые деревянной мостовой и недостатком стока воды, порождают тиф, лихорадки,

дизентерию и другие болезни, принявшие эпидемический характер»¹¹.

Довольно частым стихийным бедствием для Тобольска, Томска и Омска были наводнения. Они приводили к затоплению жилого фонда, постоянной сырости и вредным испарениям, порождали болезни и смертность. «Нынешние летние месяцы напугали весь город огромной смертностью детей, – отмечалось в «Тобольских губернских ведомостях» после очередного наводнения, случившегося в начале лета 1863 г. – По официальным сведениям, во второй половине июня и первой половине июля умерло от поноса и рвоты 346 человек, из которых самая большая часть – дети от 4 месяцев до 11 лет»¹².

Антисанитарное состояние Омска, связанное с сильной загрязненностью питьевых вод сточными (главным образом из бань), стало основной причиной заболеваемости и смертности в городе в 1910–1913 гг. Здесь разразилось три довольно крупных эпидемии: холеры – в 1910 г., сыпного тифа – в 1911 г. и возвратного тифа – в 1913 г. Широкое распространение получили детские болезни. В 1913 г. на 1000 чел. гражданского населения Омска приходилось 29 смертей, что было тревожным показателем¹³. Влияние санитарно-гигиенических условий жизни на демографические характеристики населения Западной Сибири подробно рассмотрено в исследованиях В.А. Зверева, проанализировавшего разнообразные статистические источники. Он показал зависимость продолжительности жизни, смертности, в том числе детской, от санитарной обстановки, отметив, что антисанитария, царившая в домах деревенской и городской бедноты, отсутствие элементарных знаний о гигиене или пренебрежение ими были частыми причинами заболеваемости и смертности среди жителей региона [11].

Игнорируя запреты городских властей, горожане повсеместно практиковали выгон скота для пастьбы непосредственно за ворота своих домов. Нередким явлением для Тобольска, Томска и Омска были стаи бродячих собак, растаскивавших кучи мусора в поисках пищи.

Предметом особой заботы городских властей и местной полиции являлись торговые лавки и питейные заведения. Они должны были содержаться в чистоте, в соответствии с санитарными предписаниями. За состоянием названных учреждений следили городские санитарные врачи. Омская городская дума с целью улучшения санитарного и медицинского дела в городе образовала особую санитарную комиссию, переименованную впоследствии во врачебно-санитарный совет. В состав комиссии входило 10 надзирателей, которые осуществляли надзор за недопущением свалок нечистот в пределах города и на берегу

¹¹ Тобольские губернские ведомости. 1893. 10 марта.

¹² Там же. 1864. 1 января.

¹³ Деятельность Омской городской думы, избранной на четырехлетие (1910–1914 гг.): доклад омского городского головы В. А. Морозова, прочитанный собранию гласных Думы в заседании 18 апреля 1914 г. Омск, 1914. С. 6.

⁹ Сибирский листок. 1898. 28 июня.

¹⁰ Тобольские губернские ведомости. 1893. 31 марта.

реки. В рамках своей деятельности санитарная комиссия производила санитарное обследование дворовых участков жителей города, торговых лавок, гостиниц, постоянных дворов, ночлежек и др. [12, с. 35–36]. Такая же комиссия действовала в Томске. Владельцы торгово-промышленных заведений не должны были допускать к работе тех, кто не прошел осмотр городского врача. Тем не менее, домохозяева и хозяева торговых, питейных и иных заведений игнорировали предписания вышестоящих органов и должностных лиц. По свидетельству тобольского городского врача В.Н. Кулигина, в числе рабочих колбасного заведения Шукста и рыбных торговцев имелись лица с признаками сифилиса и других венерических заболеваний¹⁴.

Во многих питейных заведениях и ночлежных домах царили грязь, зловоние, пища часто была «несъедобной». В таких заведениях, особенно на окраинах города, собиралась городская беднота, женщины, занимавшиеся проституцией; все это позволяет говорить о них как о местах распространения всякого рода заболеваний.

Таким образом, санитарная обстановка в «провинциальных столицах» Западной Сибири оказывала неблагоприятное воздействие на качество жизни населения, городской среды. Привычная среда обитания определяла санитарно-гигиеническую культуру жителей города, на которую также влияли их ментальные представления об устройстве быта, обеспечении и поддержании чистоты не только в своих домах, но и на улицах, в общественных местах. Вместе с тем, антисанитарные условия, в которых проживали жители городов, традиционные поведенческие установки, в соответствии с которыми они выстраивали свое поведение, влияли на качество городской среды обитания.

Несмотря на преобладающую негативную характеристику санитарного состояния «столиц» региона, следует отметить, что общество и власти постепенно меняли свое отношение к санитарной обстановке в городе, прилагали усилия по наведению в них чистоты и порядка.

Начавшиеся в позднимперский период процессы урбанизации и индустриализации Сибири вызвали рост культурных потребностей жителей городов. Первым значительным шагом стало устройство водопроводов. В 1902 г. начал действовать водопровод в Тобольске, в 1905 г. – в Томске, в 1915 г. – в Омске. Это привело к улучшению качества питьевой воды, из повседневной жизни горожан постепенно исчезла практика употребления в пищу речной воды.

Большую роль в улучшении санитарного состояния «провинциальных столиц» Западной Сибири играли меры по организации врачебно-санитарного надзора над деятельностью промышленных предприятий, торговых заведений, состоянием придомовых территорий. Определенные сдвиги произошли в осушении болот на территории городов, благоустройстве улиц, открытии скверов, парков, садов. Кроме того, проис-

ходило изменение поведенческих стереотипов отдельных категорий горожан, начавшееся в XX в., а именно: стремление зажиточной части городского населения употреблять в пищу качественные продукты, обращение за медицинской помощью к врачебному персоналу, а не к знахарям, своевременная вакцинация населения и т.п.

На страницах местной периодической печати все чаще публиковались статьи о способах очистки заплесневелой воды, обеззараживании помойных и выгребных ям, профилактике эпидемических заболеваний, соблюдении гигиены тела и жилища. Определенное влияние на изменение традиционных повседневных практик горожан в поддержании гигиены тела оказывала появившаяся в конце XIX в. в местной печати реклама зубного порошка, мыла, женской и мужской парфюмерии, косметики и т.п. Редакторы газет регулярно печатали материалы о пагубных последствиях несоблюдения элементарных гигиенических требований, помещали критические статьи и заметки о неудовлетворительном санитарном состоянии улиц и придомовых территорий.

Положительное влияние на изменение повседневных санитарно-гигиенических поведенческих практик горожан оказывали усилия местных властей, осуществлявших санитарное просвещение горожан через прессу, периодическое проведение бесплатных общественных лекций с приглашением представителей официальной медицины, а также поддерживавших деятельность различных обществ (трезвости, помощи неимущим, охранения народного здоровья и т.п.). Активно занимались пропагандой гигиенических правил, санитарным просвещением горожан практикующие врачи. В общественной среде постепенно происходило осознание того, что только совместные усилия власти и горожан могут принести ощутимые результаты в улучшении санитарной ситуации на местах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.
2. Алисов Д.А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв. // Известия Ом. гос. ист.-краевед. музея. 1998. № 6. С. 263–272.
3. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам дореволюционной печати). Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 402 с.
4. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: уч. пособие. Барнаул : АЗБУКА, 2012. 214 с.
5. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921). Новосибирск: ООО «Сибирь – наука: XXI век», 2013. 385 с.
6. Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Тип. окр. штаба, 1881. 415 с.
7. Город Томск. Томск: Сиб. т-во печатного дела, 1912. 23 с.
8. Ремезов А. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск: Тип. окр. штаба, 1880. 277 с.

¹⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 338. Л. 152 об.

9. *Голодников К.М.* Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск: [Б.и.], 1887. 139 с.

10. *Гречищев К.М.* Город Томск во врачебно-санитарном отношении. Томск: Паровая тип. Н.И. Орловой, 1906. 16 с.

11. *Зверев В.А.* Городское население Сибири: естественное движение на заре демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. научн. симп. Омск: Изд. дом «Наука», 2010. С. 134–138.

12. *Клячкин В.Е.* Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск: Изд. Сибкрайздрава, 1928. 50 с.

REFERENCES

1. *Skubnevskiy, A.V., Goncharov Yu.M.* Town of Western Siberia in the second half of XIX – early XX century: Population. Economy. Development and improvement. Barnaul: IP Kolmogorov, I. A., 2014, 252 p. (In Russ.)

2. *Alisov D.A.* Socio-cultural appearance “provincial capitals” of Western Siberia (the end of the XIX – beginning of the XX centuries). *Izvestia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-craevedchescogo muzeya*. 1998, no. 6, pp. 263–272. (In Russ.)

3. *Seravina A.N.* Tomsk in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries (on the materials of pre-revolutionary prints). Tomsk: TSU Publishing House, 2010, 402 p. (In Russ.)

4. *Goncharov Yu.M.* Daily life of the citizens of Siberia in the second half of the XIX – the beginning of the XX century: a textbook. Barnaul: AZBUKA, 2012, 214 p. (In Russ.)

5. *Kokoulin V.G.* Everyday life of the townspeople of Siberia in the military-revolutionary years [July 1914 – March, 1921]. Novosibirsk: ООО «Sibir – nauka: XXI vek», 2013, 385 p. (In Russ.)

6. Memorial book of Western Siberia. Omsk: Tip. okr. shtaba, 1881, 415 p. (In Russ.)

7. The City of Tomsk. Tomsk, 1912, 23 p. (In Russ.)

8. *Remezov A.* Sketch of the sanitary condition of Western Siberia. Omsk: Tip. okr. shtaba, 277 p. (In Russ.)

9. *Golodnikov K.M.* The City of Tobolsk and its surroundings: East. essay. Tobolsk, 1887, 139 p. (In Russ.)

10. *Grechischev K.M.* Tomsk in medical and sanitary requirements. Tomsk: Parovaya tip. N.I. Orlovoy, 1906, 16 p. (In Russ.)

11. *Zverev V.A.* The Urban population of Siberia: natural motion at the dawn of demographic modernization (the end of the XIX – beginning of the XX century). *Problemy kul'tury gorodov Rossii: teoriya, metodologiya, istoriografiya: materialy VII Vseros. nauch. Simp.* Omsk: Izd. dom «Nauka», 2010, pp. 134–138. (In Russ.)

12. *Kljachkin V.E.* The Natural movement of the population of Omsk on parallel data for 1913, 1916, 1923–1926, Omsk: Izd. Sibcrayzdrava, 1928, 50 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160112
УДК 94(47)“1921/1929”

В.А. ИЛЬИНЫХ

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Владимир Андреевич Ильиных,
д-р ист. наук, заведующий сектором,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье рассматриваются базовые тренды земельной политики советского государства в годы нэпа, а также освещается дискуссия о выборе оптимальных форм внутринадельного землеустройства в Сибири. Задачей внутринадельного землеустройства являлась рационализация общинного землепользования, изъянами которого в Сибири были дальнеземелье, чередование участков, возможность уравнительного передела. В качестве альтернативы многодворной общине был избран небольшой поселок. Дискуссию вызвал вопрос о форме землепользования внутри поселка. В середине 1920-х гг. оптимальным считалось разверстание пашни на отруба с оставлением выгона в совместном пользовании жителей поселка. В конце 1920-х гг. выдел отрубов отвергли как задерживающий коллективизацию. Приоритет получили так называемые товарищеские формы землепользования.

Ключевые слова: аграрная политика государства, нэп, сельское хозяйство, землепользование, землеустройство, крестьянство, крестьянская община, Сибирь.

V.A. ILYINYKH

LAND SURVEYING IN SIBERIA UNDER CONDITIONS OF NEP: CHOOSING THE OPTIMAL FORM

Vladimir A. Ilyinykh,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector,
Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

The article analyzes basic trends in land policy of the Soviet state in the 1920s. It also provides an analysis of the discussion that took place in Siberia and was focused on the choice of optimal forms of peasant communes' land surveying. Analysis of this problem allowed to describe the dynamics of NEP and to outline its periodization. Land surveying was aimed at rationalization of the peasant communes' land use. In Siberia where communes consisted of multiple households the peasants' individual allotments were scattered all over the communal territory and were far from a household and from each other. Moreover, individual allotments could be subject to compulsory repartitioning. With regard to this region it was proposed to replace communes consisting of multiple households with smaller settlements separated from the former communes. However, the discussion arose on what forms of land use were to be chosen within these settlements. A solution to this problem depended on the changing policies of the Bolshevik party. In 1924 the first attempt was made to wind up the NEP. In 1925-1926 agricultural policy was liberalized. In the late 1920s the Bolsheviks set off on a new course of collectivization of agriculture. In 1924 specialists from the agricultural management bodies of Siberia envisioned three possible ways of land surveying: recovery of communal practices within the territories of new settlements; establishment of kolkhozes; division of communal lands into individual parcels. In 1925-1926 division of arable lands into individual parcels (with pastures and sources of water supply left in joint use) was considered as an optimal form of land surveying. In the late 1920s the allotment of individual parcels was rejected as an obstacle in the path of collectivization. In the course of land survey the communes with multiple households were supposed to be split into several kolkhozes or into smaller peasant communes which later would serve as a basis for collective farms. Specialists from the agricultural management bodies who supported individual forms of land use were strongly criticized and later subjected to repression.

Key words: agricultural policy, NEP, land use, land surveying, peasantry, peasant commune, Siberia.

Цель макро- и микрореформирования аграрных отношений, проводимого в рамках нэпа, заключалась в создании условий для восстановления и поступательного развития сельскохозяйственного производства. Важное место при этом отводилось регулированию земельных отношений, которое на практике осуществлялось посредством землеустройства. Его проведение возлагалось на земельные органы¹.

Основным объектом землеустройства в исследуемый период были крестьянские общинные (надельные) земли. Общинное землепользование являлось абсолютной преобладающей формой землепользования в России и большинстве ее регионов, включая Сибирь. Устройство наделных земель предусматривало их деление на три основных вида. В ходе регистрации осуществлялось официальное межевание существующих, но юридически не оформленных участков. В рамках территориального землеустройства (межселенного – по терминологии того времени) проводилось изменение границ землепользования между общинами (земельными обществами). Внутринадельное (внутриселенное) устройство предполагало изменение земельного строя внутри общин. Общинный надел мог быть разделен на широкие полосы, поля севооборота, более мелкие земельные общества (с расселением или без расселения), индивидуальные (хутора или отруба) и коллективные (колхозы) участки. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с выбором оптимальных форм внутринадельного землеустройства в Сибири в условиях нэпа.

Выбор приоритетных форм и направлений землеустройства на каждом этапе нэпа обуславливался совокупностью политико-идеологических и прагматических факторов. Прежде всего, он зависел от политической конъюнктуры («колебаний линии партии»). Важное значение для определения вектора землеустройства имели идейно-теоретические взгляды руководителей и ведущих специалистов Наркомзема и региональных земельных органов. Следует подчеркнуть, что многие специалисты придерживались взглядов, отличных от марксистских воззрений на решение аграрного вопроса. На земельную политику на местах также влияли региональные особенности земельного строя.

Основной задачей внутринадельного землеустройства как в годы нэпа, так и в предыдущий период было устранение недостатков общинного землепользования, которые сдерживали развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Характерные для общины центральных губерний России чересполосица, принудительный трехпольный севооборот и частые уравнильные переделы препятствовали внедрению агротехнических новаций в индивидуальное крестьянское хозяйство. В ходе столыпинской аграрной реформы была осуществлена попытка радикального решения данной проблемы. Главными целями

реформы являлись ликвидация общины и создание частного крестьянского землеустройства путем раздела наделных земель на индивидуальные участки – хутора и отруба. Наиболее совершенным типом крестьянского землепользования считались хутора.

Лидеры большевистской партии, пришедшей к власти в России в конце 1917 г., также воспринимали общину как архаичный институт. По их мнению, на смену объединенным в общину мелкотоварным крестьянским хозяйствам должны в перспективе прийти функционирующие на базе общественной собственности высокотоварные социалистические сельскохозяйственные предприятия. В то же время программа построения социализма предполагала наличие переходного периода, в рамках которого предусматривалось сохранение общины и единоличного крестьянского хозяйства. При этом большевики не были сторонниками консервации общинных порядков и поддерживали необходимость рационализации наделного землепользования. В принятом в феврале 1918 г. ВЦИК «Основном законе о социализации земли» указывалось, что «в целях борьбы с чересполосицей, тормозящей развитие сельского хозяйства, земли <...> должны отводиться по возможности к одному месту» [1, с. 42].

Однако уже в феврале 1919 г. большевистское правительство решило приступить к «организации сельского хозяйства на основах социализма», приняв Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию². Крупные совхозы, коммуны и «другие виды товарищеского землепользования» провозглашались «наилучшими средствами» для организации сельского хозяйства, а все виды единоличного землепользования – «проходящими и отживающими». Тем не менее и в этом законодательном акте ставилась задача борьбы с чересполосицей.

В Земельном кодексе 1922 г., знаменующем собой отказ от военно-коммунистических экспериментов и переход к нэпу в сфере аграрных отношений, провозглашались равенство и свобода выбора всех форм трудового землепользования, в том числе подворной и хуторской. В рамках общины каждый крестьянский двор или их группа получали право «отказаться от существующего порядка землепользования и выйти с землею к одному месту». Кодексом предусматривались меры против чрезмерного дробления крестьянских дворов вследствие разделов, а также вводились ограничения на переделы общинных земель. Землеустройство следовало проводить в первую очередь «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнотельности и т.п.»³.

В начале 1920-х гг. в стране сформировалось три основных подхода к организации землеустройства в деревне. Провозглашение в Земельном кодексе равноправия форм трудового землепользования стало од-

¹ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

² СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

³ Там же. 1922. № 68. Ст. 901.

ной из причин возникновения концепции нейтралитета земельных органов в вопросе выбора населением форм землепользования. Приверженцы данной концепции были убеждены, что крестьяне вправе самостоятельно определять необходимые им виды землеустроительных работ, а земорганы должны выполнять их заказ, не препятствуя сделанному выбору. Объективным основанием возникновения подобной точки зрения являлась введенная после перехода к нэпу платность землеустроительных работ.

Функционеры, оставшиеся сторонниками коллективных форм организации сельхозпроизводства, рассматривали провозглашенную в кодексе свободу выбора как декларацию, необязательную для исполнения, и резко критиковали практику нейтралитета. Советские землеустроители, по их мнению, не могут быть нейтральными в земельном вопросе и должны препятствовать переходу к тем формам пользования сельхозугодьями, которые затрудняют их будущее обществление.

Сторонники более умеренной позиции были против административных методов регулирования аграрной экономики как противоречащих нэповским принципам. Но при этом они считали, что агроперсонал и землеустроители на местах обязаны пропагандировать среди крестьян более рациональные формы ведения хозяйства и пользования землей⁴.

В 1923–1924 гг. в СССР была предпринята первая попытка свертывания нэпа, которая сказалась и на земельной политике государства. Нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, исходя из поставленной XII съездом РКП(б) задачи «преимущественной поддержки» коллективных форм организации сельхозпроизводства [2, с. 120], 24 октября 1924 г. направил в адрес областных и губернских земельных управлений циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний»⁵. В нем подчеркивалась задача – «держать твердый курс на коллективизацию с[ельско]х[озяйственного] производства в области как землепользования, так и хозяйства. <...> С этой точки зрения не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания».

Большевистское контрнаступление на нэп обернулось нарастанием кризисных явлений как в экономической, так и в политической сферах. В этих условиях обострилась внутрипартийная борьба. К власти в партии и государстве пришла группировка, лидеры

⁴ Ведущие специалисты земельных органов Сибири разделяли третью из указанных позиций. Так, руководители Сибкрайземуправления не стали руководствоваться секретным циркуляром Наркомзема от 24 октября 1924 г. «О прекращении хуторских разверстаний» (см. ниже), поскольку, по их мнению, он противоречил Земельному кодексу. – Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 79. Л. 147.

⁵ Там же. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1638. Л. 47–49.

которой публично отстаивали необходимость продолжения и углубления нэпа. В конце 1924 – начале 1925 г. под их руководством началась реализация «нового курса» РКП(б), получившего название «Лицом к деревне». В сфере регулирования земельных отношений подтверждалась закрепленная в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. свобода выбора форм землепользования. III Съезд Советов СССР указал на недопустимость «административных преград выделению на хутора и отруб» [1, с. 473]⁶. В постановлении СНК РСФСР «О мерах по улучшению землеустройства» от 9 октября 1925 г. земельным органам предлагалось «направить все усилия непосредственно на улучшение подворно-хозяйственного пользования землей». Приоритетное внимание следовало уделять преодолению чересполосицы, в том числе за счет выделения отрубов⁷.

Выбор оптимальных форм внутринадельного землеустройства на местах зависел от региональных особенностей землепользования. В Сибири не было классической чересполосицы с характерной для нее узкополосицей и длиннополосицей (наличием большого количества перемежающихся друг с другом узких и протяженных участков пашни). Тем не менее принадлежавший отдельному хозяйству сибирского крестьянина надел делился, как правило, на несколько участков, которые были разбросаны по территории общины, перемежаясь с участками других хозяйств и вклиниваясь в них. В связи с многодворностью сибирской общины индивидуальные участки обрабатываемой пашни находились далеко как друг от друга, так и от двора (дальноземелье). В ряде земельных обществ наделы периодически подвергались полным или частичным переделам. В тех общинах, в которых переделы не практиковались, их потенциальная возможность все же возникла. Недостатки внутринадельного землепользования усугублялись наличием в сибирской деревне достаточно большого количества так называемых неприписанных крестьян. Таковыми являлись самовольные переселенцы (в том числе голодобеженцы), не получившие от государства или общины земельного участка.

В первые годы нэпа в связи с острым финансовым кризисом и недостатком выделяемых государством денежных средств размеры землеустройства в Сибири были относительно невелики. Основные усилия земорганов были сосредоточены на наделении землей неприписанного населения, земельной регистрации,

⁶ Вместе с линией партии изменилась и позиция наркома земледелия, отменившего 16 мая 1925 г. действие своего циркуляра «О прекращении хуторских разверстаний» от 24 октября 1924 г. (см. выше). При этом нарком указал, что «земельные органы впредь должны применять при выборе населением форм землепользования исключительно меры культурно-экономического и технического воздействия на него в сторону выбора форм, наиболее облегчающих производственное кооперирование, и, оставаясь на почве Земельного кодекса, отнюдь не прибегать к административным мерам воспрещения хуторского и отрубного разверстания» (Там же. Д. 1639. Л. 68–69).

⁷ Известия. 1925. 31 окт.

межселенном землеустройстве. По мере развертывания нэпа, восстановления сельского хозяйства и наращивания бюджетного финансирования масштабы работ увеличивались.

На состоявшемся в декабре 1924 г. 5-м Сибирском земельном совещании была поставлена задача введения устройства земельной территории «в цепь необходимых мероприятий, направленных к развитию и укреплению сельского хозяйства»⁸. При этом внутринадельное землеустройство должно было способствовать реализации сформулированной тем же совещанием стратегической цели аграрного развития Сибири – замене преобладающей в регионе залежной системы земледелия на травопольную⁹.

Такая постановка задачи ставила на повестку дня вопрос о выборе формы землепользования, наиболее благоприятной для внедрения травополья. Данная система земледелия с многолетними севооборотами, по мнению многих ее adeptов, предполагала выделение каждому вводящему их хозяйству отдельно расположенного, компактного земельного участка на практически неограниченный срок. Обеспечить эти условия в рамках сибирской многодворной крестьянской общины было практически невозможно. Дальнотрава существенно повышало транспортные и трудовые издержки. Возможный уравнильный передел создавал угрозу устойчивости севооборота и ставил под сомнение экономическую целесообразность вложения труда и капитала в землю, которая через некоторое время могла достаться более нерадивому хозяину.

Требованию устойчивости землепользования в полной мере отвечали хутора. Поэтому травопольные севообороты в крестьянском секторе аграрной экономики первоначально внедрялись в хуторских хозяйствах¹⁰. Вместе с тем некоторые особенности хуторской системы делали невозможным массовое тиражирование данной формы землепользования в Сибири. В сельскохозяйственной литературе указывалось на то, что хутор, хотя и пригоден для земледелия, но не отвечает требованиям рационального ведения животноводства. Кроме того, на юге края неблагоприятные условия водоснабжения препятствовали выделению хуторских участков. И, наконец, хуторское разверстание затрудняло объединение крестьян в простейшие производственные кооперативы¹¹.

⁸ Резолюция 5-го Сибирского земельного совещания. Ново-николаевск, 1925. С. 47.

⁹ Травополье – система земледелия, в которой повышение плодородия достигается за счет введения в севообороты значительно (до 50 %) клева сеяных трав. Переход к травополью, по мнению руководителей сибирских земорганов, позволял повысить плодородие почв, предотвратить сползание земледелия к трехполью и существенно нарастить кормовую базу животноводства (см. [3, с. 136]).

¹⁰ В 1922 г. в Омской губернии на травополье перешло одно, в 1923 г. – 16 хуторских хозяйств (Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 42).

¹¹ В помощь земледельцу. 1924. № 6. С. 26; Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. Омск, 1924. С. 266–267; Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 2: Перспективный план. С. 439.

Руководители и абсолютное большинство специалистов сибирских земорганов считали, что альтернативой многодворной общине и хуторам является небольшой поселок, выделенный из общины, – выселок¹². Дискуссию вызвал вопрос о форме землепользования внутри поселка. Следует отметить, что в 1924 г. обсуждение данного вопроса велось в условиях разворачивающегося контрастования на нэп.

Наиболее распространенной среди специалистов являлась точка зрения о необходимости разверстания территории выселка на отруба. Иная позиция была сформулирована в вышедшем в начале 1924 г. «Перспективном плане развития сельского хозяйства Омской губернии». Его авторы полагали, что отруба способствуют индивидуализации землепользования, которая может препятствовать внедрению рациональных форм ведения сельхозпроизводства в рамках всего поселка сразу, а также кооперированию. Эти затруднения снимаются при общинной форме землепользования. Так, проведение крупных мелиоративных мероприятий возможно только общими силами. Причем коллективно мелиорируемые земли затем могут быть подвергнуты справедливому переделу. «При отрубной же форме землепользования проведение таких мероприятий будет сильно затруднено, ибо выгоды от мелиорации для разных отрубов будут неодинаковы». В омском Перспективном плане также указывалось, что в условиях губернии более рациональным является наличие общего выгона для пастбы скота. Отрубной же строй предполагает выделение части выгона в отруб, что было достаточно сложным, а иногда и практически невозможным землеустроительным мероприятием. Общинный строй в рамках выселка обеспечивал введение общего севооборота с выделением каждому двору широкополосного участка в каждом поле севооборота¹³.

Составители Перспективного плана восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии более оптимальной формой внутриселковского разверстания считали отрубную, хотя не исключали коллективную и общинную. «Наиболее желательной формой пользования отводимыми при расселении участками являются всякого рода товарищеские формы¹⁴, а при недостижении их признается приемлемой и общинная форма, хотя в целях предупреждения образования чересполосицы, неизбежной при много-

¹² Существовали различные точки зрения на оптимальные размеры выселка: 10–20 дворов (Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 267); 15–20 дворов (Жизнь Сибири. 1924. № 7–8. С. 35); 18–20 дворов (Земельный работник Сибири. 1925. № 2–3. С. 23). В Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края максимальный размер поселка равнялся 25 дворам (Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 446).

¹³ Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 266–267.

¹⁴ В омском Перспективном плане товарищеская форма землепользования определялась как «идеальная», но выносилась «за скобки», поскольку, по мнению его авторов, речь в плане должна идти «о формах землепользования массового крестьянства» (Там же. С. 268).

польных общественных севооборотах, желательным, но не обязательным является переход на отруба»¹⁵.

В резолюции 5-го Сибирского земельного совещания допускалось как общинное, так и отрубное устройство выселка. В ней также указывалось, что коллективные формы землепользования являются экономически более целесообразными. «Однако, учитывая современное состояние деревни, нельзя рассчитывать на широкое [их] применение»¹⁶.

Точки над «i» в дискуссии об оптимальной форме внутрипоселкового землепользования были поставлены в изданном в начале 1926 г. «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края»¹⁷, составление которого завершалось в условиях проведения курса РКП(б) «Лицом к деревне». Коллектив разработчиков плана возглавил П.А. Месяцев¹⁸, назначенный в октябре 1924 г. на должность заведующего Сибземуправлением. Месяцев определял колхозы как «очень трудно прививающуюся» форму организации сельхозпроизводства и в связи с этим полагал, что в условиях нэпа советское государство при проведении аграрной политики должно делать ставку на развитие индивидуального крестьянского хозяйства, способствуя подъему его производительных сил и повышению товарности [4, с. 8, 20].

В соответствии с общесибирским Перспективным планом крестьяне в рамках поселков получали участок пашни в постоянное и не подлежащее переделу отрубное пользование. Выгон же и источник водоснабжения оставались в их совместном владении. Кроме того, они объединялись в поселковые производственные кооперативы, в том числе мелиоративные.

Конечной целью землеустройства в Сибири провозглашалось расселение многодворной общины и образование выселков. В связи с этим возникал вопрос об отношении земельных органов к другим видам внутриселенного землеустройства. Заведующий отделом землеустройства Сибкрайземуправления В.Е. Максимов выступал против разделения многодворной общины на постоянные отруба. По его мнению, они, «будучи неплохи в маленьких обществах и вновь организуемых выселках, <...> создают в многодворных селениях сильные затруднения для расселения в дальнейшем, и поэтому в этих последних, впредь до расселения их, не могут быть поддерживаемы». Он также считал, что выделение временных отрубов в рамках многодворной общины, разбивка принадлежавшей ей пашни на широкие полосы и поля севооборота, а тем

более переделы на срок не дают возможности «вводить серьезные улучшения в хозяйстве» [5, с. 18, 19].

По мнению В.Е. Максимова, переходной формой регулирования внутриселенных земельных отношений, которая даст «инициативным группам возможность вводить улучшения в хозяйстве вплоть до введения правильного паротравопольного севооборота» и в то же время не создаст препятствий для образования выселка в будущем, является «разбивка многодворных селений на мелкие земельные общества размеров оптимальных поселков с отводом каждому такому обществу самостоятельного участка в полевой земле» [5, с. 19].

В резолюции состоявшегося в начале 1926 г. Первого краевого съезда землеустроителей были сформулированы следующие целевые установки землеустройства в Сибири [6, с. 13–14]:

1) основной задачей землеустройства является рационализация сибирской общины, которая отличается запутанностью и неустойчивостью земельных отношений, а также многодворностью, «убивающей инициативу меньшинства в деле улучшения сельского хозяйства и вызывающей дальнотемелье»;

2) многодворность и дальнотемелье купируется расселением существующих больших селений на выселки оптимальных размеров. В случае невозможности этого нужно добиваться раздела многодворной общины на мелкие земельные общества без расселения;

3) во вновь организуемых поселках и мелких земельных обществах землеустройство необходимо доводить до двора путем разверстания земель на отруба постоянного или временного пользования.

Следует отметить, что, определяя перспективные и текущие задачи сибирских земорганов, их руководители и ведущие специалисты опирались на концепцию реформирования сельского хозяйства, разработанную ведущими представителями организационно-производственной школы российской аграрной науки. В соответствии с данной концепцией производственной и социальной базой аграрного строя страны должны были стать трудовые крестьянские хозяйства, вовлеченные в систему многообразных форм сельскохозяйственной, кредитной и потребительской кооперации (см. [7]). Ставка на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства в середине 1920-х гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрном вопросе.

Однако начавшееся уже в 1926 г. свертывание нэпа привело к изменению аграрной политики, а также принципов регулирования земельных отношений. Приоритетным направлением внутриселенного землеустройства провозглашалось создание так называемых товарищеских форм землепользования [8, с. 14]. В директиве Сибкрайземуправления от 17 марта 1928 г. подчеркивалось, что «землеустройство совхозов, коллективов и простейших производственных объединений ни в какой степени не может быть приравнено по своему хозяйственно-экономическому и социально-политическому значению к землеустройству мел-

¹⁵ Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. Омск, 1924. С. 203.

¹⁶ Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания. С. 47.

¹⁷ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2: Перспективный план.

¹⁸ П.А. Месяцев (1889–1938 гг.) – член большевистской партии с 1906 г. В 1921–1924 гг. – член коллегии Наркомзема РСФСР, был одним из идеологов и разработчиков Земельного кодекса 1922 г. С октября 1924 г. по июнь 1926 г. занимал должность заведующего Сибзем/Сибкрайземуправления. В последующие годы работал в кооперации, Сельхозбанке, Госплане СССР.

ких индивидуальных крестьянских хозяйств. Работы по <...> обслуживанию социалистического сектора в сельском хозяйстве должны быть в центре нашего внимания». В связи с этим ставилась задача – «не только безусловно землеустроить уже возникшие и возникающие коллективы и простейшие производственные объединения, но и всемерно стремиться к созданию таких объединений и коллективов в самом процессе землеустройства и во всяком случае создавать такие условия в землепользовании, которые бы облегчали кооперирование населения и коллективизацию хозяйства в дальнейшем, вслед за землеустройством»¹⁹.

По мнению сторонников классового подхода, негативно на перспективы перехода к коллективным формам землепользования влияло выделение не только хуторов, но и отрубов, в том числе временных. Исходя из этого, руководители ряда окрземуправлений уже в начале 1927 г. сочли необходимым минимизировать работы по разверстанию на отруба угодий в выделяемых из крупных общин поселках. Вместо подворного разверстания в них следовало проводить групповое (мелкообщинное) землеустройство [8, с. 19]. Сторонники такого подхода считали подтверждением своей правоты установку XV съезда ВКП(б) на ограничение практики раздела сельхозугодий на отруба «и особенно хутора» [9, с. 308].

Однако заведующий отделом землеустройства Сибкрайзему управления В.Е. Максимов придерживался иной точки зрения. По его мнению, в тех выселках, где не удастся ввести коллективное землепользование, следует осуществлять подворное землеустройство, которое «создает определенность и достаточную устойчивость в землепользовании каждого двора как самостоятельно хозяйствующей единицы». Максимов заявлял, что подворное разверстание на временные отруба на срок до следующего передела не противоречит директиве XV съезда, поскольку, «будучи неизбежным в общине, <...> сохраняет принцип уравнивания земель в пределах, допускаемых законом, и уже по одному этому не создает само по себе особых условий в землепользовании, ведущих к росту кулацких элементов». В то же время В.Е. Максимов считал, что, исходя из установок съезда, необходимо до минимума сократить подворное разверстание многодворных селений без предварительного их раздела на мелкие земельные общества. «Эти разверстания, внося некоторое временное успокоение в землепользование, создают застой в развитии оптимальных земельных отношений» [8, с. 19, 20].

С публичной резкой критикой позиции В.Е. Максимова выступил участковый землемер Гридусов. Он полагал, что так называемые подворно-хозяйственные участки – «это есть не больше, не меньше как единоличные отруба, только столб ставится без клейма». Ссылка Максимова на то, что подворные участки выделяются только на срок до передела, также «совершенно неосновательна», поскольку

они, как правило, предоставляются на 15–20 лет. «А отсюда вполне ясно, что, создавая подворные участки, мы задерживаем коллективизацию как минимум на 15–20 лет». Таким образом, землеустройство до двора «должно быть отвергнуто как не соответствующее решениям XV съезда ВКП(б) и задерживающее коллективизацию» [10, с. 69].

Гридусов считал, что оптимальной формой рационализации общины в современных условиях является разбивка общины на так называемые групповые отруба. «Земельное общество в результате такого группового землеустройства разбивается на отдельные ячейки, в которых сразу закладывается начало здорового объединения», и их последующая коллективизация может быть осуществлена без повторного землеустройства, как в случае с подворно-участковым разверстанием [10, с. 70].

В 1929 г. дискуссии были прекращены. В начале мая президиум Сибкрайисполкома предложил крайземууправлению и окрисполкомам «наряду с дальнейшим первоочередным развертыванием землеустройства по социалистическому сектору решительно отказаться от устройства единоличных форм землепользования (хуторов и отрубов) и сократить разверстывание на подворные участки». В «исключительных случаях (при необходимости передела)» допускалось разделение общинного надела на мелкие групповые участки (7–10 дворов). «При дроблении многодворных селений на выселки и разверстании на части» надлежало «всячески способствовать кооперированию в них отдельных процессов производства и полному переходу к коллективному ведению хозяйства»²⁰.

Однако в полной мере установки вышестоящих партийных и советских инстанций в практической работе сибирских земорганов реализовать не удалось. Это, в частности, вызвало недовольство народного комиссара земледелия РСФСР Н.А. Кудяка, который в сентябре 1929 г. на совещании ответственных земельных работников в Москве заявил, что «в Сибири имеют место грубые искажения классовой линии в работе земельных органов, в особенности при проведении землеустройства»²¹. В заключении коллегии Наркомзема РСФСР от 15 октября 1929 г. «О землеустройстве в Сибири» отмечалось, что «внутрихозяйственное землеустройство индивидуального сектора в значительной мере сводилось к образованию подворно-отрубных участков, которые не стимулируют развития коллективных форм хозяйства» (цит. по: [11, с. 91]).

Реагируя на подобную критику сверху, Сибкрайком ВКП(б) со страниц «Советской Сибири» потребовал от окружкомов, райкомов и партийных ячеек края «тщательно проверить работу органов, осуществляющих земельную политику, в особенности проводящих землеустройство»²². Началась тотальная чистка земельных органов Сибирского края. Затем последовала

²⁰ Там же. Д. 199. Л. 50.

²¹ Советская Сибирь. 1929. 15 сент.

²² Там же.

¹⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 161 б. Л. 46.

ли репрессии. В августе–октябре 1930 г. по обвинению в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии» были арестованы, а в апреле 1931 г. осуждены 35 известных сибирских специалистов и ученых-аграрников, в том числе В.Е. Максимов [12, с. 118].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 782 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: б/и, 2008. 308 с.
4. Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 9–20.
5. Максимов В.Е. К начинающейся землеустроительной кампании // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 15–19.
6. Максимов В.Е. Некоторые итоги землеустройства в Сибкрае к 10-летию Октябрьской революции // Земельный работник Сибири. 1927. № 11. С. 11–18.
7. Ильиных В.А. Чаяновская альтернатива в Сибири: Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г. // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. М.: Дело, 2011. Вып. 6. С. 176–191.
8. Максимов В.Е. 15 съезд партии о землеустройстве и наши задачи // Земельный работник Сибири. 1928. № 2. С. 19–24.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
10. Гридусов. В чем суть дела? Как надо правильно понимать директиву партийного съезда // Земельный работник Сибири. 1928. № 6. С. 68–71.
11. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 516 с.

12. Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

REFERENCES

1. Resolutions of the Party and Government on Economic Issues. Moscow, 1967, vol. 1, 782 p. (In Russ.)
2. CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums. 9th ed. Moscow, 1984, vol. 3, 494 p. (In Russ.)
3. Agrarian Reforms and Agriculture of Siberia in the XX Century: Essays on History. V.A. Ilyikh, S.N. Andreenkov, V.M. Rynkov. Novosibirsk, 2008, 308 p. (In Russ.)
4. Mesyatsev P.A. Class Direction of Agricultural Policy and the Rise of Productive Forces in Agriculture. *Zhizn' Sibiri*. 1925, no. 5, pp. 9–20. (In Russ.)
5. Maksimov V.E. To the beginning of the campaign of land surveying. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1925, no. 1, pp. 15–19. (In Russ.)
6. Maksimov V.E. Some results of land surveying in Siberia to the 10th anniversary of the October revolution. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1927, no. 11, pp. 11–18. (In Russ.)
7. Ilyikh V.A. Chayanov's Alternative in Siberia: 1926 Task Plan for Development of Agriculture in the Siberian Land. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost' Uchenye zapiski*. Moscow, 2011, vol. 6, pp. 176–191. (In Russ.)
8. Maksimov V.E. 15 Congress of the party on land surveying and our tasks. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1928, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.)
9. CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums. 9th ed. Moscow, 1984, vol. 4, 575 p. (In Russ.)
10. Gridusov. What's this about? How to understand the Directive of the party Congress. *Zemel'nyj rabotnik Sibiri*. 1928, no. 6, pp. 68–71. (In Russ.)
11. Gushchin N.Ya. Siberian village on the road to socialism (socio-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937). Novosibirsk, 1973, 516 p. (In Russ.)
12. Papkov S.A. Common Terror: Stalinist Policies in Siberia. Moscow, 2012, 440 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.12.2015

DOI: 10.15372/HSS20160113
УДК 94(48).083

И.В. БЫСТРОВА

СССР И США: СОТРУДНИЧЕСТВО НА АВИАТРАССЕ АЛЯСКА – СИБИРЬ (1941 – 1945 гг.)

Ирина Владимировна Быстрова, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН,
РФ, Москва 117036, ул. Дм. Ульянова, 19,
e-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

Статья посвящена изучению истории авиатрассы Аляска – Сибирь, по которой в рамках программы ленд-лиза перегонялись самолеты из США с октября 1942 г. по июль 1945 г. Исследование проводится на основе рассекреченных архивных документов Правительственной закупочной комиссии СССР в США, мемуаров и документальных публикаций. Работники отделения Комиссии на Аляске обеспечивали бесперебойные поставки самолетов, следили за исправным состоянием техники, посылавшейся в СССР. В статье проанализированы трудности создания и функционирования трассы, показан ее вклад в осуществление программы ленд-лиза. Это был своего рода мост, по которому осуществлялось реальное практическое сотрудничество между союзниками в годы войны.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Вторая мировая война, ленд-лиз, Закупочная комиссия, авиация, воздушный мост Аляска–Сибирь.

I.V. BYSTROVA

THE USSR AND THE USA: COOPERATION ON THE ALASKA-SIBERIA AIRWAY (1941–1945)

Irina V. Bystrova,
Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Russian History RAS,
19, Dm Ulyanova Str., Moscow, 117036, Russia,
e-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

The article is devoted to a high spot in the history of Soviet-American cooperation during World War II - the Alaska-Siberia Airway along which the Lend Lease supplies were delivered to the USSR. The article is based on analysis of recently declassified archival documents of the Government Purchasing Commission of the Soviet Union in the USA, memoirs and documentary publications. Special attention is paid to the problems of the initial stage of organization of the airway, difficulties of supplying equipment to the airfields of Krasnoyarsk airway, which were part of Alaska-Siberia Airway. Flights from Alaska to Siberia started on 7 October 1942. Soviet pilots faced numerous difficulties, connected with the weather conditions, great distances, "loneliness" of pilots of fighter aircraft flying in V-formation after the lead bomber aircraft. There was a close cooperation between the Americans and Russians along the Alaska-Siberia Airway. Government Purchasing Commission situated in Washington, D.C., organized delivery of US supplies to Siberia in order to provide the Krasnoyarsk airway with necessary equipment. The Commission's special department was opened in Fairbanks in Alaska, from where the route to Russia started. Its representatives exercised control over the pre-arranged regular supplies, checked technical conditions of equipment sent to the USSR. For their part, the Americans instructed the Soviet pilots at the airbase in Alaska. Russians took care and made technical improvements of the American aircraft adjusting them to specific battle conditions on the Soviet-German front. The role of Alaska - Siberia Airway in the Lend Lease program was substantial. Out of total of 14 203 American planes sent to Russia 7925 were delivered by that route. It was also used as a safe airline for political and business leaders who flew from the USA to the USSR, and back. It was a sort of bridge of practical cooperation between the USA and USSR during the war.

Key words: Soviet-American relations, World War II, Lend-Lease, Purchasing Commission., aviation, Alaska-Siberia Airway.

Стержнем практического военного сотрудничества стран «Большой тройки» в 1941–1945 гг. было предоставление, доставка и обеспечение военно-

экономической помощи СССР в рамках программы ленд-лиза. На эту тему написано немало книг в России и за рубежом, до сих пор ведутся споры в научной

литературе и общественном мнении стран – бывших участниц антигитлеровской коалиции. Изучение темы затруднялось тем, что архивный фонд Правительственной закупочной комиссии СССР в США оставался закрытым вплоть до последнего времени. Тем не менее, в 1990-е гг. в России появился ряд работ, посвященных таким аспектам, как Северные конвои [1], а также история авиатрассы Аляска–Сибирь [2], роль тихоокеанского маршрута ленд-лиза. К числу общих фундаментальных исследований относятся монография Н.В. Бутениной [3], в которой рассматривается программа ленд-лиза для всех стран с экономической точки зрения, и книга историков В.Н. Краснова и И.В. Краснова [4], где излагается основная хронология помощи СССР. Несколько рассекреченных документов из фонда Правительственной Закупочной Комиссии (ПЗК) СССР в США было использовано в книге Н.И. Рыжкова [5], которая, однако, не содержит научно-справочного аппарата и не может считаться научным изданием.

Зарубежные работы по истории ленд-лиза, выпущенные, прежде всего, в США, опирались на данные из американских источников, которые стали доступными для изучения вскоре после окончания войны (документы Администрации по ленд-лизу, Военного департамента, Управления по военному производству США и других ведомств). Зарубежные исследователи анализировали широкий спектр проблем, связанных с экономическими, военными, стратегическими, а также политико-дипломатическими измерениями американской программы помощи СССР.

При этом необходимо подчеркнуть, что наиболее популярной темой для американских исследователей по традиции являлся именно «авиационный ленд-лиз», т.е. история поставок самолетов в СССР, прежде всего по знаменитой авиатрассе Аляска–Сибирь (АлСиб) [6, 7, 8, 9, 10]. При этом в СССР история АлСиба была долгие годы темой практически закрытой для изучения, что было связано, вероятно, с длительным соперничеством СССР и США в годы холодной войны.

В 2000-е гг. иностранные авторы занимались изучением отдельных важных направлений поставок – прежде всего «авиационного» ленд-лиза и роли отдельных регионов, в первую очередь Аляски, в снабжении СССР [11]. К числу наиболее значительных зарубежных работ по проблематике ленд-лиза, где детально проанализированы количественные параметры, состав и динамика ленд-лизовских поставок на базе американских данных, является недавно переведенная на русский язык книга Р.Х. Джонса [12].

В зарубежных работах собран и проанализирован фактический и статистический материал об организационной деятельности американских правительственных органов, претворявших в жизнь программу ленд-лиза, однако им присуща известная односторонность, так как документы по тематике ленд-лиза с советской стороны были закрыты. Американские данные о размерах помощи по ленд-лизу несколько отличались от советских, так как в последнем случае считались не только цифры

о поставках и отгрузках товаров для СССР из американских портов, но и потери, и сведения о поставках, реально прибывших в СССР. С рассекречиванием советских документов впервые создается возможность сопоставить данные о том, что союзники отправили, с тем, что советской стороной было получено.

Основополагающим документальным комплексом из отечественных архивов являются материалы Правительственной закупочной комиссии Наркомата внешней торговли, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Массив материалов, связанных с тематикой ленд-лиза, можно найти в фондах Архива внешней политики Российской Федерации (фонды Секретариата В.М. Молотова, референтуры по США и Великобритании и др.). Соответствующие документы имеются также в личных фондах И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.И. Микояна, находящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Изучение документов из российских архивов дает возможность выявить основные направления деятельности по организации поставок по ленд-лизу для СССР.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнение документальных комплексов из отечественных, американских и британских архивов с целью создания полной, комплексной и объективной картины организации и вклада союзнических поставок для СССР, в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Одним из ведущих маршрутов ленд-лиза стал тихоокеанский путь доставок помощи из США в СССР. Морским путем через Тихий океан, в связи с войной англо-американской стороны с Японией, могли доставляться только невоенные грузы. Перегонка же военных самолетов осуществлялась по авиатрассе Аляска–Сибирь.

Как писал известный историк А. Паперно, специалист по истории Тихоокеанского маршрута ленд-лиза, «через Тихий и Северный Ледовитый океаны шли с 1942 по 1945 г. грузы, предназначенные для строительства, оборудования и переоборудования аэродромов и снабжения трассы перегона самолетов через Аляску и Сибирь – АЛСИБ». Поэтому, по мнению этого автора, «авиатрасса держалась на воде и являлась, таким образом, частью Тихоокеанской транспортной эпопеи» [13, с. 13].

Становление сотрудничества в этом регионе было далеко не безоблачным. Одна из первых проблем перед руководством СССР и США встала в связи с первоначальным намерением американской стороны перегонять самолеты над советской территорией силами американских летчиков. Еще в августе – сентябре 1941 г., по воспоминаниям участника событий капитана С. Маннинга, США предложили советским властям перегонять самолеты по маршруту Аляска–Сибирь силами американских ВВС. Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) о создании Красноярской воздушной трассы ВВС Красной Армии было принято 9 октября 1941 г., но в силу его секретности американцы об этом не знали. При об-

суждении этого вопроса на заседании ГКО «на вопрос И.В. Сталина, почему же нельзя использовать трассу Северного морского пути, в создание которой страна вложила огромные деньги, отвечал начальник Полярной авиации страны Герой Советского Союза Илья Мазурук. Он объяснил, что вдоль Северного морского пути нет аэродромов для массового пролета самолетов и что необходимо срочно достроить трассу доставки боевых самолетов из США через Аляску, Чукотку, Колыму, Якутию и далее через Сибирь и Урал – на фронт. Доводы известного полярного летчика убедили И.В. Сталина» [2, с.4].

В посланиях И.В. Сталину от 17 и 23 июня 1942 г. президент США Ф. Рузвельт предложил начать строительство посадочных площадок в Сибири с необходимым оборудованием для последующей установки связи с авиалиниями США [2, с. 74]. Он просил у Сталина разрешения «американскому самолету произвести рекогносцировочный полет из Аляски по предложенному маршруту для определения того, какое оборудование и материалы потребовались бы для постройки... посадочных площадок и организации необходимой навигационной службы. Экипаж, который выполнял бы этот полет, был бы в гражданской одежде, и, в сущности, он производил бы полет в качестве экипажа... коммерческого агентства» [14, с. 22]. Такой вариант, видимо, Сталина не устраивал, поскольку 1 июля он ответил президенту следующим образом: «...Советское Правительство уже дало необходимые указания об окончании в кратчайший срок проводящихся в Сибири работ по подготовке и приему самолетов <...> Что касается того, силами чьих летчиков доставлять самолеты из Аляски, то мне кажется, что это дело можно будет поручить <...> советским летчикам, которые придут в Ном или другое подходящее место <...> Соответствующей группе этих летчиков можно будет поручить произвести и предложенный Вами рекогносцировочный полет» [14, с. 23].

Во время встречи со Сталиным 2 июля посол США в СССР адмирал У. Стэндли обратил внимание на «несоответствие ответа тов. Сталина предложению Президента». Ф. Рузвельт предлагал И.В. Сталину, чтобы американские самолеты пилотировались американскими летчиками до оз. Байкал, а Сталин – чтобы русские летчики принимали американские самолеты в Номе и оттуда пилотировали их в СССР. При этом Сталин отметил: «должно быть, президент полагает, что мы не в состоянии выделить своих летчиков для этой цели?... советским летчикам легче это сделать, т.к. они хорошо знают трассу и условия полета по этой трассе». Сталин согласился только на то, чтобы американские пилоты «сопровождали» советских летчиков в полетах. Дальнейшее обсуждение шло также в довольно резком тоне¹.

В послании от 7 июля 1942 г. президент США предложил прислать в Москву генерал-майора

Ф. Брэдли для проведения совещания по вопросу организации авиатрассы, на что Сталин согласился, но выступил против попыток расширить американское военное присутствие на территории СССР. Сталин высказался в послании президенту США от 13 января 1942 г. так: «Что касается посылки бомбардировочных частей на Дальний Восток, то я уже разъяснил в предыдущих посланиях, что нам нужны не авиачасти, а самолеты без летчиков, так как своих собственных летчиков у нас более чем достаточно. Это во-первых. А во-вторых, нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужна в авиационной помощи особенно остра.

Ваше предложение о том, чтобы генерал Брэдли инспектировал русские военные объекты на Дальнем Востоке и в других частях СССР, вызывает недоумение. Вполне понятно, что русские военные объекты могут инспектироваться только русской инспекцией так же, как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией» [14, с. 48].

К началу августа организационные вопросы были урегулированы, укреплена инфраструктура сибирских аэродромов Красноярской воздушной трассы (Уэлькаль, Сеймчан, Якутск и Киренск). В общей сложности самолеты должны были проделывать путь примерно в 14 тыс. км (3,2 тыс. км – от заводов США через Канаду и Аляску до Фербенкса: 6,5 тыс. км – от Фербенкса до Красноярска и приблизительно 4,5 тыс. км от Красноярска до фронта (по железной дороге или по воздуху). Самолеты пилотировались летчиками США до Фербенкса, где на авиабазе была создана советская военная миссия по приемке самолетов во главе с полковником М.Г. Мачиным. Советский летно-технический персонал изучал передаваемые американцами самолеты: истребители P-40 «Киттихаук», P-39 «Аэрокобра», средние бомбардировщики B-25, A-20 «Бостон», транспортные самолеты C-47.

Доставку самолетов осуществляла 1-я Перегоночная авиадивизия, состоявшая из пяти авиаполков ВВС и одного транспортного, укомплектованного опытными летчиками Гражданского воздушного флота (ГВФ), Полярной авиации и ВВС. Перегонка осуществлялась эстафетным методом. Истребители, не имевшие в отличие от бомбардировщиков навигационных приборов для дальних перелетов, перегонялись группами, в строю «клин» (как журавли) следовали за бомбардировщиком – лидером [13, с. 279], бомбардировщики и транспортные самолеты – поодиночке. В конечном пункте трассы – Красноярске – самолеты принимала специальная комендатура ВВС Красной Армии, и отправляла на фронт частично по воздуху, частично по железной дороге [2, с. 17–18]. С октября 1942 до начала 1943 г. по АлСибу в среднем отправляли 132 самолета в месяц (всего было отправлено 1185 самолетов) [1, с.155].

Русские отдавали дань благодарности американским летчикам, которые перегоняли самолеты в Фер-

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 23–25.

бенкс над территорией США. Общие цифры интенсивности потерь на более коротком отрезке американской трассы от Грейт Фоллс до Фербенкса были выше, чем у русской стороны – 0,5 % против 0,2 %. Как писал в ноябре 1944 г. американский штабной офицер Герберт Рингоулд, один из советских генералов, побывавших на Аляске, сказал от имени русских людей: «Смерти этих погибших среди снегов на данном маршруте значат для нас так же много, как и гибель наших воинов под Смоленском, Сталинградом или Севастополем. Мы ощущаем, что они погибли, сражаясь рядом с нами».

Офицеры советской военной миссии по приемке самолетов во главе с полковником М.Г. Мачиным прилетели на базу Лэдд-Филд в Фербенксе 3 сентября 1942 г., 24 сентября прибыли советские экипажи для истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов. После короткой подготовки в течение пяти дней подполковник П. Недосекин повел группу из 12 бомбардировщиков Ф-20 «Бостон» сначала в Ном, а затем, 7 октября, в СССР вылетела группа истребителей Р-40 при лидерстве командира перегоночной дивизии полковника И.П. Мазурука.

Но трасса заработала в полную силу только с середины зимы 1942–1943 гг. По воспоминаниям О. Хейза, «приобретенные русскими самолеты часто вылетали из Фербенкса по одному, по два или по три. Так как график проведения операции затем стал более согласованным <...> самолеты отправлялись в Сибирь более многочисленными группами...» [2, с. 78–79].

Определенные итоги периода создания и оборудования трассы и проблемы организации переправки самолетов по авиатрассе Аляска–Сибирь были проанализированы в документах Правительственной закупочной комиссии, которые впервые используются в данной статье.

В частности, на заседании Комиссии от 5 марта 1943 г. (протокол № 17) был заслушан и проанализирован обстоятельный доклад начальника авиационного отдела ПЗК Пискунова. Он охарактеризовал общую динамику поставок самолетов всеми путями: «Поставка самолетов для СССР из Америки выражается... в количестве 212 самолетом ежемесячно, из которых 100 самолетов – истребителей и 112 самолетов – бомбардировщиков <...> Бомбардировщики делятся на 2 типа: 1-й тип – самолеты Б-25. Это очень хорошие самолеты, американцы поставляют нам 12 таких самолетов ежемесячно. 2-й тип бомбардировщиков – типа А-20 завода «Дуглас». Самолеты-истребители также делятся на 2 типа. 1-й тип Р-40 производства завода «Кертис» в Буффало. 2-й тип – современные истребители, скоростные самолеты, т.е. известные Вам под названием Аэрокобра.

Начиная с января, мы имеем увеличение поставок самолетов за счет транспортных самолетов С-47 производства завода «Дуглас» по 10 шт. в месяц и, начиная с мая, мы будем получать по 20 шт. в месяц вне Протокола. Кроме того, с сентября 1942 г. мы получаем истребители от англичан. До 1 января 1943 г. в счет

англичан было поставлено 429 самолетов и с 1 января до конца Протокола по 150 истребителей ежемесячно. В сумме поставка самолетов возросла до 382 – 392 самолетов ежемесячно». При этом автор доклада подчеркивал трудности с отправками самолетов, которые, хотя и поставлялись американцами с заводов в срок, но отправлялись не равномерно, прежде всего, из-за «отсутствия кораблей». Вторая проблема, связанная уже с авиатрассами, – «отправка самолетов летом гораздо сложнее, чем на пароходах. Когда мы отправляем самолеты летом <...> американцы предоставляют нам машины, которые иногда не укомплектованы. На самолетах не хватает приборов, без которых мы не можем отправлять самолеты»².

При этом Пискунов не стремился найти в поставке некомплектованных самолетов только «злой умысел» американской стороны, а пытался выявить глубинные причины. В частности, в докладе указывалось, что «сам процесс выпуска самолетов в Америке значительно отличен от процесса выпуска самолетов у нас. Наши заводы выпускают самолеты, полностью укомплектованные, готовые к боевым действиям. В Америке самолеты выпускаются не укомплектованные. Имеется ряд наименований, так называемых правительственных деталей (приборы и оборудование, винты, пулеметы, бомбодержатели, показатели скорости, кислородное оборудование и др.). На основании заказа заводы выпускают самолеты без какого-либо оборудования, входящего в список правительственных деталей». В результате во время инспекционной поездки в главный пункт отправки самолетов по АлСибу в Фербенксе начальник авиационного отдела обнаружил, например, что «самолеты ушли без прицелов <...> Сейчас стоят 75 самолетов полностью не укомплектованные. Т.к. путь большой, запчасти иногда теряются и в результате много машин приходят без запчастей на отправные пункты».

Вместе с тем, автор отметил некоторые положительные сдвиги в организации отправок самолетов после откомандирования на места представителей ПЗК: «В Грейт Фолсе не было нашего представителя, и мы не могли выровнять кривую (планомерность поставок самолетов)». Улучшению ситуации способствовало назначение представителем тов. Котикова, который «лично занялся устранением недостатков: то в моторах масло текло, то поломалось сидение пилота», а также доукомплектованием самолетов: «к самолетам мы кладем комплект запасных свечей и радиоламп. Были случаи отправки самолетов из Грейт-Фоллса без свечей и радиоламп. Теперь этого нет»³.

Особое внимание в докладе было отведено вопросу организации снабжения своей авиатрассы Аляска – Сибирь. Пискунов подчеркнул, что «авиаотдел очень много работает над трассой. Мы имеем сейчас север

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12. Д. 6796. Л. 378–379.

³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6796. Л. 377.

ную воздушную трассу, проходящую через Фербенкс до Красноярска. Авиаотдел принимал участие при организации этой трассы.

При организации ее я (Пискунов. – *И.В.*) встретился с полковником Мазурук, и он сообщил мне, что на трассе ничего нет. Я имел разговор относительно оборудования. У него было недостаточно бензозаправщиков, не было грейдеров, подогревателей, обмундирования, вплоть до гвоздей, которые мы должны послать». В целом список необходимого оборудования составил «до 47 крупных наименований». По сообщению докладчика, «процесс «одевания» трассы идет, но с развитием ее потребуется очень многое. У меня есть заказ – купить две взлетные полосы – стальные. Эти полосы стоят около 200 000 долларов каждая»⁴.

В ходе обсуждения доклада Пискунова сотрудники ПЗК задавали вопросы о причинах недостатков в снабжении запчастями для самолетов. Упомянулось, что нарком внешней торговли А.И. Микоян – главный «куратор» программы ленд-лиза с советской стороны – неоднократно телеграфировал в Правительственную комиссию о неудовлетворительном ходе отгрузки запчастей. Отвечая на вопросы, начальник авиаотдела осветил еще ряд специфических аспектов в проблеме поставок авиационной техники. В частности, он отметил: «Посылая самолеты, нам необходимо посылать инструменты. Если мы захотим отвернуть гайку нашим ключом, то ни один наш ключ не подойдет, ибо американская система – в дюймах»⁵.

В следующем выступлении – сотрудника авиаотдела ПЗК Доронина – затронулся вопрос о кадрах, о необходимости направить советских представителей, «которые должны контролировать отправку самолетов на промежуточных базах перелета к отправочным пунктам. Практика показала: там, где нет наших представителей – самолеты простаивают из-за пустяков долгое время».

В отношении организации снабжения запчастями поставок по АлСибу Доронин сообщил: «на Западном берегу мы отправляем запчасти из портов Сиэтл, Сан-Франциско и Портланд. В Сан-Франциско мы имеем авиационную базу, где комплектуются к самолетам запасные части. Мы специально командировали подполковника Успенского, чтобы погрузить запчасти и другое оборудование для Фербенкса. Мы имеем на базе Аэрокобра Сан-Франциско (депо № 7) около 750 тонн запчастей», а также «большое количество грузов в Сиэтл, которые валяются больше месяца. Их нужно отправить в Фербенкс для отправки оттуда на Красноярскую трассу»⁶.

На советской территории перегонка самолетов также сопровождалась большими трудностями.

По воспоминаниям начальника Красноярской трассы генерал-майора И.П. Мазурука, «в труд-

ное военное время на Красноярской авиатрассе была организована массовая перегонка самолетов, в большинстве своем истребителей, конструктивно не рассчитанных для выполнения больших перелетов, а предназначенных для маневренного воздушного боя.

Зимой здесь постоянно стояли лютые морозы, доходившие до 60, а в районе Оймякона и до 70 градусов. Самолеты, находясь на аэродромах, покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились твердыми как камень, резина – хрупкой. Лопались шланги, выводя из строя тормоза и гидравлику <...> Все работы выполнялись под открытым небом. Наши инженеры, техники и другие специалисты, замерзая сами, умудрялись с помощью простейших приспособлений ремонтировать, разогревать и отправлять в полет самолеты <...>

В короткое летнее время возникали иные трудности: туманы на аэродромах, низкая облачность, москиты. Лесные пожары заволакивали густым дымом большие пространства (в таких случаях нужно было прибегать к слепым полетам, хотя немногие были к ним подготовлены).

Личный состав, конечно, осознавал тяжесть и ответственность своей работы, но героически, а главное, охотно выполнял ее...» [2, с. 20].

Условия перелетов для летчиков, перегонявших истребители, были крайне тяжелыми и физически (находились в воздухе по 5–6 ч), и психологически – сказывалось «одинокчество» летчика-истребителя, зависимость от самолета-лидера. Как вспоминал командир истребительной эскадрильи В.М. Перов, «...мы вначале часто слышали по связи от своих лидеров-бомбардировщиков: “Эй, смертнички, подтянись!” Или что-то в этом роде. И ни у кого даже обиды не возникало. Пока не услышал это слово “смертнички” – Илья Павлович (Мазурук. – *И.В.*). Он запретил столь бестактные шутки...».

На Красноярской трассе случались и аварии с человеческими жертвами. По воспоминаниям Перова, «Мазурук после каждой потери запирался в домике, сутками никого не принимал, и связь с ним мы держали по телефону <...>

Были у нас и случаи, когда некоторые летчики не выдерживали условий полетов по трассе и рвались на фронт» [2, с. 96].

По мнению историка А.Паперно, тяжесть трассы и потери на ней, особенно в начальный период, были значительно больше, чем это признавалось официально: «за первые два месяца работы Красноярской трассы – октябрь и ноябрь – из 131 самолета, прибывших в Фербенкс, до Красноярска долетели и были приняты на вооружение ВВС Красной Армии к 1 декабря всего 9». Данные о числе погибших и «пропавших без вести» летчиков и самолетов на сибирском участке трассы до сих пор полностью не раскрыты: один из ведущих специалистов И.Е.Негенбля приводит сведения, согласно которым из личного состава 1-й Краснознаменной перегонной авиадивизии ГВФ

⁴ Там же. Л. 373.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 365.

в 1942–1945 гг. погибло 44 самолета и 115 работников трассы (в катастрофы попадали и самолеты, на которых летели по служебным делам как члены летного состава, так и представители наземных служб – инженеры и техники). В. Ярославцев утверждает, ссылаясь на доклад Главного управления ГВФ при СНК от 8 января 1946 г., что за три года работы трассы погиб 81 самолет (в это число могли войти погибшие не из 1-й ПАД, а из другого авиасоединения, перегонявшего в виде «эксперимента» истребители за Урал) [13, с. 282–284].

Количественный вклад авиатрассы Аляска–Сибирь в снабжение СССР американской авиатехникой в годы войны был очень значительным – этим путем было переправлено более половины всех ленд-лизских самолетов. По данным, приведенным в книге видного специалиста по истории ленд-лиза Р. Джонса, «за все время использования этого пути советская сторона подтвердила получение 7925 самолетов по маршруту Аляска–Сибирь. Чрезвычайная важность воздушного моста АлСиб подтверждается сравнительным анализом поставок в Россию авиационной техники по прочим маршрутам. Поставки своим ходом через Южную Атлантику и Африку в Абадан составили 993 машины; количество разобранных самолетов, отправленных для сборки в Абадане, составило еще 3868 машин; наконец, в разобранном виде в Северную Россию было отправлено 1232 самолета. Общее количество всех полученных советской стороной до июля 1945 г. самолетов достигло 14 203 штук (в том числе 185 патрульных машин РВН и РВУ «Каталина»). Еще 780 самолетов отправились на дно моря на потопленных транспортах, потерпели аварии в США, Канаде, Африке или в России, либо от них отказалась советская сторона из-за технических неполадок еще до того, как они достигли пунктов назначения» [12, с. 231].

По данным инженерного управления НКВТ, на 1 июля 1945 г. СССР получил по ленд-лизу 18 763 самолета союзников 20 типов, из них 14 535 американских самолетов 14 типов (в том числе 4 истребителя Р-51 «Мустанг», 19 разведчиков-корректировщиков О-52 «Оул», 1 бомбардировщик В-24 «Либереитор» в транспортном варианте, 184 гидросамолета РВН-1 и РВУ-6А «Каталина» [2, с. 141].

Авиатрасса Аляска–Сибирь использовалась и с другой целью, также связанной с советско-американским сотрудничеством: для доставки из Вашингтона в Москву и обратно политических и общественных деятелей, дипломатов, представителей деловых кругов США.

Так, находящийся с визитом в СССР в сентябре 1942 г. известный политический деятель США У. Уилки (подробно описанным в литературе) попросил советское руководство разрешить ему вернуться по воздушному пути через Сибирь – Аляску, чтобы, по его словам, «скорее доложить президенту о беседе с И.В. Сталиным». Уилки мотивировал это желание тем, что «возвращение по этому маршруту потребует в два

раза меньше времени, чем возвращение в США из Китая через Дальний Восток»⁷. Разрешение было, в конечном счете, дано Сталиным.

Личным впечатлением о полете по трассе поделился в беседе с В.М. Молотовым от 23 июля советник посольства США, посланник Гамильтон, которого представил посол Стэндли. Послу было разрешено доставить из Америки личный самолет, на котором и прибыл Гамильтон. Стэндли отметил, что это был «первый американский самолет, прилетевший через Аляску в Москву под управлением американских пилотов». Молотов спросил посланника, «благополучно ли он доехал и не было ли каких-либо неудобств в пути, поскольку эта трасса недостаточно оборудована».

Гамильтон ответил, что «он очень доволен полетом и обслуживанием на аэродромах», и выразил благодарность советским властям на пути. При этом он отметил, что желал бы, «чтобы т. Молотов и все русские могли увидеть совместную работу американцев и русских в Фербенксе и Номе. На него, Гамильтона, произвело особенно благоприятное впечатление тесное сотрудничество и тот хороший дух сердечности и дружбы, который царит в Фербенксе и Номе между русскими и американцами»⁸.

Оборудование трассы за год эксплуатации резко улучшилось, ее безопасность повысилась и ею могли более активно пользоваться американские представители различных рангов. Например, председатель Управления по делам военного производства США Д. Нельсон в беседе со Сталиным от 15 октября 1943 г. уже традиционно попросил разрешения вернуться в США «через Аляску–Сибирь и по пути посетить Казань и два-три других города».

Сталин ответил, что «к этому не будет никаких препятствий. Путь через Аляску самый безопасный». Нельсон поблагодарил советского вожда, заметив, что «этот путь наиболее безопасный и наиболее быстрый»⁹.

По АлСибу летали генерал Ф. Брэдли, У. Уилки, президент Торговой палаты Э. Джонстон, вице-президент США Г. Уоллес и многие общественные деятели США, а с советской стороны – В.М. Молотов, посол СССР в США А.А. Громыко, члены советских военных и политических миссий [2, с. 80]. Это был самый надежный и безопасный авиационный маршрут, по которому претворялось в практику русско-американское сотрудничество. Поэтому оно сохранилось в памяти народов как один из наиболее ярких примеров боевого содружества СССР и США, внесшего свой вклад в общую Победу во Второй мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Супрун М.Н. Ленд-лиз и Северные конвои. 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 52об.

⁸ Там же. Оп. 5. Порт. 334. Папка 29. Л. 36.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. 374. Л. 48.

2. Аляска–Сибирь–фронт: История легендарной авиатрассы: Документы, комментарии, воспоминания. 1942–1945 гг. М.: АНТЦ «АЛСИБ», 2004. 547 с.
3. Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века.. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 311 с.
4. Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941–1945. М.: Наука, 2008. 244 с.
5. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: Ленд-лиз. М.: «Экономическая книга». 2012. 440 с.
6. Allies in wartime: the Alaska-Siberia airway during World War II / ed. by A. B. Dolitsky. Juneau, Alaska: Alaska-Siberia Research Center, 2007. 144 p.
7. Butler, P., Hagedorn, D. Air arsenal North America: aircraft for the Allies 1938–1945: purchases and lend-lease. Hinckley: Midland, 2004. 320 p.
8. Guest, C.-F., Petro G. Lend-lease aircraft in Russia. Tampere: Appall Oyo, 2002. 224 p.
9. Malinger, G. Soviet lend-lease fighter aces of World War 2. Oxford; New York: Osprey, 2006. 96 p.
10. Pearry A. Lend-lease aircraft in World War II. Osceola, WI: Motorbooks International Publishers & Wholesales, 1996. 176 p.
11. Alaska at war, 1941–1945: the forgotten war remembered/ Ed. by F. Chandonnet. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008. 458 p.
12. Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2015. 350 с.
13. Паперно А. Ленд-лиз. Тихий океан. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 367 с.
14. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976. Т. 2.

REFERENCES

1. Suprun M.N. Lend Lease and Northern Convoys. 1941–1945. Moscow; Andreevskii flag, 1997, 364 p. (In Russ.).

2. “Alaska–Siberia–Front”: The history of legendary airway. Documents, comments, memoirs. 1942–1945. Moscow: ANTZ «ALSIB», 2004, 547p. (In Russ.).
3. Butenina N.V. Lend lease: bargain of century. Moscow: GU VShE, 2004, 311p. (In Russ.).
4. Krasnov V. N., Krasnov I.V. Lend lease for the USSR. 1941–1945. Moscow: Nauka, 2008, 244 p. (In Russ.).
5. Ryzhkov N.I. The Great Patriotic war: Lend lease. Moscow: Ekonomicheskaiia kniga, 2012, 440 p. (In Russ.).
6. Allies in wartime: the Alaska-Siberia airway during World War II. Ed. by A. B. Dolitsky. Juneau, Alaska: Alaska-Siberia Research Center, 2007, 144 p.
7. Butler, P., Hagedorn, D. Air arsenal North America. Aircraft for the Allies 1938–1945: purchases and lend-lease. Hinckley: Midland, 2004, 320 p.
8. Guest, C.-F., Petro G. Lend-lease aircraft in Russia. Tampere: Appall Oyo, 2002, 224 p.;
9. Malinger, G. Soviet lend-lease fighter aces of World War 2. Oxford; New York: Osprey, 2006, 96 p.
10. Pearry A. Lend-lease aircraft in World War II. Osceola, WI: Motorbooks International Publishers & Wholesales, 1996, 176 p.
11. Alaska at war, 1941–1945: the forgotten war remembered. Ed. by F. Chandonnet. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008, 458 p.
12. Johnes R.H. Lend lease: The Roads to Russia. Military Supplies of the USA for the USSR during World War II. 1941–1945. Ttranslated from Eng. A.L. Andreev. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2015, 350 p.
13. Paperno A. Lend lease. The Pacific Ocean. Moscow: TERRA; Knizhnyi klub, 1998, 367 p. (In Russ.).
14. Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the USA and the Prime-Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War, 1941–1945. Moscow, 1976, vol. 2 (In Russ.).

Статья принята
редакцией 01.02.2016

DOI: 10.15372/HSS20160114
УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

СОВХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ «ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ

Сергей Николаевич Андреевков,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

В статье анализируются актуальные проблемы аграрной истории СССР середины 1950-х – начала 1960-х гг., связанные с попытками руководства страны поднять сельскохозяйственное производство путем создания большого количества совхозов. На основе нового фактического материала показано, что масштабное совхозное строительство, начавшееся на целинных залежных землях и продолжившееся в обжитых районах, не оправдало ожиданий центрального руководства. Финансово-экономические и производственные показатели деятельности совхозов оказались ниже плановых прогнозов. «Совхозизация» была провалена в связи с форсированным характером ее проведения и игнорированием значения эволюционных путей индустриализации сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, совхозы, колхозы, машинно-тракторные станции, Н.С. Хрущев.

S.N. ANDREENKOV

STATE-FARM CONSTRUCTION DURING THE KHRUSHCHEV DECADE: PREREQUISITES, PROGRESS, RESULTS

Sergey N. Andreenkov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow,
Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: andreenkov_sn@mail.ru

The article considers issues relating to the system of organization of production in the Soviet agriculture in the mid-1950s – early 1960s. During these years N.S. Khrushchev initiated an attempt to improve the efficiency of agricultural sector of the economy through the mass construction of state farms – agricultural enterprises that were the Soviet analogues of the industrial form of agricultural production. Analysis of motives, progress, methods, results and consequences of state-farm construction during the Khrushchev decade allowed obtaining new important knowledge in order to deepen and concretize understanding of the essence and fate of the Soviet agricultural system as well as specifics of the state economic policy. Particularly valuable is the information about the activities of state farms established in 1954-1955 in the areas of virgin and fallow lands in the Eastern regions of the USSR. Their establishment was considered the lever for growth in corn production, first of all, for the sake of increasing the fodder base for livestock production. State farms were also established in the habitable areas using the resources of kolkhozes in order to increase an output of dairy products and vegetables. Development of state farm network was widely supported by the regional authorities who were interested in transferring the collective farms to the state as it helped to respond more quickly to the social and economic needs of the village and, first of all, to provide rural dwellers with a better income. Believing in huge production capacity of state farms the government often approved regional level proposals for transforming kolkhozes into sovkhozes. Contrary to all expectations, financial, economic and production indicators of many state farms were below forecasts. “Sovkhozisation” failed to achieve the anticipated results due to the fact that it was carried out in a forced manner while neglecting the evolutionary pattern of industrialization of agriculture rooted in economic practices.

Key words: agricultural policy, agriculture, sovkhozes, kolkhozes, machine and tractor stations, N.S. Khrushchev.

В настоящее время разворачивается полемика о том, какой тип хозяйства больше всего подходит России: крупное предприятие индустриального типа,

кооперативное или фермерское хозяйство. Широко этот вопрос последний раз обсуждался в период перестройки, когда разрабатывались реформы для аграрной

сферы экономики. Совхозы рассматривались при этом как часть неэффективной административно-командной системы и имели мало сторонников. У колхозно-кооперативной формы заступников было больше. Но победила идея фермеризации. Однако в начале XXI в. в связи со скромными результатами данного процесса¹ акценты изменились. Развитие крупных хозяйств вновь считается важнейшим фактором роста сельхозпроизводства. Актуальным становится изучение опыта колхозно-совхозного строительства в СССР. Особый интерес представляет «совхозизация», проводившаяся во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. В эти годы совхозы стали играть существенную роль в аграрной экономике.

В советский период наиболее детально история совхозов СССР изучалась в 1970-е – начале 1980-х гг. М.Л. Богденко, И.Е. Зелениным [1], А.П. Тюриной [2] и др. Однако их работы при множестве достоинств подготовлены на узкой источниковой базе и нацелены на реализацию идеологических установок, что препятствует объективному отражению действительности. В постсоветское время на многие важные вопросы, касающиеся хрущевской «совхозизации», попытался ответить И.Е. Зеленин. Он показал, что первое широкое строительство государственных хозяйств осуществлялось еще при И.В. Сталине в годы массовой коллективизации. И сталинская, и хрущевская «совхозизация» начиналась на целинных и залежных землях. Но в постсталинский период организация совхозов была более масштабным мероприятием. Сельхозпредприятия государственного сектора сельского хозяйства стали создаваться не только на новых землях востока страны в рамках реализации целинной «сверхпрограммы», но и в старопахотных регионах на базе колхозов, что являлось попыткой осуществить ранее сформулированную доктринальную стратегию партии. Хрущевская «совхозизация», как и сталинская, с финансово-экономической точки зрения себя не оправдала [3]. Другие историки-аграрники (см., например: [4; 5]), в настоящее время разрабатывающие совхозную тема-

тику, ничего принципиально нового в изучение анализируемой темы пока не внесли.

Действительно, долгосрочной целью социалистической реконструкции села, начатой партией большевиков в 1920-е гг., являлось создание общественных сельхозпредприятий индустриального типа, т.е. хозяйств, имеющих крупные размеры, использующих централизованную и плановую модель управления, сложную технику, труд сплоченных коллективов квалифицированных работников. Ближе всего к ним стояли государственные советские хозяйства (совхозы). Коллективные хозяйства (колхозы) рассматривались как структуры, стоящие на ступень ниже. Они должны были вовлечь в свою деятельность всех крестьян и, развиваясь, постепенно превратиться в совхозы [6, с. 9–24].

Попытки существенно расширить совхозную сеть предпринимались в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Но в ходе второго пятилетия (1933–1937 гг.) от этой идеи отказались. Совхозный сектор из-за слабой управляемости предприятий, обусловленной их чрезмерно большими размерами, из-за дефицита и непрофессионализма кадров, а также неудовлетворительного использования техники, хищений имущества и других факторов оказался малопродуктивным и дорого обходился государству. В связи с этим внимание было решено сосредоточить на колхозах, издержки в которых были меньше. В сельхозартелях в отличие от совхозов оплата труда работников не являлась гарантированной и производилась по остаточному принципу.

В последующие периоды сталинского правления численность совхозов и их удельный вес в сельхозпроизводстве увеличивались крайне низкими темпами. В 1953 г. в СССР работало 4857 совхозов, колхозов насчитывалось 91 177, или почти в 19 раз больше. На государственные предприятия, подчинявшиеся Министерству сельского хозяйства и заготовок СССР, приходилось только 9 % всех посевов, в том числе 7 % зерновых, 3 % технических, 2 % картофельных и 5 % овощных². Госхозы³ сконцентрировали у себя всего 7 % крупного рогатого скота, 5 % коров, 12 % свиней, 10 % овец. В них производилось 10 % зерна, 2 % картофеля, 12 % мяса и сала, 8 % молока, 3 % яиц, 13 % шерсти⁴.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. совхозный сектор оказался под угрозой ликвидации. По свидетельству Н.С. Хрущева, когда в ноябре 1949 г. генсеку доложили об убыточности государственных сельхозпредприятий, он предложил «распустить совхозы, а землю передать колхозам. <...> Все мы заволновались тогда, – вспоминал Н.С. Хрущев, – говорили,

¹ В 1993–1999 гг. в России фермеры производили в среднем в год только 2,2 % всей сельскохозяйственной продукции, тогда как крупные сельхозпредприятия (крупхозы) различных форм собственности – 52,4 %. Причем 45,8 % аграрной продукции приходилось на низкоотоварные личные хозяйства населения, доля которых увеличилась (в 1991 г. – 31,2 %, в 1995 г. – 47,9, в 1999 г. – 57,2 %) при сокращении удельного веса крупхозов (68,8, 50,2 и 40,3 % соответственно) и относительно стабильной доле фермеров. В начале нового века доля продукции, производимой личными хозяйствами, стала уменьшаться (в 2000 г. – 51,6 %, в 2005 г. – 49,3, в 2010 г. – 48,3, в 2013 г. – 42,6 %). Доля сельскохозяйственных организаций к 2010 г. оставалась на уровне 44–45 % и с 2011 г. растет (в 2011 г. – 47,2 %, в 2012 г. – 47,9, в 2013 г. – 47,6 %). Удельный вес фермерских хозяйств также увеличился (в 2000 г. – 3,2 %, в 2005 г. – 6,1, в 2010 г. – 7,2, в 2013 г. – 9,8 %), но он по-прежнему меньше показателей, которые прогнозировались реформаторами начала 1990-х гг. (Российский статистический ежегодник. 2000: стат. сб. М., 2000. С. 364–367; Российский статистический ежегодник. 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d03/15-02.htm (дата обращения: 25.01.2016).

² Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 43, 51, 144, 146–147, 149, 162, 164; 172–173, 176–177.

³ Совхозы вместе с подсобными хозяйствами промышленных предприятий и организаций.

⁴ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 210–211, 213, 235, 237, 272, 275, 277, 280, 282, 285, 287, 290, 292, 338–339, 344–347, 350, 353–355, 358–360, 363.

что нельзя этого делать <...>. С большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы» [7, с. 467]. Антисовхозные настроения генсека нельзя считать свидетельством его нежелания ускорить индустриализацию сельхозпроизводства. Только ее ускорение он связывал с укрупнением колхозов и усилением машинно-тракторных станций (МТС), которые при всех недостатках наряду с совхозами фактически являлись очагами технического и социального прогресса в деревне. В 1951 г. предложение ликвидировать МТС, высказанное экономистами В.Г. Венжером и А.В. Саниной, генсек назвал «шагом назад в сторону отсталости» и попыткой «повернуть назад колесо истории»⁵.

Идея усиления МТС была поддержана постсталинским коллективным руководством страны. В сентябре 1953 г. оно утвердило беспрецедентные меры по обновлению материально-технической и кадровой базы станций. Новая налоговая, ценовая, заготовительная и кредитная политика способствовала повышению доходности колхозов, которые стали переходить на гарантированную оплату труда. В 1956–1957 гг. рассматривались проекты организации совхозов и госкоопхозов – сельхозпредприятий индустриального типа, представляющих собой объединение колхозов и МТС. За их создание выступали многие руководители системы МТС [8, с. 80–82]. Образование государственно-кооперативных хозяйств, по сути дела, являлось реализацией эволюционного пути индустриализации аграрной сферы экономики, выработанного многолетней хозяйственной практикой. Однако сельское хозяйство не пошло по этому пути. С 1955 г. руководство страны стало критиковать МТС за неэффективное использование техники и в 1958–1960 гг. полностью их ликвидировало. Машинный парк станций в сжатые сроки продали колхозам, а ремонтные мастерские преобразовали в хозрасчетные ремонтно-технические станции (РТС). Выкупив технику, многие сельхозартелю оказались на грани разорения. Трактора и комбайны применялись в них менее эффективно, чем в МТС. Неудовлетворительно работали и РТС.

«Совхозизация» середины 1950-х – начала 1960-х гг., как и в начале 1930-х гг., имела форсированный характер. Совхозы создавались на целинных и залежных землях Казахстана, Урала и Сибири, которые с весны 1954 г. по инициативе Н.С. Хрущева массово распахивались под зерновые посевы. Дело в том, что в 1953 г. в стране обострился дефицит зерновых культур, в первую очередь кормовых, и с целинной кампанией связывалось его немедленное преодоление и в целом ускорение темпов развития животноводства. В ближайшие годы в стране планировалось создать изобилие мясной и молочной продукции. Окончательное решение о начале совхозного строительства на новых земельных массивах Н.С. Хрущев принял в июне 1954 г. во время инспекционной поездки в Казахстан.

⁵ Сталин И.В. Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г. // Правда. 1952. 4 окт.

Знакомство с работой вновь организованных здесь зерновых совхозов убедило его в правильности выбранной стратегии. К 1955 г. на целинных и залежных землях были основаны 425 совхозов, в том числе в Казахской ССР – 337, в РСФСР – 88, из них в Алтайском крае – 21, в Омской области – 11, в Новосибирской – 8, в Красноярском крае – 5 [1, с. 184–185; 9, с. 125]⁶.

Целинные совхозы демонстрировали неплохие производственные результаты. Они вспахали больше новых земель, чем старые государственные хозяйства, и увеличивали сборы зерна. Но производительность совхозной нивы оказалась ниже, чем планировалось. В 1954–1957 гг. в Казахской ССР урожайность зерновых культур во вновь образованных сельхозпредприятиях составила в среднем 6,4 ц/га, в РСФСР – 8,6 ц/га. А ожидали не менее 14 ц/га. К такому уровню продуктивность зерновых полей совхозов приближалась только в урожайные годы (1954, 1956 и 1958 гг.), а в недородные (1955 и 1957 гг.) она падала до 3–4 ц/га. Средства, которые государство израсходовало на строительство целинных совхозов в 1954–1957 гг., в целом вернуть не удалось. В Казахской ССР в эти годы новые зерновые сельхозпредприятия смогли вернуть государству только 17 % вложенных в них средств, в РСФСР – 52 %. В Сибири этот показатель был выше. Алтайские сельхозпредприятия в 1954–1957 гг. полностью возместили средства, потраченные на их создание⁷.

Зерновые совхозы организовывались не только на пустовавших землях государственного фонда, но и на недоосвоенных избыточных земельных площадях колхозов и других землепользователей. Многие сельхозартелю полностью вошли в состав вновь образуемого совхоза. Упразднение колхозов и передача их ресурсов государственным хозяйствам обосновывались тем, что для доминировавшего на целине зернового хозяйства требовался не столько ручной труд колхозников, сколько работа механизаторов и сложной машинной техники. Последнее являлось отличительной чертой МТС и совхозов. Для Н.С. Хрущева МТС были менее предпочтительным организационно-хозяйственным форматом и в целом рассматривались им как рудимент сталинизма. Поэтому ставка делалась им на совхозы.

Невысокий уровень рентабельности зерновых совхозов на целине не мешал Н.С. Хрущеву делать оптимистические прогнозы их дальнейшего развития. Считалось, что крупные государственные сельхозпредприятия, организованные на новых землях, могут повысить продуктивность полей и доходность. Для этого им следовало в кратчайшие сроки навести порядок в сфере внутривозрастного землеустройства, ввести правильные севообороты и пары, организовать производство семян, отремонтировать технику. Однако решать эти задачи было очень непросто:

⁶ Народное хозяйство Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1961. С. 78; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-317. Оп. 1. Д. 438. Л. 298; Д. 2310. Л. 56; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-569. Оп. 10. Д. 24. Л. 40.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 44, 46.

специалистов сельского хозяйства, инженеров и техников не хватало, у большинства предприятий отсутствовала собственная ремонтная база. Крайне сложно оказалось обеспечить целинные совхозы водой. На строительство необходимого количества объектов социальной и хозяйственной инфраструктуры не хватало средств. В 1954–1957 гг. каждый целинный совхоз получил от государства в среднем по 8 млн руб. Чтобы достроить начатые и заложить новые сооружения, в 1958–1960 гг. каждое хозяйство должно было освоить по 18 млн руб.⁸

Таким образом, создание на отдаленных и необжитых землях сети совхозов оказалось важным, но довольно затратным и долго окупающимся проектом. Превращение целинных хозяйств в удобные для жизни и труда сельхозпредприятия растягивалось на длительный период, и большинство первоцелинников к этому не было готово.

Опыт организации и деятельности зерновых хозяйств на вновь осваиваемых землях был учтен при дальнейшем совхозном строительстве, от которого Н.С. Хрущев отказываться не собирался. После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) по сельскому хозяйству «прокатились» две волны «совхозизации»: 1957 г. и 1961–1962 гг. Они совпали с постановкой партийным лидером двух масштабных хозяйственно-политических задач: догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения и обеспечить в СССР самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой капиталистической страной.

Государственные хозяйства образовывались уже на обжитых, в том числе пригородных, территориях с использованием инфраструктуры и мощностей колхозов и старых госхозов. Вновь организуемые сельхозпредприятия специализировались на производстве мяса, молока, яиц, картофеля и овощей для улучшения продовольственного снабжения горожан и должны были вытеснить с городских рынков частного сельхозпроизводителя. Если до 1956 г. совхозы образовывались по большей части в экономически слабые колхозы, имевшие большую задолженность перед государством и своими работниками и в целом не способные к быстрому развитию, то после 1956 г. совхозный сектор стал поглощать и вполне крепкие коллективные хозяйства. Использование ресурсов сельхозартелей при строительстве совхозов позволяло государству экономить на капиталовложениях, чего нельзя было добиться при организации сельхозпредприятий на целине.

Расширение сети хозяйств государственного сектора широко поддерживалось региональными властями, которые были заинтересованы в переводе колхозов на госбюджет, поскольку это способствовало более быстрому решению многих социально-экономических вопросов жизни деревни, в первую очередь повышению доходов селян. Так, за 1956 г. колхозники Хакасской автономной области в среднем получили по 1950 руб.,

тогда как, став работниками совхозов, только за 9 месяцев 1957 г. они заработали по 4800 руб.⁹ Руководители регионов часто просили Центр о преобразовании сельхозартелей в государственные хозяйства. Поток этих просьб возрос после реорганизации МТС. Программы «совхозизации», составлявшиеся в регионах, отличались немалыми масштабами. Так, в декабре 1959 г. Алтайский крайком партии представил бюро ЦК КПСС по РСФСР проект создания в 1960 г. 64 новых овощеводческих и животноводческих совхозов на базе 266 колхозов, 39 РТС, 9 отделений РТС, подсобных хозяйств 3 училищ механизации сельского хозяйства и Горно-Кольванского рудоуправления¹⁰. Уверовав в большие производственные возможности крупных государственных хозяйств, Центр часто одобрял подобные планы.

За 9 лет, с 1953 по 1962 г., в СССР на базе колхозов было организовано 3132 совхоза, в том числе в РСФСР – 1738. Путем прирезки земель почти 19 тыс. сельхозартелей и большого числа различных землепользователей Госземфонда в стране в целом укрупнили около 4 тыс. старых государственных хозяйств. Совхозная сеть выросла почти в 2 раза. В начале 1960-х гг. за совхозами было закреплено 44 % всех посевных площадей, в том числе 48 % зерновых, 22 % технических, 19 % картофельных и овощебахчевых посевов. Государство стало собственником 27 % поголовья крупного рогатого скота, в том числе 21 % коров, а также 29 % овец и коз и 31 % свиней¹¹.

Оформились зоны специализации государственного сектора аграрного производства. 48 % зерновых совхозов с 54 % посевных площадей зерновых культур находились в Казахской ССР, остальные – в РСФСР (50 %) и других республиках СССР (2 %). 67 % хлопководческих совхозов с 79 % площади посевов хлопчатника были размещены в Узбекской ССР. Государственные сельхозпредприятия Украинской ССР и центрально-черноземных областей РСФСР специализировались на производстве свеклы. Здесь располагались соответственно 50 и 24 % всех свекловичных совхозов страны. Хозяйства, дававшие животноводческую продукцию, картофель и овощи, концентрировались вокруг крупных городов и промышленных центров. С 1958 по 1961 г. численность пригородных совхозов увеличилась в 2,2 раза, в том числе птицеводческих – в 2 раза, молочных и мясомолочных – в 1,7 раза¹².

Новые совхозы стали крупнейшими поставщиками продуктов сельского хозяйства. В 1962 г. они произвели 42 % всей совхозной продукции, в том числе 35 % зерна, 53 % хлопка, 39 % молока, 38 % мяса, 42 % шерсти. Их доля в общесовхозных заготовках этих продуктов составила в среднем 40 %. В 1958–1962 гг. сельхозпредприятия, созданные в 1957 г. на базе эко-

⁹ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1511. Л. 11–13.

¹⁰ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 246. Л. 22, 43, 59–61, 155, 220.

¹¹ Там же. Оп. 45. Д. 313. С. 2, 7; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 112–113, 246–249.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. С. 21–22.

⁸ Там же. Л. 52–54.

номически слабых колхозов, в среднем в год производили зерна больше, чем эти же колхозы в 1955–1956 гг., на 22,5 %, молока – на 84,8, мяса – на 91,5 %. Поставки государству сельхозпродукции возросли соответственно в 1,4, 2,2 и 2 раза. Совхозный сектор СССР в целом в 1965 г. выпускал 33 % всего зерна, 12 % картофеля, 28 % овощей, 22 % мяса, 23 % молока, 18 % яиц, 37 % шерсти. Производство сельхозпродукции в совхозах за годы «хрущевского десятилетия» в среднем увеличилось более чем в 6 раз¹³.

Но финансово-экономические показатели деятельности совхозного сектора руководство страны не радовали. Наименее эффективно работали предприятия, специализировавшиеся на выпуске мясомолочной продукции. Ее себестоимость оказывалась выше уровня сдаточных цен, что приводило к убыткам. С 1958 по 1962 г. в РСФСР затраты на производство 1 ц молока увеличились со 124 до 161 руб., или на 30 %, тогда как цена за него – с 116 до 119 руб., т.е. лишь на 2 %. В 1961 г. в Алтайском крае нерентабельными оказались 75 % совхозов. Одной из причин роста издержек в животноводстве являлась его слабая капитализация, связанная с недофинансированием. В начале 1960-х гг. в совхозах Алтайского края ощущалась острая нехватка скотных помещений. Рост количества введенных в эксплуатацию построек для скота и птицы отставал от прироста их поголовья. В 1961 г. численность крупного рогатого скота в совхозах региона увеличилась на 53 тыс. голов, тогда как численность скотомест – только на 50,8 тыс. голов. В свиноводстве аналогичные показатели составляли соответственно 68,3 тыс. и 26,2 тыс. голов, в птицеводстве – 324,8 тыс. и 289,2 тыс. голов¹⁴.

Рост себестоимости продукции во многом был связан с возраставшими транспортными расходами. На рубеже 1950–1960-х гг. система расценок на перевозки грузов не была отрегулирована. Чем дальше располагался совхоз от места, где производился приобретенный им товар, тем больше приходилось платить за транспортировку. Получалось, что сельхозпредприятия восточных районов страны на покупку техники и материалов затрачивали средств больше, чем хозяйства Центра, где располагалась основная часть машиностроительных, агрохимических и других предприятий. Расходы совхозов при перевозке тракторов Т-28 по железной дороге на расстояние от 1,5 тыс. до 3 тыс. км оказывались больше, чем на расстояние до 500 км, в 5,3 раза¹⁵.

Сдаточные цены были низкими во многом из-за несовершенства их зональной дифференциации. На рубеже 1950–1960-х гг. ценовые показатели устанавливались для регионов без достаточного учета их различий в уровне себестоимости совхозного произ-

водства. Для зон с относительно низкими затратами определяли повышенные цены, а для территорий, в которых издержки были больше, – пониженные. Поэтому в Краснодарском крае совокупная рентабельность совхозов всегда была положительной (+10 %), а в Центрально-Черноземном районе (–3) и на Дальнем Востоке (–12 %) – отрицательной¹⁶.

Мясная продукция совхозов оказалась для государства слишком дорогой. В 1962 г. сумма доходов от продажи через магазинную сеть говядины была меньше суммы затрат на ее покупку у совхозов и переработку – на 23 %, свинины – на 13 %. Прибыльной оказалась реализация молока (+22 %), баранины, шерсти, а также произведенных из совхозного сырья пшеничного (+52 %) и ржаного (+42 %) хлеба и сахара-песка (+70 %). В целом объемы государственных средств, израсходованных на развитие совхозного сектора, оказались ниже объемов средств, вырученных от продажи населению его продукции, на 28–30 %¹⁷.

Создание большого количества совхозов не обеспечило подъем животноводческого производства до уровня, позволяющего удовлетворять потребности населения в мясомолочной продукции. В начале 1960-х гг. ее дефицит был более чем очевидным.

Таким образом, массовое строительство совхозов, развернувшееся в середине 1950-х – начале 1960-х гг., являлось как реализацией общей аграрной доктрины партии, так и целью политики Н.С. Хрущева, намеревавшегося создать в стране изобилие мясной, молочной, овощной и прочей продукции. Но, как и в начале 1930-х гг., форсированная «совхозизация» ожиданий не оправдала. Ее фактический провал Н.С. Хрущеву пришлось признать. В записке в Президиум ЦК КПСС от 31 июля 1963 г. он с сожалением говорил о том, что государственные сельхозпредприятия, организованные на базе сельхозартелей, работают с убытками, достигшими в том году 600 млн руб., и что «есть такие хозяйства, которые производят продукции меньше, чем производили колхозы, на базе которых они созданы. <...> Центральный Комитет партии, рассматривая просьбы местных организаций о преобразовании некоторых колхозов в совхозы, рассчитывал, что это приведет к резкому увеличению производства продуктов. А на деле все свелось к тому, что государство как бы приняло на свое обеспечение бывший отстающий колхоз. Государство платит зарплату, выплачивает пенсии работникам совхоза, а нужного количества продукции от этих хозяйств не получает <...>» [7, с. 66–67].

«Совхозизация» породила в деревне новую социально-экономическую реальность. Собственником средств аграрного производства в СССР окончательно стало государство. Колхозно-кооперативная собственность, несмотря на существование сельхозартелей, фактически исчезала. Колхозное крестьянство, несмотря на сохранение личных подсобных хозяйств, превращалось в отряд рабочего класса.

¹³ Там же. С. 8–9; Сельское хозяйство СССР. М. 1960. С. 213, 237, 242, 253, 254, 344, 346, 358–359, 363; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 155, 209, 213, 293, 301, 309, 317, 610, 616, 618, 634–637.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. Л. 71, 73; ГААК. Ф. Р-827. Оп. 3. Д. 50. Л. 5, 7–8, 10, 15, 169–170.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. Л. 80.

¹⁶ Там же. Л. 77.

¹⁷ Там же. Л. 81–82, 85.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М., 1976. 279 с.
2. Тюрин А.П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 3–21.
3. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. 305 с.
4. Романченко В.Я. Типология и особенности эволюции совхозной системы России в условиях аграрной модернизации 1950-х–1980-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 510–520.
5. Шлыкова О.В. Преобразование колхозов в совхозы в 1950–1960-е гг. // Вестник Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2008. № 3. С. 152–154.
6. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации: [кол. моногр.] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск, 2015. 298 с.
7. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: в 8 т. М., 1964. Т. 8. 559 с.
8. Андреенков С.Н., Ильиных В.А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: выбор модели решения // Экономическая история. 2014. № 2(25). С. 76–87.
9. Хлеб Прииртышья: сб. / сост. А.А. Мороз. Омск, 1999. 399 с.

REFERENCES

1. Bodenko M.L., Zelenko I.E. Sovkhozoes of the USSR: A Brief History. Moscow, 1976, 279 p. (In Russ.)
2. Tyurina A.P. On the Question of Transforming Kolkhozoes to Sovkhozoes. *History of the USSR*. 1983, no. 5, pp. 3–21. (In Russ.)
3. Zelenin I.E. Agrarian Policy of N.S. Khrushchev and Agriculture. Moscow, 2001, 305 p. (In Russ.)
4. Romanchenko V.Ya. Typology and Specifics of Evolution of the Sovkhoz System in Russia Under the Conditions of Agrarian Modernization in the 1950s–1960s. *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy*. 2012, no. 1. pp. 510–520. (In Russ.)
5. Shlykova O.V. Transformation of Kolkhozoes into Sovkhozoes in the 1950s–1960s. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2008, no. 3, pp. 152–154. (In Russ.)
6. Projects of reforming the agrarian structure of Siberia in the XX century: choice of ways and methods of modernization. *Ilyinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. et al.* Novosibirsk, 2015, 298 p. (In Russ.)
7. Khrushchev N.S. Building Communism in the USSR and the Development of Agriculture. Moscow, 1964, vol. 8, 559 p. (In Russ.)
8. Andreenkov S.N., Ilyinykh V.A. Agrarian Question in the 1950s: choice of solution model. *Ekonomicheskaya istoriya*. 2014, no. 2 (25), pp.76–87. (In Russ.)
9. Cis-Irtysh Grain. Comp. by A.A. Moroz. Omsk, 1999. 399 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160115
УДК 53(092)

Н.А. КУПЕРШТОХ

**АКАДЕМИК Л.В. КИРЕНСКИЙ – ОРГАНИЗАТОР ИНСТИТУТА ФИЗИКИ
И КРАСНОЯРСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА**

Наталья Александровна Куперштох,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В статье рассмотрена деятельность академика Л.В. Киренского (1909–1969) – организатора Института физики и научно-образовательного комплекса в Красноярске. Л.В. Киренский был не только выдающимся физиком-магнитологом, специалистом в области физики магнитных явлений и биофизики. С его именем неразрывным образом связана история академической науки и образования в Восточной Сибири в 1940–1960-е г. Показано зарождение исследований по физике магнитных явлений в Магнитной лаборатории Красноярского государственного педагогического института, которое привело к созданию в 1956 г. первого в Красноярске академического института – Института физики. Рассмотрена деятельность Л.В. Киренского по созданию и развитию комплекса академических учреждений в Красноярске, организации Красноярского государственного университета.

Ключевые слова: академик Л.В. Киренский, Московский государственный университет, Красноярский государственный педагогический институт, Магнитная лаборатория, Институт физики, Красноярский научный центр СО АН СССР/РАН.

N.A. KUPERSHTOKH

**ACADEMICIAN L.V. KIRENSKY AS AN ORGANIZER
OF THE INSTITUTE OF PHYSICS
AND KRASNOYARSK SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMPLEX**

Natalia A. Kupershtokh,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolayeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

The article considers the activities of Academician L.V. Kirensky (1909–1969) as an organizer of the Institute of Physics and Krasnoyarsk Scientific and Educational Complex in Krasnoyarsk. L.V. Kirensky was an outstanding magnetologist and specialist in the physics of magnetic phenomena and biophysics. His name is inextricably connected with the history of academic science and education in Eastern Siberia in the 1940s - 1960s. The purpose of this article is to show based on the study of archival documents and memories of scientists the formation of L.V. Kirensky as a scientist and organizer of science. L.V. Kirensky's path to science was not easy. A native of Yakutia, after finishing school he worked as a teacher for several years before entering the Moscow State University in 1931. A talented young scientist under the influence of his mentors became so much engrossed in studying the problems of the physics of magnetic phenomena, that this field of research became his life's work. After a thesis defence the young scientist began teaching at the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute (KSPI). The research capacity gained at the Moscow State University was used by L.V. Kirensky during his work in the Magnetic Laboratory at the Department of Physics of KSPI, which he had started creating before the war. During the war the laboratory gained prominence owing to the development of certain military devices. Further research work in the Magnetic Laboratory of KSPI led to the establishment of the first academic Institute of Physics in Krasnoyarsk in 1956. Under the leadership of L.V. Kirensky the Institute turned into a leading center for research on the problems of physics of magnetic phenomena in the country. At the same time, the Institute of Physics became a kind of «incubator» for several Krasnoyarsk Scientific Research Institutes (SRI), which grew out of its departments. The article also deals with the activities of L.V. Kirensky on creation and development of a complex of academic institutions in Krasnoyarsk and establishment of the Krasnoyarsk State University.

Key words: academician L.V. Kirensky, Moscow State University, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute, Magnetic Laboratory, Institute of Physics of the Krasnoyarsk Scientific Center of the Academy of Sciences of the USSR/ Russian Academy of Sciences.

Академик Леонид Васильевич Киренский (1909–1969) – выдающийся физик-магнитолог, специалист в области физики магнитных явлений и биофизики. С его именем неразрывным образом связана история академической науки и образования в Восточной Сибири в 1940–1960-е гг. Жизни и научному творчеству ученого посвящены специальные книги [1, 2], публикации к юбилейным датам¹, публикации справочного характера [3, с. 108–109]. Цель статьи – на основе изучения архивных документов и воспоминаний ученых показать формирование Л.В. Киренского как ученого и организатора науки.

Привлечение новых архивных документов, а также воспоминаний коллег и учеников, лично знавших ученого, позволяет раскрыть качества академика Л.В. Киренского не только как глубокого исследователя, но и как блестящего организатора Красноярского научно-образовательного комплекса. Он последовательно, на всех уровнях, отстаивал его концепцию как необходимое условие для эффективного развития науки и производительных сил Красноярского края.

Леонид Киренский родился 25 марта (7 апреля) 1909 г. в крестьянской семье в небольшом якутском поселке Амга. Через несколько лет после смерти отца семья Киренских переехала в Якутск. После окончания школы в 1927 г. Л.В. Киренский работал учителем физики и математики в школах Якутска и Олѣкминска. В 1931 г. талантливый юноша поступил в Московский университет и окончил не только вуз, но и аспирантуру при кафедре магнетизма в МГУ. Научными руководителями дипломной и кандидатской работ Л.В. Киренского были преподаватели МГУ – известные ученые-магнитологи Н.Л. Брюхатов и Н.С. Акулов. Физика магнитных явлений стала для молодого исследователя главным делом жизни.

В 1939 г. Л.В. Киренский защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Магнитокалорический эффект при вращении ферромагнитного кристалла в магнитном поле» и мечтал вернуться в родной Якутск. Однако обстоятельства сложились таким образом, что Л.В. Киренский был распределен на работу в Красноярск [2, с. 5]. В 1940 г. единственный в Красноярске кандидат физико-математических наук Л.В. Киренский приступил к преподавательской работе на физико-математическом факультете Красноярского государственного педагогического института в должности доцента, затем возглавил кафедру физики этого вуза.

Практически с первых месяцев работы в Красноярске Л.В. Киренский задумал создать исследовательскую ячейку, которая бы занималась фундаментальными проблемами физики магнитных явлений –

Магнитную лабораторию при кафедре физики КГПИ. Для подготовки кадров исследователей Л.В. Киренский в конце 1940 г. организовал семинар по ферромагнетизму, ставший впоследствии общегородским физическим семинаром. Благодаря семинарам готовилась база для открытия в КГПИ аспирантуры по физике магнитных явлений [2, с. 75].

Оснащение Магнитной лаборатории минимальным оборудованием позволило еще до начала войны провести первые эксперименты. Обстоятельства военного времени потребовали от сотрудников лаборатории оперативного решения обремененных задач. Л.В. Киренский и П.С. Сарапкин разработали портативный прибор для рассортировки сталей, а в октябре 1942 г. изготовили несколько таких приборов для авиазавода, эвакуированного в Красноярск из Подмоскovie. В отзыве специалистов на приборы впервые появилось название «Магнитная лаборатория КГПИ», что означало официальное признание лаборатории (1943 г.). Наряду с местными учеными в лаборатории работали прибывшие в Красноярск эвакуированные специалисты. Научные задачи для сотрудников лаборатории порождались условиями военного времени. Их усилиями были созданы приборы, в которых нуждалась оборонная промышленность Новосибирска, Красноярска, Иркутска. В сентябре 1944 г. исполком Красноярского крайсовета выделил КГПИ 15 тыс. руб. на приобретение необходимого оборудования для Магнитной лаборатории [2, с. 80].

После войны в КГПИ открылась аспирантура, выпускники которой занимались научной работой под руководством Л.В. Киренского. В конце 1940-х гг. результаты деятельности сотрудников Магнитной лаборатории стали публиковаться в центральных научных журналах и в материалах всесоюзных и региональных конференций. В 1950 г. Л.В. Киренский защитил в МГУ докторскую диссертацию на тему «Исследование энергетической анизотропии ферромагнетиков». Это стало своеобразным признанием научной школы физиков-магнитологов в Красноярске.

В начале 1950-х гг. молодой доктор наук Л.В. Киренский поставил амбициозную задачу: организовать в Красноярске институт физического профиля. К этому времени помимо КГПИ ростки новых научных направлений обозначились в медицинском (биофизика) и лесотехническом (спектроскопия) институтах [1, с. 53, 60]. Объединение исследовательского потенциала в академический институт могло означать поступательное развитие целого ряда научных направлений. Однако, когда Л.В. Киренский направил в оргбюро ЦК ВКП(б) и Президиум АН СССР обоснование о необходимости создания в Красноярске первого научно-исследовательского института, он получил отрицательный ответ. Такое решение не сказалось на темпах и качествах работы коллектива Магнитной лаборатории. К середине 1950-х гг. Красноярск превратился в третий после Москвы и Свердловска научный центр по исследованию физики магнитных явлений. Усилиями Л.В. Киренского сформировался

¹ Гительзон И. К 90-летию со дня рождения академика Леонида Васильевича Киренского // Наука в Сибири. 1999. 30 апр.; Фельдман Л., Чурилов С. Зачинатель фундаментальной науки в Красноярске: [к 100-летию со дня рождения ак. Л.В. Киренского] // Наука в Сибири. 2008. 15 мая; Ученый, создатель и учитель: (к 100-летию со дня рождения ак. Л.В. Киренского) // Наука в Сибири. 2009. 9 апр.

коллектив физиков-магнитологов, который стал основой для создания в Красноярске первого академического института².

Задачи по развитию производительных сил Красноярского края ученые могли эффективно решать в рамках определенной структуры. В 1952 г. Л.В. Киренский поставил вопрос о создании филиала Академии наук СССР в Красноярске. Он считал, что Западно-Сибирский филиал в Новосибирске и Восточно-Сибирский филиал в Иркутске «занимаются своими территориальными задачами, поэтому не оказывают, да и не могут оказать практической помощи развитию производительных сил Красноярского края» [1, с. 117]. Инициативу ученого поддерживали краевые власти, которые по своим каналам обосновывали необходимость развития в Красноярске комплекса академических учреждений.

В мае 1956 г. красноярские физики во главе с Л.В. Киренским впервые участвовали в Международной конференции по магнетизму в Москве. Конференция еще более убедила Л.В. Киренского в актуальности разрабатываемой его коллективом тематики и дала повод вновь обратиться в Президиум АН СССР с просьбой о создании если не института, то хотя бы академической лаборатории. На встрече с академиком-секретарем Отделения физико-математических наук АН СССР М.А. Лаврентьевым Л.В. Киренский подчеркнул, что речь идет об официальном оформлении уже существующей лаборатории магнетизма при кафедре физики КГПИ. После доклада Л.В. Киренского на бюро Отделения его члены приняли решение о создании самостоятельного института [1, с. 72]. Реализацию решения тормозили оппоненты из числа маститых ученых, которые не скрывали своего скепсиса относительно намерения Л.В. Киренского создать на периферии институт фундаментального физического профиля.

Тем не менее при поддержке академика М.А. Лаврентьева проект Л.В. Киренского начал воплощаться в жизнь. 12 октября 1956 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление об организации Института физики АН СССР в Красноярске. Вестник АН СССР поместил об этом короткую информацию: «В целях содействия развитию производительных сил восточных районов СССР Президиум постановил организовать в городе Красноярске Институт физики Академии наук СССР. Структура Института утверждена в составе четырех лабораторий: физики магнитных явлений, биофизики, дефектоскопии, спектроскопии. Директором Института назначен (с последующим представлением к утверждению Общим собранием) доктор физико-математических наук Л.В. Киренский» [4, с. 99].

Академик И.И. Гительзон, один из первых сотрудников Института физики, отмечал, что академическое учреждение в Красноярске появилось

за полгода до создания Сибирского отделения АН СССР. Это означало, что «институт не просто всплыл на большой волне движения науки на восток, а потребовал огромных усилий»³. Первоначальную основу института составили три лаборатории: физики магнитных явлений (Л.В. Киренский), биофизики (И.А. Терсков) и молекулярной спектроскопии (А.В. Коршунов). Спустя два года была организована лаборатория кристаллофизики (К.С. Александров). Эти подразделения на долгие годы определили тематику Института физики.

Коллектив Института физики формировался в основном из выпускников красноярских вузов. Из КГПИ пришли бывшие аспиранты Л.В. Киренского – А.М. Родичев, М.К. Савченко, Д.А. Лаптей, И.Ф. Дегтярев и др. Когда об открытии института стало известно за пределами Красноярска, приехали несколько выпускников вузов из Томска, Ростова-на-Дону, Москвы и Ленинграда. В их числе был, например, Кирилл Сергеевич Александров – выпускник Ленинградского электротехнического института, будущий академик. Окончив аспирантуру Института кристаллографии, он с 1958 г. связал свою научную биографию с Красноярском. По воспоминаниям ученого, у него было несколько вариантов трудоустройства после аспирантуры, но он предпочел прочим красноярский Институт физики, так как Л.В. Киренский пообещал ему полную свободу выбора тематики исследований [2, с. 117].

В середине 1950-х гг. научная общественность страны активно обсуждала проект академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева и С.А. Христиановича о необходимости «продвижения» науки на восток. На Общем собрании Академии наук СССР в 1957 г. директор Института физики, профессор Л.В. Киренский был назван крупным специалистом по магнетизму и одним из тех, на кого собирались опереться в Восточной Сибири основатели СО АН СССР. На совещании в ЦК КПСС 4 мая 1957 г. Л.В. Киренский представил концепцию научного центра в Красноярске в составе нескольких институтов и университета. «Иногда говорят так: что же вам в Красноярске университет открывать, когда рядом в Иркутске университет. А ведь это “рядом”, как от Москвы до Крыма», – отметил он в своем выступлении [5, с. 47–48, 155].

Организация Сибирского отделения АН СССР породила надежду на активное развитие научного потенциала Красноярского края. В 1957 г. Красноярский крайком КПСС, учитывая перспективы экономического и культурного развития края, просил предусмотреть организацию в Красноярске трех НИИ Сибирского отделения: ядерной физики; цветных металлов; природных соединений. Однако ответ руководителей СО АН СССР удивил своей категоричностью. В нем говорилось, что «в ближайшие 2–3 года будет затруднительно одновременно с созданием 13 инсти-

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 2272. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

³ Гительзон И. К 90-летию со дня рождения академика Леонида Васильевича Киренского.

тутов в Новосибирске создавать еще три института в Красноярске»⁴.

Тем не менее вхождение Института физики в состав Сибирского отделения положительно сказалось на динамике его развития. В 1957 г. Президиум СО АН СССР утвердил новую структуру института в составе десяти лабораторий и определил научные направления: физика твердого тела, биофизика, спектроскопия. Были выделены дополнительные средства на развитие научных исследований, увеличен штат научных работников и объем средств на строительство производственных зданий и жилых домов для сотрудников⁵.

Постепенно академический потенциал города прирастал новыми научно-исследовательскими учреждениями. Кроме Института физики, появился Институт леса, переведенный из Москвы (в Красноярске он получил название Институт леса и древесины СО АН СССР). Открылись академические лаборатории некоторых новосибирских институтов. В 1961 г. численность сотрудников академических учреждений Красноярска составила около 800 чел, в том числе 15 докторов и более 50 кандидатов наук⁶. Перспектива появления в Красноярске филиала АН СССР становилась вполне реальной. В 1960 г. краевые власти выделили под строительство институтов площадку в районе Афонтовой горы. Институт физики по инициативе Л.В. Киренского взял на себя административно-хозяйственные функции по развитию всего красноярского академического комплекса.

Выбор застройки в районе Афонтовой горы Л.В. Киренский объяснял наличием мощного производственного потенциала края и перспектив развития академической науки в Красноярске. Он считал, что Институт физики – лишь «первая ласточка» в долговременной программе формирования академического комплекса, поэтому для размещения будущих институтов нужен территориальный простор. Однако у этого проекта было много противников. Так, комиссия Госстроя и Госплана СССР указала на ошибочность застройки пригородной зоны отдыха зданиями академических учреждений. Городские власти также считали, что строительство зданий института в городской черте даст экономию проектной стоимости, так как отпадет необходимость возведения коммуникационных сооружений. В 1960 г. председатель Красноярского горисполкома П.Г. Сафронов направил жалобу в Президиум СО АН СССР, в которой обвинил Л.В. Киренского в «бросовых затратах» и просил принять меры, «ограничивающие его расточительность»⁷.

Тем не менее Л.В. Киренскому, при поддержке директора Института леса и древесины А.Б. Жукова, удалось доказать, что выбранная для застройки площадка

является наиболее удачным местом для расположения будущего научного городка. При этом Л.В. Киренский не раз упрекал руководителей СО АН СССР в недостаточной поддержке его инициатив и говорил, что «Сибирское отделение не очень стремится развертывать научный комплекс в Красноярске»⁸.

К концу 1962 г. для Института физики были построены два лабораторных корпуса, биологическая станция и два жилых дома для сотрудников. Кадровый состав института насчитывал свыше 320 чел, в том числе 5 докторов и 13 кандидатов наук. Началась подготовка специалистов через аспирантуру. Исследования семи лабораторий велись по 35 темам. Институт вырос в крупное научное учреждение и развернул исследования по физике магнитных явлений, биофизике, молекулярной и эмиссионной спектроскопии, кристаллофизике. Особое значение приобрели исследования по космической биологии⁹.

Несмотря на научные достижения, Институт физики взяли на заметку партийные органы. Проверявшие работу коллектива партийные контролеры сигнализировали, что в институте некоторые молодые сотрудники «ведут себя заносчиво, мнят себя большими теоретиками, будучи аполитичными в суждениях и решениях вопросов». Подозрение вызвала деятельность открывшегося в 1962 г. Клуба ученых города, вдохновителем которого был К.С. Александров¹⁰.

В том же году работу Института физики проверяла комиссия Академии наук во главе с членом-корреспондентом АН СССР С.В. Вонсовским, которая сделала вывод, что институт является крупным и работоспособным научным учреждением в области физики твердого тела и биофизики. Одновременно институту было указано на «мелкотемье» и отсутствие единой тематики¹¹. Как оказалось впоследствии, «мелкотемье» обернулось благом для развития академической науки Красноярска. Институт физики стал своеобразным «инкубатором» для будущих НИИ биофизики, математического и химического профилей.

После участия в работе XXIII съезда КПСС (1964 г.) Л.В. Киренский вернулся в Красноярск буквально окрыленный и, выступая перед общественностью города, подчеркнул, что программа развития производительных сил Красноярского края ставит на повестку дня вопрос о создании научного центра, «который по своему научному профилю не будет дублировать, а разумно дополнять программу исследований Новосибирского научного центра» [1, с. 116]. Он считал возможным уже в ближайшие годы организовать шесть новых НИУ, КБ специального биологического приборостроения, университет.

В числе ближайших задач Л.В. Киренский наметил организацию нового Института оптики и спек-

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 37. Д. 14. Л. 31, 33.

⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 37. Д. 14. Л. 33–34.

⁶ Там же. Д. 87. Л. 38.

⁷ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 13. Д. 12. Л. 39–41.

⁸ Там же. Ф. 5986. Оп. 1. Д. 39. Л. 40.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 87. Л. 38.

¹⁰ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 35. Д. 139. Л. 81–82.

¹¹ Там же. Ф. 5986. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 19–20.

троскопии. Он полагал, что коллектив отдела во главе с А.В. Коршуновым, выросший в Институте физики, созрел для выделения в самостоятельный НИИ. В мае 1967 г. комиссия по спектроскопии АН СССР поддержала предложение Л.В. Киренского и вынесла положительное решение по этому вопросу. Однако председатель СО АН СССР академик М.А. Лаврентьев в ответ на запрос секретаря Красноярского обкома КПСС А.А. Кокарева о возможности создания института пояснил: «низкое качество строительства Института физики и невероятно затянувшееся строительство дороги в Академгородок едва ли содействуют организации еще одного института в Красноярске»¹². Надо полагать, что тем самым академик М.А. Лаврентьев дал понять властям Красноярского края, что они неудовлетворительно выполняют свои обещания «всемерной поддержки развития академического комплекса».

Динамично развивавшиеся новые научные направления Института физики остро нуждались в специалистах. Решение кадровой проблемы осуществлялось и за счет приглашения в Красноярск иногородних специалистов. В 1964 г. при активном содействии профессора П.Г. Конторовича из Свердловска приехала группа математиков. Молодые кандидаты наук В.М. Бусаркин, Ю.М. Горчаков, Л.А. Айзенберг, А.П. Южаков составили ядро математических лабораторий в Институте физики и одновременно приняли активное участие в работе открывшегося в Красноярске в 1963 г. филиала Новосибирского государственного университета [1, с. 117].

Л.В. Киренский считал, что «хороший институт должен, прежде всего, иметь приток молодых сил, и такой приток может дать только университет»¹³. Первый университет в Красноярске, как и первый академический институт, появился в городе благодаря последовательной политике Л.В. Киренского. Филиал НГУ стал готовить кадры по физике твердого тела, биофизике, вычислительной технике и вычислительной математике. В дальнейшем, после преобразования филиала в Красноярский государственный университет (1969 г.), открылись новые кафедры и факультеты, наладившие подготовку специалистов по теоретической физике, химии, биологии и другим специальностям. В настоящее время на основе потенциала Красноярского государственного университета и других вузов Красноярска создан и функционирует один из крупнейших вузов региона – Сибирский федеральный университет.

К концу 1960-х гг. Институт физики СО АН СССР представлял собой многопрофильный НИИ, в двух десятках лабораторий которого велись исследования по магнетизму, физике твердого тела, биофизике. Институт установил международные связи с рядом научных центров, так как директор института Л.В. Киренский работал в составе комиссии по магнетизму

Международного союза чистой и прикладной физики. Он также являлся председателем секции по тонким магнитным пленкам Научного совета АН СССР по физике магнитных явлений. Признанием научно-организационных заслуг Л.В. Киренского стало избрание его сначала членом-корреспондентом (1964 г.), а затем действительным членом (1968 г.) Академии наук СССР. Л.В. Киренский удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда (1969 г.), награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями [3, с. 108–109].

По воспоминаниям академика И.И. Гительзона, в конце 1969 г. в Новосибирске должна была состояться судьбоносная для красноярской науки встреча. Председатель СО АН СССР, академик М.А. Лаврентьев, секретарь Красноярского обкома КПСС В.И. Долгих и директор Института физики академик Л.В. Киренский собирались обсудить вопрос об организации Красноярского научного центра. Однако внезапная кончина Л.В. Киренского 3 ноября 1969 г. на годы задержала это решение¹⁴.

После ухода из жизни Л.В. Киренского Институт физики возглавляли академики И.А. Терсков, К.С. Александров, В.Ф. Шабанов. Ныне его директором является д-р физ.-мат. наук Н.В. Волков. В 2006 г., когда Институт физики СО РАН отмечал свое 50-летие, особо подчеркивалась роль академика Л.В. Киренского в развитии его потенциала. В институте, который носит имя Л.В. Киренского, международное признание получили работы в области исследований структуры и фазовых переходов в кристаллах, изучения физических свойств новых материалов и установления их связи с микроскопическими характеристиками веществ, других направлениях научного знания. Отмечалось также, что именно Институт физики стал тем «краеугольным камнем», вокруг которого вырос красноярский Академгородок¹⁵.

В 1988 г. Красноярский научный центр, о создании которого мечтал Л.В. Киренский, получил организационное оформление. В его составе до реформы РАН 2013 г. действовали институты – физики; биофизики; вычислительного моделирования; леса; химии и химической технологии; СКТБ «Наука» и другие подразделения. Красноярский научный центр СО РАН и входящий в его состав Институт физики, у истоков формирования которых стоял академик Л.В. Киренский, на протяжении нескольких десятилетий динамично развивались благодаря базовым принципам, заложенным в их основание: развитие фундаментальных исследований; передача прикладных исследований производству и усиление инновационного потенциала региона; интеграция науки и образования с целью подготовки кадров для науки, образования, наукоемкого производства.

¹⁴ Гительзон И. К 90-летию со дня рождения академика Леонида Васильевича Киренского...

¹⁵ Чурилов С. На пике свершений // Наука в Сибири. 2006. 19 окт.

¹² Там же. Ф. 26. Оп. 38. Д. 55. Л. 132–133.

¹³ Там же. Ф. 5986. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

В настоящее время Красноярский научный центр СО РАН, как и другие региональные центры, находится на пороге больших перемен, связанных с реструктуризацией научных учреждений в русле проводимой реформы РАН. Исходя из всего опыта формирования и развития региональных научных центров, можно сделать следующий вывод. Академический потенциал, накопленный в Красноярске за шесть десятилетий усилиями таких энтузиастов, как академик Л.В. Киренский, других выдающихся ученых, нельзя разрушать, исходя из сиюминутных конъюнктурных соображений, его следует лишь бережно модернизировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский. 1909–1969. М.: Наука, 1981. 169 с.
2. Леонид Васильевич Киренский / отв. ред. В.Ф. Шабанов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 368 с.
3. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.
4. Об организации Института физики в Красноярске // Вестник АН СССР. 1956. № 12.
5. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск: «Нонпарель», 2007. 376 с.

REFERENCES

1. Chistyakov N.S. Smolin R.P. Leonid Kirensky. 1909–1969. Moscow: Nauka, 1981, 169 p. (In Russ.)
2. Leonid Vasil'evich Kirensky. Executive ed. V.F. Shabanov. Novosibirsk, 2009, 368 p. (In Russ.)
3. Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Personalities. Executive ed. V.M. Fomin. Novosibirsk: Nauka, 2007, 603 p. (In Russ.)
4. On organization of the Institute of Physics in Krasnoyarsk. *Vestnik AN SSSR*. 1956, no. 12. (In Russ.)
5. The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: creation (1957–1961). Collection of documents. Executive ed. Ye.G. Vodichev. Novosibirsk: «Nonparel», 2007, 376 p. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 14.12.2015

DOI: 10.15372/HSS20160116
УДК 94(571.15)+902(571.15)

М.А. ДЕМИН

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.П. УМАНСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Михаил Александрович Демин,
д-р ист. наук, профессор, декан,
Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная 55,
e-mail: mademin52@mail.ru

В статье дается анализ историко-краеведческих работ сибирского историка и археолога А. П. Уманского второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Они представляют интерес для воссоздания творческого пути ученого, а также изучения культурного ландшафта провинциального города в названный период, когда противоречивые тенденции «оттепели» стали проявляться в региональных сообществах Сибири. Установлено, что в работах исследователя середины 1950-х гг. наблюдается смешение собственно научных факторов с идеологическими мотивами. В последующих статьях, рецензиях, методических пособиях и обобщающем труде «Памятники культуры Алтая» постепенно изживаются политические декларации, автор вырабатывает критический подход к некоторым догматическим установкам официальной пропаганды и успешно решает задачи научного и краеведческого характера.

Ключевые слова: Алексей Павлович Уманский, Алтай, эпоха «оттепели», история, краеведение, идеологические установки, научный подход.

M.A. DEMIN

HISTORICAL AND REGIONAL STUDIES OF A.P. UMANSKY IN THE SECOND HALF OF THE 1950s – EARLY 1960s

Mikhail A. Demin,
Doctor of Historical Science, Professor, Dean,
Altai State Pedagogical University,
55, Molodyozhnaya Str., Barnaul, 656031, Russia,
e-mail: mademin52@mail.ru

Studying the early works on regional history written by a well known Siberian historian and archeologist Aleksey Pavlovich Umansky is of particular interest not only for the purpose of reconstructing his scientific career but also for investigating the cultural landscape of a provincial town in the second half of the 1950s-early 1960s, when the contradictory tendencies of the “Thaw” began to manifest themselves in the regional communities.

The scholar’s works written in the middle of the 1950s present a mixture of properly scientific factors with the ideological motives. In further articles, reviews, resource books and in the summarizing work “Cultural Monuments of Altai” the political declarations were gradually overcome; he worked out a critical approach to some dogmatic statements of official propaganda and successfully addressed various problems in his scientific and regional studies.

The immensity of A.P. Umansky’s personality was revealed in his ability to get out of his everyday duties and mobilize his intellectual resources to solve a broader range of problems of his scientific and local lore studies. His transfer from a higher educational institution to school and then to an administrative institution didn’t help to enhance his research activities. However even then A.P. Umansky tried to realize his scientific potential and prepared several popular scientific publications, wrote a number of reviews which, on the one hand, were in line with his work as inspector of the Department of Culture. On the other hand, they can be considered as the first experience of systematizing and summarizing historical sources and working out methods and skills of scientific research as such. The author concludes that A.P. Umansky should be considered a representative of the generation of the Sixtiers in the sense that the new tendencies in social life made it possible for him to form his own nonstandard creative personality free of provincial narrow-mindedness and odious officialism while living far from scientific and cultural centers of the country.

Key words: Aleksey Pavlovich Umansky, Altai, the epoch of the “Thaw”, history, regional studies, ideological statements, scientific approach.

Практика современных историко-антропологических исследований ориентирует на изучение индивидуального сознания и индивидуальной деятельности историка, определение его места и роли в научно-образовательном и социокультурном пространстве региона. Предметное поле, в рамках которого рассматривается поставленная проблема, можно вслед за Л.П. Репиной определить как «историю историографии в человеческом измерении» [1, с. 408].

Ранние историко-краеведческие работы известного историка и археолога Алексея Павловича Уманского представляют интерес не только для реконструкции творческих пути ученого, выявления генезиса и эволюции его взглядов, но и для изучения культурного облика провинциального города эпохи «оттепели».

Научной деятельности А.П. Уманского посвящен ряд статей преимущественно справочно-энциклопедического или юбилейного и мемориального характера. В них наряду с краткими биографическими данными характеризуются его археологические изыскания и труды по истории этнополитических образований Южной Сибири, изданные в 1970–1990-е гг. [2, с. 3–7; 3, с. 126–127; 4, с. 99–102]. Что касается ранних историко-краеведческих работ ученого, то, за исключением «Памятников культуры Алтая», они остаются практически неизвестными современным авторам.

Основными источниками изучения деятельности историка в этот период наряду с его собственными публикациями являются материалы фонда управления культуры Алтайского крайисполкома и специального фонда ученого в Государственном архиве Алтайского края. В настоящей статье рассматриваются историко-краеведческие исследования А.П. Уманского, а его археологические изыскания в силу их специфики и известности в научных кругах оставлены за рамками публикации.

После завершения Великой Отечественной войны А.П. Уманский с отличием закончил в 1947 г. экстернат исторического факультета Барнаульского пединститута, работал здесь же заведующим кабинетом и преподавателем, а затем учителем истории в школе г. Барнаула. С октября 1955 г. по август 1963 г. он трудился старшим инспектором по музеям и охране памятников в управлении культуры Алтайского крайисполкома.

В конце 1955 г. А.П. Уманский пишет рецензию на брошюру «Бийск» директора Бийского краеведческого музея А.К. Короля. Основное значение этой работы он видит в том, что приведенные в ней материалы дают возможность противопоставить социалистический Бийск дореволюционному, показывают превращение заурядного окраинного городка Томской губернии в важный промышленный и культурный центр социалистического Алтая. В рецензии преобладает критика данного краеведческого издания. По словам рецензента, основной недостаток рассматриваемой работы заключается в том, что в очерке отсутствует политическая заостренность, наблюдает-

ся отрыв пропагандистской работы от практики коммунистического строительства, не нашла отражения генеральная линия ЦК КПСС в хозяйственном строительстве в СССР. Серьезную ошибку А.К. Короля он видит в том, что в брошюре история Бийска оторвана от общеполитических событий в стране: не отмечено всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, отсутствует положение о «триумфальном шествии Советской власти», обойдены молчанием съезды Коммунистической партии и пленумы ЦК КПСС 1955 г. Большинство других замечаний А.П. Уманского также касаются не столько конкретных проблем истории Бийска, сколько тех или иных общеисторических сюжетов. Некоторые из них вполне справедливы, другие носят дискуссионный или политизированный характер. В рецензии имеются и явно ошибочные положения: например, об основании русских деревень Касмала и Тюменцево в 1600 и 1601 гг.

Обращает на себя внимание, что уже в одной из своих первых работ А.П. Уманский много внимания уделяет проблеме, которая впоследствии станет центральной темой его научных исследований, – взаимоотношения Русского государства и его населения с предками алтайцев в XVII–XVIII вв. Рецензент справедливо упрекает автора брошюры в преувеличении кровопролитности борьбы алтайцев с русскими, опираясь на источники, корректирует его высказывания по поводу походов в устье Чумыша отряда Пушина и к Телецкому озеру – Собанского¹.

В том же 1955 г., видимо по заказу краевого издательства, А.П. Уманский пишет еще одну рецензию – на главу «Археологические и историко-этнографические исследования» рукописи М.Ф. Розена «Обзор исследований Алтая». Автор книги был выслан в 1942 г. на Алтай и работал инженером-геологом на золотодобывающих предприятиях Змеиногорска и Бийска [5, с. 106–109]. По заключению рецензента, очерк не отражает достижений советской археологии, истории и этнографии, выдавая за последнее слово науки явно ошибочные или устаревшие положения. Главный недостаток этого труда А.П. Уманский видит в том, что М.Ф. Розен рекомендует читателям «недоброкачественные исследования» с марристскими ошибками и сам разделяет стадильную теорию и другие ошибочные положения учения о развитии языка Н.Я. Марра. К таким «недоброкачественным исследованиям», в которых «особенно упорно» отстаивалась ошибочная теория Марра, рецензент относит, прежде всего, труды видного советского археолога С.И. Руденко. По его мнению, тезис Руденко о «скифском мире», основанном не на языковой общности, а на единстве хозяйства и культуры, противоречит учению И.В. Сталина о путях развития языка и «тянет советскую археологию назад, к Ростовцеву и Марру от ясных марксистских

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-16.

положений т. И.В. Сталина». А.П. Уманский упоминает и о марристских ошибках в ранних работах С.В. Киселева, Л.П. Потапова, М.П. Грязнова. Правда, в этом случае он не критикует маститых исследователей, а обрушивается на М.Ф. Розена за то, что тот разделяет их прежние заблуждения, в частности, в противоречии с эволюционной концепцией признает «бурный процесс» этногенеза, что, по мнению рецензента, воспроизводит «давно высмеянную т. И.В. Сталиным» марристскую теорию взрывов и скачков в развитии языка.

Второй крупной ошибкой рецензируемой рукописи А.П. Уманский считает объективизм. Он проявляется, по мнению рецензента, во-первых, в том, что М.Ф. Розен не дает политической оценки научным взглядам дореволюционных исследователей, таких как «расист В.В. Радлов», а отмечает большое значение их работ. Во-вторых, он не подчеркивает приоритет советских ученых в разработке вопросов истории, археологии и этнографии Алтая, а придерживается идеи о преемственности дореволюционной и советской науки. Кроме того, М.Ф. Розен обходит стороной финскую теорию о «Великой Финляндии», а надо было ее «решительно разгромить». В-третьих, вслед за Л.П. Потаповым Розен обеляет деятельность православной миссии на Алтае, не говорит о насильственном характере христианизации алтайцев и истинных целях царизма. Общий вывод рецензента следующий: «Идейно-политический уровень работы низок, методологическая основа имеет серьезные прорехи... Архитектоника главы неправильна. Считаю издание данной главы нецелесообразным»².

В настоящее время трудно судить, что подвигло молодого исследователя написание столь резких рецензий с политическими обвинениями в адрес своих оппонентов. Думается, что причину нужно искать в общей ситуации в стране, сложившейся в эпоху позднего сталинизма, когда вся мощь идеологической машины была направлена на формирование единомыслия, пресекались любые попытки в творческих или научных поисках выйти за рамки официальных теоретических догм, в дискуссиях преобладали жесткие однозначные формулировки в духе «Краткого курса». Отмечая политизированность рассмотренных выше рецензий, смешение собственно научных факторов с идеологическими мотивами, обратим внимание на хорошую осведомленность А.П. Уманского в области археологии и этнографии Алтая, знакомство с современными исследованиями. Покинув вуз, он продолжал следить за научными новинками, подготовился и сдал экзамены кандидатского минимума, видимо, не оставляя мысли о будущей научной деятельности.

Рассмотрим собственные краеведческие труды А.П. Уманского, подготовленные в период его работы в управлении культуры крайисполкома. Брошюры методического характера «Как провести по-

ход по памятным местам Гражданской войны» (1957) и «По партизанским тропам Алтая (маршруты для юных туристов)» (1959), несмотря на политическую актуальность тематики, содержат не столько общие положения о «титанической борьбе трудящихся Алтая за новый мир, за власть Советов», сколько конкретный краеведческий материал об этих исторических событиях. А.П. Уманский нацеливает школьников на поисковую творческую деятельность: записи воспоминаний и биографий партизан, выявление забытых братских могил и фамилий погибших участников Гражданской войны, фотографирование исторических личностей, зданий, мест боев, остатков фортификационных сооружений. Особое внимание во время движения по маршруту, подчеркивает автор брошюр, следует уделять проверке состояния историко-революционных памятников, проведению небольшого ремонта и покраски оградок и обелисков, подновлению надписей, поправке могильных холмов и пр.

Большой фактический материал обобщен А.П. Уманским в брошюре «По памятным местам Барнаула (1917–1919)», вышедшей в 1957 г. В первом разделе издания содержится краткое описание памятников и памятных мест Барнаула, связанных с революционными событиями и Гражданской войной – «следов великой битвы трудящихся за свое освобождение от капиталистического рабства». Во втором разделе приводятся биографические сведения о видных деятелях большевистской партии, революции и Гражданской войны на Алтае, чьи имена названы улицы Барнаула. Молодой автор блестяще справился с обобщением нового для себя материала и уверенно проявил себя в историко-краеведческой тематике революционного времени. Позже в полемической заметке ученый настаивал на том, что именно к этой работе восходят последующие исследования по памятникам истории и культуры Барнаула и названиям улиц города. В какой-то мере можно согласиться с его утверждением, но с одной существенной поправкой: брошюра «По памятным местам Барнаула (1917–1919)» посвящена исключительно памятникам и деятелям эпохи революционных потрясений и с учетом времени издания носит в большей степени пропагандистский, а не научный или просветительский характер.

Значительно более масштабной и значимой является работа А.П. Уманского «Памятники культуры Алтая», выпущенная в 1959 г. Алтайским книжным издательством тиражом 3000 тыс. экз., объемом около 13 печатных листов. Новаторство книги состояло уже в том, что в ней рассматривались различные виды материальных объектов: памятники археологии, архитектуры, фортификационные и производственные сооружения, историко-революционные памятники, предметы изобразительного и прикладного искусства. Причем почти половину объема работы занимает археологический раздел, что редко встречалось в изданиях такого рода. Изложение этой части книги строится преимущественно на основе тру-

² ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–30.

дов известных советских археологов – С.В. Киселева, М.П. Грязнова, Г.П. Сосновского, С.И. Руденко и Л.А. Евтюховой. В работе приводятся сведения о раскопках местных исследователей Б.Х. Кадикова, С.М. Сергеева, М.Д. Копытова, а также данные о курганных погребениях и поселениях, выявленных самим автором (главные археологические открытия А.П. Уманского были еще впереди). Впервые в книге, если не считать газетных публикаций, дано описание его раскопок у с. Иня в 1951 г. с рисунками отдельных категорий инвентаря.

В разделах о памятниках архитектуры и русско-го крепостного строительства А.П. Уманским широко использованы копии материалов из Государственного архива Алтайского края, имевшихся в краевом управлении культуры. Эти части книги во многом носили оригинальный авторский характер. Менее основательно освещены исторические и историко-революционные памятники края. В них большое место занимают общеисторические сведения о революционных событиях и Гражданской войне на Алтае. Полностью выпали из работы памятники истории и культуры Бийска, шедевры деревянного зодчества и культовые сооружения, зато специальный подраздел посвящен предметам изобразительного и прикладного искусства.

По сравнению с рассмотренными выше брошюрами по памятным местам Гражданской войны в Барнауле в книге приглушена пропагандистско-политическая направленность. Только раздел об историко-революционных памятниках по-прежнему насыщен такими определениями врагов советской власти: «белобандиты», «палачи», «каратели», «кровавый адмирал» и пр. Завершается книга лозунгом в духе того времени: «Никогда не смолкнет в веках слава великой битвы за закрепощение трудящихся, начатой в 1917 г. в нашей стране под руководством Коммунистической партии!». Основной текст работы почти полностью лишен официальных идеологических штампов, содержит нейтральную профессиональную характеристику соответствующих материальных объектов. Более того, сама структура работы, в которой значительно преобладает описание памятников археологии, архитектуры и истории дореволюционного времени, свидетельствует о том, что в основу работы положены научные, а не политические принципы. Достаточно смело для издания, рассчитанного на массового читателя, звучало утверждение о том, что все скульптуры Алтайского края, изображающие руководителей коммунистической партии и советского государства, а также выдающихся деятелей советской культуры, «не представляют собою оригинальных произведений и поэтому не имеют значения памятников». Эта констатация не сопровождалась обычным для той эпохи пиететом к указанным объектам и славословием по поводу необходимости особого к ним отношения.

Выход в свет «Памятников культуры Алтая» имел существенное значение для обобщения источников и активизации региональных исторических исследо-

ваний. Многочисленные последующие путеводители, буклеты, краевые, городские и районные обзоры памятников, охранные сборники опираются на труд своего предшественника. Более того, книга в какой-то мере стала отправной точкой для специальных исследований в области археологии, архитектуры и истории культуры Алтая.

За время работы в управлении культуры А.П. Уманский, видимо, не раз убеждался, что отношение широких слоев населения к историческим памятникам тесно связано с развитием краеведческого движения. Это заставило его выступить с программной статьей «О некоторых вопросах развития краеведения на Алтае», которая была опубликована в 1961 г. в «Алтайской правде» под названием «Всемерно развивать краеведение». Основное внимание в ней он уделил проблемам и перспективам краеведческой работы в Алтайском крае. Одним из главных факторов, сдерживающих развитие краеведческого движения, по его мнению, является разобщенность краеведов, многие из которых действуют в одиночку, не будучи связаны с каким-либо учреждением или обществом. По убеждению автора статьи, настало время для организационного оформления общественного краеведения на Алтае. С этой целью он предлагал создать при краевом и районных Советах депутатов трудящихся советы по краеведению. Они должны подготовить и провести краевую конференцию с целью учредить краеведческое общество.

По мысли А.П. Уманского, безотлагательно следует осуществлять сбор воспоминаний ветеранов Октябрьской революции и Гражданской войны, поскольку непосредственные участники событий уходят из жизни, а официальные документы неравномерно освещают отдельные этапы этих явлений. Особую важность «в деле коммунистического воспитания подрастающего поколения строителей коммунизма» имеет школьное краеведение. По заключению автора статьи, краеведческие кружки должны быть созданы во всех школах, техникумах, вузах. Несмотря на использование официальной терминологии того времени, лозунга «Краеведение – на службу семилетке» акцент в деятельности юных краеведов А.П. Уманский делает не на идеологических мотивах, а на практической работе по изучению истории родных городов и сел, на сборе материалов для музеев, шефстве над могилами, охране природы, памятников истории и культуры³.

Таким образом, наряду с обоснованием значимости краеведческих изысканий А.П. Уманский формулирует ряд конкретных практических задач, которые необходимо было решать в условиях возрождения краеведческого движения в нашей стране. Некоторые из них вскоре стали воплощаться в жизнь, другие – реализовываться в рамках созданного в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, третьи – ждали своей очереди до органи-

³ ГААК. Ф. Р- 1820. Оп. 1. Д. 117. Л. 42–47.

зации в 1989 г. Алтайской краеведческой ассоциации и освобождения краеведения от идеологического давления в эпоху перестройки. Многие из поставленных им задач и сейчас не потеряли своей актуальности.

О повышении научного уровня исследований А.П. Уманского свидетельствует его рецензия 1959 г. на рукопись монографии маститого алтаеведа, заведующего Ленинградским отделением Института этнографии Л.П. Потапова «Происхождение алтайцев (историко-этнографический очерк)». В отличие от предшествующих отзывов середины 1950-х гг. рецензия лишена политических деклараций, а содержит взвешенный научный анализ монографии. А.П. Уманский к этому времени уже определил историю телеутов как одну из главных тем собственных научных исследований, начал сбор архивных материалов. Тем не менее по тексту рецензии видно, насколько трудно было ему вникнуть в сложнейшие проблемы этногенеза и этнической истории народов Саяно–Алтая, освоить специальную терминологию, включая многочисленные названия этнотерриториальных и этнородовых групп. Он, прежде всего, отдает должное научным заслугам Л.П. Потапова. По мнению А.П. Уманского, автор «Происхождения алтайцев» является крупнейшим знатоком в отечественной и мировой науке этнографии тюркоязычных народов, обладает «блестящей эрудицией», строит изложение на широком историческом фоне. При этом А.П. Уманский не счел нужным замалчивать, что в первом издании «Очерков по истории алтайцев» автор основывался на марристовской схеме, а во втором – явно переоценил значение лингвистических работ И.В. Сталина. Однако, по эмоциональному заявлению рецензента, в этом «нет и не может быть вины Л.П. Потапова, это – его беда, беда всей исторической науки».

Замечания А.П. Уманского связаны главным образом с освещением в рукописи древнейших этапов этногенеза алтайцев. По его мнению, в книге четко не определена нижняя граница этого процесса, не использованы археологические и антропологические источники хуннской и скифо-сарматской эпох. В связи с этим А.П. Уманский высказывает интересную мысль о том, что районирование археологических памятников с учетом различных хозяйственных укладов может способствовать пониманию особенностей культуры разных групп северных и южных алтайцев. Он считает важным также проследить изменения в их физическом типе и выявить факторы, влиявшие на этот процесс⁴.

В 1959 г. совместно с начальником управления культуры крайисполкома К.С. Владимирским А.П. Уманский подготовил рецензию на очерк А.Я. Пасынкова «Боевые годы» о партизанском движении в Горном Алтае. Как и в предыдущих рецензиях, здесь также говорится о необходимости повышать «политическую заостренность» публикаций на историческую тему. Однако данный фактор не подчеркива-

ется, напротив, отмечается, что история не нуждается ни в улучшении, ни в ухудшении, что она не является «политикой, обращенной в прошлое», и автор не должен допускать приукрашивания или очернения исторических событий и деятелей, какими бы «благонамеренными политическими соображениями при этом он ни руководствовался». Рецензенты выступают за пересмотр негативного образа Г.И. Гуркина, указывают на то, что не следует завышать количество большевистских партийных организаций на селе в годы Гражданской войны, переоценивать уровень сознательности крестьян в тот период, писать о «патриотическом энтузиазме» крестьян, сражавшихся с белыми, поскольку боролись они со своими соотечественниками⁵. Подобные высказывания еще несколько лет назад были немислимы в силу ряда политических и идеологических факторов, тем более в официальном документе работников советского аппарата. Появление этих оценок свидетельствует о постепенном преодолении А.П. Уманским догматизма и схоластики предшествующей эпохи.

О зрелости А.П. Уманского как историка, понимании им коренных пороков советской историографии сталинского периода свидетельствует его рецензия 1963 г. на рукопись книги «Алтайский край в период упрочения и развития социалистического общества (1937 – июнь 1941 года)». По его мнению, авторы работы оказались в плену официальных источников того времени (партийных документов, статистики, прессы), для которых характерны такие болезни периода культа личности, как «приукрашивание действительности, очковтирательство». Это касалось материалов, связанных с социалистическим соревнованием и стахановским движением, культпросветработой, торговлей, борьбой с бюрократизмом, принятием новой Конституции и др. В целом, по словам рецензента, следовало писать скромнее, «без барабанного боя», показывая действительные успехи края в рассматриваемый период. По его заключению, работа насыщена официальными шаблонами сталинской эпохи, переполнена малозначительным цифровым материалом, написана «суконным» языком, который «отвращает от чтения», и в данном виде непригодна для печати⁶.

Масштабность личности А.П. Уманского проявляется в его умении выйти за рамки повседневных служебных обязанностей и мобилизовать свои интеллектуальные ресурсы на решение более широкого круга задач научного и краеведческого характера. Переход из вуза в школу, а затем в управленческую структуру, конечно, не способствовал активизации исследовательской деятельности. Однако и в этих условиях А.П. Уманский стремился реализовать свой научный потенциал и подготовил несколько научно-популярных изданий, написал ряд рецензий и отзывов, которые, с одной стороны, находились в русле

⁴ ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 138. Л. 66–72.

⁵ Там же. Д. 136. Л. 46–58.

⁶ Там же. Л. 80–89.

его служебной деятельности как инспектора управления культуры, а с другой – их можно рассматривать как первый опыт систематизации и обобщения источников и наработку методов и навыков уже собственно научных изысканий. Наличие официальных политических мотивов и пропагандистских пассажей в его ранних работах вполне объяснимо с учетом масштабов идеологической обработки населения в послевоенный период. А.П. Уманского, на наш взгляд, можно отнести к поколению «шестидесятников». Новые тенденции в общественной жизни позволили ему в условиях удаленности от научных и культурных центров страны сформироваться как яркой нестандартной творческой личности, свободной от провинциальной зашоренности и одиозного официоза. В весьма короткие сроки он выработал критический подход к ряду догматических установок официальной пропаганды, стал разграничивать научные и политические оценки исторических явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
2. Демин М.А. 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Барнаульского государственного педагогического университета А.П. Уманского // Уманский А. П. Три четверти века : сб. материалов к 75-летию со дня рождения. Барнаул, БГПУ, 1998. С. 3–7.
3. Демин М.А. А. П. Уманскому – 80 лет // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование. 2003. № 3. С. 126–127.
4. Демин М.А. 90 лет со дня рождения историка, археолога А.П. Уманского (1923–2005) // Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2012. С. 99–102.
5. Бородаев В.Б. Выдающийся краевед // Алтайский сборник. Барнаул, 1991. Вып. XIV. С. 106–109.

REFERENCES

1. Repina L.P. Historical Science at the turn of the XX–XXI centuries. Social Theories and Historiographical Practice. Moscow: Krug, 2011, 560 p. (In Russ.)
2. Demin M.A. The 75th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor of the Barnaul State Pedagogical University A.P. Umansky. *Umansky A.P. Tri chetverti veka: sb. materialov k 75-letiyu so dnya rozhdeniya*. Barnaul: BGPU, 1998, pp. 3–7. (In Russ.)
3. Demin M.A. A.P. Umansky is 80. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser: Kultura, nauka, obrazovanie*. Novosibirsk, 2003, no. 3, pp. 126–127. (In Russ.)
4. Demin M.A. The 90th Anniversary of a Historian and Archeologist A.P. Umansky (1923–2005). *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat*. Barnaul, 2012, pp. 99–102. (In Russ.)
5. Borodaev V.B. Outstanding local historian. *Altaysky sbornik*. Barnaul, 1991, vyp. XIV, pp. 106–109. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.12.2015

DOI: 10.15372/HSS20160117
УДК 069(5)

О.Н. ТРУЕВЦЕВА

**ФОРМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ МУЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(КОНЕЦ XIX – ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI в.)**

Ольга Николаевна Труевцева,
д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой,
Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55,
e-mail: truevtseva@yandex.ru

В статье дается анализ исторического опыта становления, развития и деятельности общественных организаций, оказывающих помощь музеям. В настоящее время проблема поддержки музейной деятельности общественностью носит глобальный характер. Особое место в системе публичной поддержки музеев занимает авторитетная общественная организация – Международный совет музеев (ИКОМ), созданный в 1946 г. Он объединяет 35000 музеев, действующих в 137 странах мира. Основное внимание автор уделяет истории создания одного из структурных подразделений ИКОМ – Комитета музеологии (ИКОФОМ).

Ключевые слова: музей, Международный совет музеев (ИКОМ), Комитет музеологии (ИКОФОМ), Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК), культурное наследие, музейная коммуникация, гражданское общество.

O.N. TRUEVTSEVA

**FORMS AND RESULTS OF ACTIVITIES
OF INTERNATIONAL MUSEOLOGICAL ORGANIZATIONS
(LATE XIX – SECOND DECADE OF THE XXI CENTURIES)**

Olga N. Truevtseva,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department,
Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russia,
e-mail: truevtseva@yandex.ru

The purpose of the article is to show the role of museum associations in development and improvement of museums' activities. Since the museums have opened their doors to the public, they have required public support: material, intellectual and spiritual. As a natural and integral part of our social environment, museums have developed together with the society, constantly expanding their functions. Being aware of the role of cultural heritage in ensuring sustainable development, the modern society increasingly complicates the tasks of the museum and actively participates in their solution. Public associations play an important role in social interaction with museums. The first non-governmental organizations, the so-called "Association of Museums" created solely for the support of museum institutions, appeared in the late XIX century in England, the USA, Germany, Czech Republic, Sweden and other countries. Public associations have greatly contributed to the improvement of various activities of museums, interaction of museum professionals with representatives of various spheres of activity interested in preservation of cultural heritage. Today the problem of public support for museum activities is of global character. A special place in the system of public support of museums is occupied by an authoritative public organization - the International Council of Museums (ICOM), created in 1946 within the structure of UNESCO. ICOM unites 35000 museums in 137 countries, 115 national committees, 31 International Committees, more than 30 thousand individual and collective members. The article focuses on the history and development of one of the structural units of ICOM - Committee for Museology (ICOFOM). Analysis of the Committee's experience shows that the development of national museums is greatly enriched by the exchange of information, the study of international experience of museums. Intercultural dialogue contributes to the search for new forms and technologies of preservation of cultural heritage.

Key words: museums, International Council of Museums (ICOM), Committee for Museology (ICOFOM), the Committee for Museology in Asia and Pacific (ASPAC), cultural heritage, Museum communication.

Сегодня в мире нет ни одной страны, не имеющей своих музеев. Государство и гражданское общество заинтересованы в развитии этого важного института социальной памяти. Взаимоотношения музея и общества в исследовательской практике изучаются чаще всего с точки зрения того, что музей дает обществу, насколько он адекватен общественным вызовам, насколько эффективно выполняет ту или иную функцию. Однако, на наш взгляд, очень важно внимательно рассмотреть «обратную сторону медали»: насколько глубоко общество осознает место и роль музеев в нашей жизни, как оно мотивирует государственные организации, представителей бизнеса к осуществлению поддержки музеев; насколько эффективна деятельность общественных объединений в музейной сфере.

Общественные объединения, заинтересованные в развитии музеев, появились еще в конце XIX в. Первая «Ассоциация музеев» была основана 1889 г. в Великобритании [1]. В 1893 г. музейное сообщество оформилось в Австро-Венгрии [2]. В 1906 г. была создана Американская ассоциация музеев, одновременно образовалась Ассоциация музеев Северной Америки. К концу XIX в. появляются специализированные организации, основанием к объединению которых являлась необходимость решать проблемы, связанные, например, с защитой объектов искусства и культуры против подделок и незаконных продаж и вывоза. Одной из таких организаций стала Ассоциация руководителей музеев, объединившая руководителей крупных европейских музеев.

В конце XIX в. помощниками музеев были и такие общественные организации, как Друзья музеев. Особую известность получила, к примеру, Федерация содействия Северному музею в Швеции, основанная в 1880 г. [3].

В XX в. процесс создания такого рода общественных организаций был продолжен. В 1905 г. была образована Американская ассоциация музеев, в 1915 г. – Скандинавский музейный союз, в 1917 г. – Союз немецких музеев в Бонне, в 1923 г. – Музейное общество земли Баден-Вюртемберг. В 1922 г. организована Ассоциация хранителей публичных коллекций Франции [4].

Деятельность ассоциаций и обществ была направлена на обеспечение неформального общения ученых и специалистов, коллекционеров и меценатов, установление международных контактов, поддержку издательской деятельности, проведение научных исследований и экспедиций, комплектование и научную обработку коллекций, создание новых музеев. Образцом бескорыстия и самоотверженности является деятельность созданного в России в 1918 г. Общества друзей Исторического музея. Его добровольцы в течение года охраняли здание главного исторического музея страны от разграбления во время революционных потрясений и Гражданской войны [5].

В 1927 г. Международная комиссия по культурному сотрудничеству при Лиге наций основала Международное бюро музеев – общественную организацию,

которая стала заниматься распространением научных знаний, координацией исследований, осуществлять всестороннюю поддержку музейного дела, изучать проблему усиления милитаризации в мире и ее опасности для сохранности музейных коллекций. Первоначально в составе этого бюро были лишь представители Англии, Италии, Германии, но с 1931 г. в него вступили также выдающиеся музейные деятели из США и Японии. Журнал «Мусейон», который выходил с апреля 1927 г. на французском языке, распространялся во многих странах мира.

После окончания Второй мировой войны Международное бюро музеев в ноябре 1945 г. при содействии ЮНЕСКО было преобразовано в Международный совет музеев (ИКОМ), который стал массовой международной организацией, активно участвующей в формировании межгосударственной политики, направленной на сохранение мирового культурного наследия, формирование международного музейного сообщества. Национальные и международные комитеты, входящие в структуру ИКОМ, являлись проводниками идей этой неправительственной общественной организации в разных регионах мира. Одним из крупнейших и авторитетных структурных подразделений ИКОМ является Комитет музеологии (ИКОФОМ), организационно оформленный в мае 1977 г., на 34-й сессии Консультативного комитета Международного совета музеев.

Важным средством достижения цели и реализации программ ИКОФОМ является проведение ежегодных симпозиумов – авторитетной площадки для открытых дискуссий и обсуждения актуальных вопросов музеологии. К участию в дискуссиях приглашаются теоретики и практики музейного дела, специалисты-эксперты из различных областей знаний с целью сохранения мирового культурного наследия.

Важно подчеркнуть, что научные дискуссии, организованные ИКОФОМ, всегда являются публичными, транслируются через средства массовой информации. Комитетом музеологии было организовано и проведено в разных странах мира более 40 симпозиумов (см. таблицу). Анализ тем симпозиумов показывает, что в них нашли отражение актуальные проблемы современной музеологии: теория коммуникации (1991, 1994, 1995, 2002 и 2011 гг.); коллекционирование (1984, 1985, 1994, 1997 гг.); проблемы наследия (1990, 2006, 2004, 2010 гг.); музеология и культурная самобытность (1986 г.); музеология в развивающихся странах (1988); прогноз как инструмент музеологии; музеология и футурология (1989). Неоднократно темой симпозиумов становилась проблема влияния глобализации на сохранение и популяризацию культурного наследия. Географические рамки деятельности Комитета охватывали страны Европы, Азии, Америки.

Необходимо подчеркнуть, что впервые содержание научных дискуссий было опубликовано на страницах журнала «Museological working papers» (MUWop) («Рабочие материалы по музеологии»), вышедшего в свет в 1980 г. под редакцией Виноша Софки и сра-

Ежегодные симпозиумы ИКОФОМ

Год	Тема дискуссии	Место проведения
1978	Возможности и ограничения в научных исследованиях, типичные для музеев	Польша
1979	Социологические и экологические аспекты в деятельности музеев	Республика Чехословакия
1980	Теория систем в музеологии	Мексика
1981-1982	Систематика и интердисциплинарность музееведения	Франция
1983	Музеи – территория – общество. Новые практики, новые тенденции	Англия
1984	Коллекционирование сегодня – для будущего	Нидерланды
1985	Оригиналы и копии в музеях	Югославия
1986	Музеология и подлинность	Аргентина
1987	Музеология и музеи	Финляндия
1988	Музеология и развитие стран	Индия
1989	Прогнозирование – инструмент музеологии	Нидерланды
1990	Музеи и сохранение наследия	Замбия
1991	Язык выставок	Швейцария
1992	Музеи, музеология, исследования	Канада
1993	Музей и власть	Греция
1994	Объект – документ	Китай
1995	Музей и общество	Норвегия
1996	Музеология и искусство	Бразилия
1997	Музеология и память	Франция
1998	Музеология и глобализация	Австрия
2001	Изменения в менеджменте: музеи перед лицом экономических и социальных проблем	Испания
2002	Реальное и виртуальное в музеях	Эквадор
2003	Музеология как основа единства и культурного разнообразия	Россия, Барнаул
2004	Музеология и нематериальное наследие	Южная Корея
2005	Музеология и история: поле знаний	Аргентина
2006	Музеология и дефиниции	Канада
2007	Музеи, музеология и универсальное наследие	Австрия
2008	Музеи, музеология и глобальные коммуникации	Россия-КНР
2009	Музеология – возвращение к истокам	Бельгия
2010	Музеи за социальную гармонию	КНР
2011	Диалогизм и опыт посетителя	Тайвань
2012	Музеи и посетитель: процесс, прогресс и протест	Тунис
2013	Специальный посетитель: каждый из нас	Бразилия
2014	Новые тенденции в музеологии	Франция
2015	Музеи–библиотеки–архивы	Япония

зу ставшего бестселлером среди специалистов. Это был первый фундаментальный труд ученых из разных стран мира в области музеологии. В свет вышли только два номера журнала, он был признан форумом ИКОФОМ для дискуссий на теоретическом и методологическом уровне, получил положительные отзывы профессионалов.

К сожалению, финансовые трудности не позволили организовать его регулярный выпуск [6]. С 1983 г. материалы дискуссий публиковались в журнале «ICOFOM Study Series» (ISS) – сборнике материалов симпозиумов, которые являются главным научным изданием ИКОФОМ, местом для научных дискуссий теоретиков и практиков музейного дела. Последовательные выпуски «Исследовательской серии ИКОФОМ» являются

ценным источником информации, которая используется и вне контекста исходных симпозиумов – в учебниках по разным музейным дисциплинам, монографиях, научных статьях. Статьи переведены на многие языки мира [7]. В 1981 г. ИКОФОМ начал выпускать информационный бюллетень «Новости музеологии», призванный информировать членов Комитета о событиях в жизни организации. Все издания членам Комитета предоставлялись бесплатно [8].

Комитет участвовал в организации музеологических выставок, которые давали обзор соответствующих музеологических публикаций со всего мира. Подобные выставки были организованы во время Генеральных конференций ИКОМ в 1986 и 1989 г. [9]. Итогом многолетней научно-исследовательской дея-

тельности Комитета музеологии является капитальный труд, изданный в 2011 г. во Франции [10]. Таким образом, за 40 лет активной деятельности была заложена солидная база для дальнейшего признания музеологии в качестве академической дисциплины, перспектив развития Комитета, который был официально признан в качестве главной площадки для международной музеологической дискуссии. Материалы симпозиумов и семинаров, публикации широко используются работниками музеев разных стран мира. Их значение неоспоримо, даже несмотря на ограниченный тираж публикаций. Привлечение членов ИКОФОМ к участию в конференциях по теории музеологии, организованных национальными и международными организациями, способствовало распространению идей, разработанных Комитетом.

И это был не единственный канал обращения музеологов к музейным практикам. В 1987 г. под эгидой ИКОМ в Брно на базе Университета Массарика была организована международная летняя музеологическая школа. Первым директором этой школы стал известный музеолог Збигнев Странский. С 1988 г. школу возглавил Винош Софка.

В отличие от других учебных заведений, осуществлявших краткосрочное обучение музейных работников, программа школы в Брно предусматривала широкую музеологическую подготовку, базирующуюся на инновационных подходах к музейной практике. Имея в виду, что большинство слушателей обладали достаточно богатым и разнообразным опытом практической работы, преподаватели школы ставили своей целью не только ознакомление с современными методами музейной работы, но в первую очередь развитие международного сотрудничества, обмен опытом, формирование интернационального музеологического мышления, ориентированного на осмысление практики с точки зрения цивилизационных вызовов современной жизни. В ходе дискуссий, коллоквиумов слушатели обменивались не только методами музейной деятельности, но и сложившимися в разных странах подходами к сохранению и воспроизводству историко-культурного наследия. Дискуссии, как правило, продолжались участниками школы и после обучения в школе [9].

Социальное значение школы заключалось в том, что ее выпускники становились носителями и пропагандистами новой музеологической идеологии, ориентированной на общегуманитарные ценности и потребности общества. Международная летняя музеологическая школа в Брно просуществовала до 1999 г. Причина свертывания ее деятельности была обусловлена финансовыми трудностями. Однако ее идеи и принципы обучения оказались не только востребованы, но и реально воплотились в других странах, таких как Германия, Россия, Бразилия, Тайвань.

Важной особенностью деятельности ИКОФОМ является постоянное расширение сферы деятельности за счет вовлечения в нее периферийных, региональных музейных учреждений через организацию своих тер-

риториальных представительств. Так, в 1996 г. в Бразилии был организован Комитет музеологии стран Латинской Америки (ИКОФОМЛам /ICOFOMLam), в 2003 г. в Сибири – ИКОФОМСиб, а в 2009 г. – Комитет музеологии Китайской Народной Республики. Региональные комитеты существенно расширили возможности международного сотрудничества для музейных профессионалов.

Решение о создании регионального Комитета музеологии в Сибири было утверждено в 2004 г. в Сеуле, на XX Генеральной конференции ИКОМ. Работники музеев Сибири, ученые различных специальностей активно включились в работу Комитета музеологии. Ежегодно стали проводиться симпозиумы, научные конференции, музеологические школы, развивалась издательская деятельность. Значительным событием в деятельности международного музейного сообщества и музеев Сибири стало проведение XXXI ежегодного симпозиума Комитета музеологии по теме «Музеи, музеология, глобальные коммуникации» в 2008 г. в двух странах – Российской Федерации и Китайской Народной Республике. В работе этого симпозиума в Китае приняло участие более 200 специалистов из 18 стран мира. Российские специалисты получили уникальную возможность познакомиться с работой национальных и локальных музеев Китая. В работе симпозиума приняли участие 25 практических работников музеев и музеологов из разных городов Сибири [11].

В 2009 г. Ежегодный симпозиум Комитета музеологии Сибири был организован в столице Тайваня – г. Тайпее. В последующие годы ежегодные международные симпозиумы проводились в Барнауле, Улан-Удэ, Улан-Баторе, Шанхае, Туниси, Париже. Своей деятельностью Комитет музеологии Сибири способствовал развитию основных направлений деятельности ИКОМ, укреплению международного сотрудничества.

Особенно активно сотрудники музеев Сибири, студенты и школьники участвуют в международных музеологических школах. С 2005 г. Международная музеологическая школа Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона проводится ежегодно. В качестве преподавателей выступают известные российские и зарубежные музеологи. В Сибири летние музеологические школы проводятся Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона совместно с учреждениями дополнительного образования, муниципальными музеями, высшими учебными заведениями. Постоянными членами ИКОФОМСиб и организаторами проведения школ являются Институт истории СО РАН, Научный совет по музеям СО РАН.

В 2012 г. международная музеологическая школа была организована профессором Хильдегард Виерегг в музеях г. Мюнхена. В 2014 г. Международная музеологическая школа работала на Тайване. Слушателям была предоставлена уникальная возможность познакомиться с опытом работы лучших музеев Тайваня. В том же году при поддержке Института истории СО

РАН был реализован новый проект «Актуализация культурного наследия в странах Азии», в рамках которого музеологические школы были проведены в семи музеях четырех стран. Территориальные рамки проекта включали семь городов Казахстана, России и Монголии, Китая. В проекте участвовала международная группа из России, Германии, Тайваня, Кыргызстана, Казахстана, Монголии. Более 700 специалистов музеев, туристических фирм, студентов стали участниками школы и получили возможность познакомиться с опытом работы лучших музеев разных стран мира, непосредственно пообщаться с высококвалифицированными специалистами музейного дела [12].

Весьма важным аспектом деятельности Комитета в рамках музеологических школ является и возможность для экспертов Комитета музеологии глубже познакомиться с деятельностью провинциальных музеев, которые располагают ценными коллекциями, раскрывающими этническое богатство культурного наследия народов различных стран мира. Выставочные проекты демонстрировались в Казахстане, Китайской Народной Республике, Тайване.

За 12 лет работы региональным Комитетом АСПАК подготовлены два справочника, 12 сборников научных конференций, пять коллективных монографий, реконструирована история Комитета музеологии.

Многолетняя деятельность Комитета музеологии и его региональных организаций способствует укреплению взаимодействия ученых и специалистов разных отраслей знания, распространению научных знаний в области теории и практики музейного дела, повышению квалификации работников музеев, укреплению дружбы между народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойлан П. Предыстория создания международного музейного движения. 1889–1946 // ИКОМ России и международное музейное сообщество. 1956–2006. Серия: Музейная библиотека / под ред. Г.Н. Скитович. М., 2006. С. 28–29.
2. Podolak J. Musealna slovenska spolocnost a jej miesto v narodnich dejinach // Zbornik SNM. Etnografia. 1985. Vol. 26. S.13–35.
3. Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 336 с.
4. Klausowitz W. Jahre Deutscher Museumsbund // Deutscher Museumsbund. Bonn, 1984. S. 6–90.
5. Силаева О.А. Общество друзей Исторического музея (1918–1930 гг.) // Музей и власть / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. Ч. 2. С.104–124.
6. Sofka V. ICOFOM: Ten years – ten meetings and twenty seven volumes // *Museological News*. 1987. N. 10. P. 5–11.
7. Ананьев В.Г. Национальные и международные музейные организации: учеб.-метод. пособие. СПб., 2013. 140 с.
8. ICOFOM 1986/1987. Annual report to the ICOM Advisory Committee // *Museological News*. 1987. N 10. P. 37–39.

9. Труевцева О.Н., Труевцев Н.В. История Комитета музеологии Международного совета музеев. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT. Academic Publishing, GmbH&Co. KG, 2012. 191 с. : ill.

10. Dictionnaire encyclopedique de museologie. Soul la direction d'Andre Desvalleese et de Francois Mairesse. Paris: Armand Colin, 2011. 776 p.

11. Труевцева О.Н. Новый этап международного сотрудничества в музеологии // Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия: материалы междунар. молодеж. музеол. школы / отв. ред. О.Э. Мишакова, науч. ред.: О.Н. Труевцева. Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2013. С. 16–19.

12. Труевцева О.Н., Шелегина О.Н. ИКОФОМСиб в Азии // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием, Томск, 7–10 декабря 2008 г. [редкол.: Э. И. Черняк (отв. ред.) и др.]. Томск, 2009. С. 22–35.

REFERENCES

1. Boylan P. Prehistory of the International Museum movement. 1889–1946. *IKOM Rossii i mezhdunarodnoe muzejnoe soobshchestvo. 1956–2006. Seriya Muzejnaya biblioteka*, pod red. G.N. Skitovich. Moscow, 2006, pp. 28–29. (In Russ.)
2. Podolak J. Museum Society of Slovakia and its Role in National History. *Zbornik SNM. Etnografia*. 1985, vol. 26, pp. 13–35. (in Slovak)
3. Truevtseva O. N. Museums of Siberia in the second half of the XX century. Tomsk: Publishing House of the Tom. University press, 2000, 36 p. (In Russ.)
4. Klausowitz W. 66 Years of the German Museums Association. *Deutscher Museumsbund*. Bonn, 1984, pp. 6–90. (in Germ.)
5. Silaeva O. A. The Society of the friends of Historical Museum (1918–1930). *Muzej i vlast*. Otv. red. S.A. Kasparinskaya. Moscow, 1991, part. 2, pp. 104–124. (In Russ.)
6. Sofka, V. ICOFOM: Ten years – ten meetings and twenty seven volumes. *Museological News*. 1987, no. 10, pp. 5–11.
7. Ananiev V.G. National and International Museum Organizations: textbook. St. Petersburg, 2013, 140 p. (In Russ.)
8. ICOFOM 1986/1987. Annual report to the ICOM Advisory Committee. *Museological News*. 1987, no. 10, pp. 37–39.
9. Truevtseva O.N., Truevtsev N.V. The history of the Committee for museology of the International Council of museums. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT. Academic Publishing, GmbH&Co. KG, 2012, 191 p. (In Russ.)
10. Encyclopedic Dictionary of Museology. Ed. by Andre Desvalleese and Francois Mairesse. Paris: Armand Colin, 2011, 776 p. (In French.)
11. Truevtseva O. N. A new stage of international cooperation in museology. *Muzei, ischezayushchee i vosproizvedennoe nasledie, turizm: opyt i sovremennye praktiki vzaimodejstviya: materialy mezhdunar. molodezh. muzeologicheskoy shkoly*. Otv. red. O.E. Mishakova, nauch. red.: O.N. Truevtseva. Ulan-Ude, 2013, pp. 16–19. (In Russ.)
12. Truevtseva O. N., Shelegina O. N. ICOFOMSib in Asia. *Akademicheskie i vuzovskie muzei: rol' i mesto v nauchno-obrazovatel'nom processe : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Tomsk, 7–10 dekabrya 2008 g. [redkol.: E.I. Chernyak (otv. red.) i dr.]. Tomsk, 2009, pp. 22–35. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.01.2016

DOI: 10.15372/HSS20160118
УДК 069:008

В.А. ЛАМИН, О.Н. ШЕЛЕГИНА

**АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ СО РАН**

Владимир Александрович Ламин,
д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, директор,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: lamin@history.nsc.ru
Ольга Николаевна Шелегина,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: oshelegina@yandex.ru

В данной статье дается анализ научно-исследовательского и организационного потенциала Института истории СО РАН в области музеологии, наследиеведения. Отмечаются такие актуальные и перспективные формы представления и освоения научного наследия, как активное сотрудничество с Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК), интеграция науки, культуры и образования, музеефикация наследия. Результаты исследования показали, что в институте активно формируется новое направление междисциплинарных гуманитарных исследований, связанное с актуализацией (благодаря музеефикации, проектной деятельности), освоением (изучение, введение в научный оборот на основе новых технологий, популяризация) научного и историко-культурного наследия России, представлением его на международном уровне.

Ключевые слова: актуальные формы представления научного наследия, Институт истории СО РАН, Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК), интеграция науки, культуры и образования, культурное наследие, междисциплинарные проекты.

V.A. LAMIN, O.N. SHELEGINA

**ACTUAL FORMS OF THE SCIENTIFIC HERITAGE PRESENTATION
BY THE INSTITUTE OF HISTORY SB RAS**

Vladimir A. Lamin,
Doctor of Historical Sciences,
corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
Director of the Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: lamin@history.nsc.ru
Olga N. Shelegina,
Doctor of Historical Sciences, leading researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: oshelegina@yandex.ru

The article provides analysis of research and institutional capacity in the field of museology and experience in museumification of the Institute of History, SB RAS. It highlights current and promising forms of presentation and development of the scientific heritage: active cooperation with the Committee for Museology in Asia and the Pacific (ASPAC), integration of science, culture and education, formation of exhibition space for presenting the history and modern developments in the Siberian science. Since 1994 the SB RAS Museum Scientific Council has been operating on the basis of the Institute of History. Since 2008 the Institute of History has been involved in the activities of ASPAC. In 2012 the Institute became a collective member of the Russian National Committee of ICOM, Committee for Museology of the International Council of Museums (ICOM-UNESCO). Taking into consideration that scientific research is one of the most important areas of work of ICOM and its regional Committee ASPAC the Institute of History under the auspices of SB RAS Museum Scientific Council has attained a number of significant results in the field of museology. The All-Russian Scientific and Practical Conference "Contemporary Trends in Development of Museums and Museology" (2011, 2014) has become one of the "brands" of the Institute of History, SB RAS and can be viewed as an actual form of presentation and development of historical, cultural and

scientific heritage of Russia. At the present time in compliance with global trends three research units of the Institute of History serve as a basis for a promising direction for further work connected with the regional scientific and cultural heritage development. Actual and innovative forms of the scientific heritage presentation by the Institute of History, SB RAS include project activities aimed at integration of science, culture and education. Fruitful cooperation resulted in implementation of several international and All-Russian interdisciplinary projects.

Key words: Actual Forms of the Scientific Heritage Presentation, Institute of History, SB RAS, the Committee for Museology in Asia and the Pacific (ASPAC), integration of science, culture, education, cultural heritage, interdisciplinary projects.

Необходимость актуализации научного наследия Сибирского отделения Российской академии наук отмечалась уже в 1970-е гг. его основателем – академиком М.А. Лаврентьевым. В книге отзывов Музея СО РАН сохранилась сделанная им напутственная запись: «Я уверен, что музей будет очень полезен нашей молодежи, которой покажут экспонаты, которые много лет не получали своего разъяснения. Желаю дальнейших успехов Музею для увлечения молодежи наукой-техникой». В 1978–1981 гг. под руководством академика А.П. Окладникова, директора Института истории, филологии и философии, работал Музейный совет СО АН СССР. Главной целью его создания являлась координация работы, оказание помощи в становлении музеев, содействие развитию музейного дела в Сибири. Совет рассматривал музейную работу научных подразделений академических институтов как важную составную часть комплексной целевой программы «Сибирь» [1, с. 3].

С 1994 г. на базе Института истории СО РАН успешно действует Научный совет по музеям СО РАН (председатель – директор, чл.-кор. РАН, вице-президент ASPAC В.А. Ламин). В основе деятельности совета лежат программы, координирующие создание, развитие и адаптацию академических музеев, обеспечивающие взаимодействие учреждений науки, культуры, образования, общественных организаций, занимающихся музейной проблематикой, а также содействующие интеграции музеев СО РАН в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество, освоению регионального историко-культурного и научного наследия [2, с. 134–142].

Существенное значение в плане приобретения опыта в представлении научного наследия имела деятельность в 1991–2012 гг. Музея Сибирского отделения РАН как структурного научно-исследовательского подразделения Института истории СО РАН, культурно-просветительного центра Президиума СО РАН и экспериментальной площадки Научного совета по музеям. В нем был реализован ряд экспозиционно-выставочных и научно-образовательных проектов, имевших высокий социокультурный эффект: «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации», «История сибирской науки в лицах», «Пять десятилетий в истории СО РАН» [3, с. 170–189].

С 2008 г. Институт истории СО РАН включился в деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК), президент – О.Н. Труевцева, д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета). Институт представлен в руководящих

органах АСПАК, участвует в работе его ежегодных международных симпозиумов. В 2012 г. институт стал коллективным членом национального комитета ИКОМ России, Комитета музеологии Международного совета музеев (ИКОФОМ) ИКОМ ЮНЕСКО. На ежегодных международных симпозиумах Комитета музеологии ИКОМ (Тунисская Республика, 2012 г., Франция, 2014 г.) были представлены и опубликованы совместные с известными российскими музеологами доклады авторов данной статьи: «Изучение мнения посетителей: исторический анализ в России» [4, с. 170–189], «Миссия музея в современном обществе. Проблемы коммуникации» [5, с. 59–60].

С учетом того, что важным направлением деятельности ИКОФОМ и его регионального Комитета АСПАК является научно-исследовательская работа, в Институте истории СО РАН был получен ряд значимых результатов в области музеологии, обеспечивших его успешную интеграцию в российское научное и социокультурное пространство, мировое музейное сообщество. Среди них отметим коллективную монографию «Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития». В ней впервые в отечественной и зарубежной науке представлено формирование и развитие 40 музеев Сибирского отделения, дана развернутая характеристика их фондовых собраний и научных коллекций, проанализированы традиционные и новационные формы представления научного наследия [6]. Значительный интерес у научной общественности, музейных практиков вызывает серия сборников научных статей, посвященных выявлению и обобщению актуальных направлений в развитии музейного мира и музеефикации наследия России [7], а также анализу коммуникационных процессов в современном музее, проблемам интерпретации наследия [8]. В этом совместном издании Института истории и группы АНО «Российская музейная энциклопедия» публикуются исследования ведущих отечественных и зарубежных экспертов в области освоения историко-культурного и научного наследия. В стадии активной апробации находится предложенная О.Н. Шелегиной исследовательская модель «музейный мир Сибири», новый музеологический адаптационный подход [9]. Все это имеет существенное значение для расширения сферы влияния Института истории СО РАН в мировом музейном сообществе, развития музейного менеджмента, научных исследований в области освоения и презентации научного наследия. Международный опыт работы Научного совета по музеям СО РАН в условиях активного сотрудничества с Комитетом музеологии ИКОМ показывает, что меж-

культурный диалог способствует поиску новых форм и технологий сохранения и презентации всех видов наследия [10, с. 204–208]. Теоретическим вкладом Института истории СО РАН в музеологию станет разработка системных моделей и новых технологий эффективной реализации социокультурного и научно-образовательного потенциала наследия как основы дальнейшего развития мировой культуры.

Новацией, определяющей конфигурацию современного музейного мира России, признана проходящая в Новосибирском научном центре Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (2011, 2014 г.). Она стала своеобразным брендом Института истории СО РАН и может рассматриваться как актуальная форма представления и освоения историко-культурного и научного наследия России. В 2014 г. конференция была посвящена Году культуры в Российской Федерации, 300-летию музейного дела в России и 20-летию деятельности Научного совета по музеям СО РАН. Организаторами конференции явились: Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Музейный совет РАН, Научный совет по музеям СО РАН, Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона. Активное участие в ее проведении приняли Алтайский государственный педагогический университет, Государственный Эрмитаж, Государственный литературный музей, автономная некоммерческая организация «Новый институт культурологии», Российский государственный гуманитарный университет, национальные исследовательские Новосибирский и Томский государственные университеты, Новосибирский государственный педагогический университет. Всего в работе конференции приняли участие (очно и заочно – в форме публикаций, в том числе в «Вестнике Алтайского государственного педагогического университета»). Серия «Музееведение и сохранение историко-культурного наследия») 126 чел. Это члены Научного совета по музеям СО РАН, представители научной и культурной общественности г. Новосибирска, студенты новосибирских вузов. Среди них – действительный член РАН, два члена-корреспондента РАН, 28 докторов, 60 кандидатов. О географической репрезентативности мероприятия свидетельствовало участие представителей 24 городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Барнаула, Омска, Томска, Элисты, Химки (Московская обл.), Якутска, Улан-Удэ, Новокузнецка, Кемерово, Иркутска. Владивостока, Благовещенска, Сыктывкара, Киева, Апатитов (Мурманской обл.), Нальчика, Торжка (Новгородской обл.), Красноярска, Тюмени, Переяславля-Залесского (Ярославской обл.), Искитима (Новосибирской обл.). Самыми разнообразными были формы проведения конференции: состоялись пленарное и секционные заседания, работали мастер-классы, были подготовлены стендовые доклады, выставки и презентации в институтах СО РАН, круглый стол «К 300-летию музейного дела в России», креативная площадка «За круглым столом». К началу работы конференции вышел в свет сборник ключевых

докладов конференции, размещенный на сайте Института истории СО РАН: <http://www.history.nsc.ru/science/conference/index.htm>. Обсуждение новых результатов исследований и обмен практическим опытом актуализации наследия, состоявшиеся в Историко-архитектурном музее под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН, показали, что в условиях глобализации, смены ценностных ориентиров наследие является своеобразным стратегическим ресурсом, обеспечивающим социальную стабильность, сохранение исторической памяти. Однако до настоящего времени слабо обобщены и не получило развития, адекватного современному состоянию науки, формы активизации социокультурного потенциала наследия с целью укрепления гуманистического и патриотического мировоззрения, не достаточно четко определена роль музеев в освоении регионального наследия. Участники конференции также отметили важную роль музеев, хранителей достоверной информации (в форме аутентичных свидетельств/исторических источников), в информационном обеспечении исторической науки (включая историю культуры, искусства, науки).

В настоящее время на базе трех подразделений Института истории (сектор «Музей СО РАН», научно-исследовательская группа «Музей науки и техники СО РАН», Собрание старопечатных книг и рукописей сектора археологии и источниковедения (заведующий сектором – д-р ист. наук. А.Х. Элерт) активно развивается в соответствии с мировыми тенденциями перспективное направление деятельности, связанное с освоением регионального научного и историко-культурного наследия.

Собрание старопечатных книг и рукописей (хранитель – д-р. филол. наук Т.В. Панич) насчитывает более 1400 ед. хр. Основную часть фонда составляют книги кирилловской печати XVI–XVII вв. и манускрипты XVI–XX вв., приобретенные у староверов Урало-Сибирского региона, Алтая и Дальнего Востока в археографических экспедициях. Уникальное собрание ежегодно пополняется, создан его электронный каталог, исследователям древнерусской книжной культуры и истории старообрядчества предоставляется доступ к материалам, а для школьников и студентов проводятся лекции и экскурсии [11].

Музей науки и техники (руководитель – канд. ист. наук Н.Н. Покровский), победитель первого Всероссийского грантового конкурса «Научный музей в XXI веке», представляет историю вычислительной техники, достижения сибирских ученых в области информационных технологий, учебно-игровой комплекс «Игротеха». Совместно с профильными общественными организациями, средствами массовой информации музеев проводит просветительную работу, направленную на формирование научного мировоззрения и профориентацию молодежи [12].

Сектор «Музей СО РАН» (зав. сектором – канд. ист. наук. Н.Н. Покровский, ведущий научный сотрудник – д-р ист. наук О.Н. Шелегина, старший научный сотрудник, канд. ист. наук Г.М. Запороженко) занимается перспективным проектом формирования нова-

ционного коммуникационного пространства (музея) на основе освоения научного наследия. Он предполагает создание на первом этаже здания Института истории СО РАН высокотехнологичной экспозиции, представляющей историю и современные процессы функционирования науки в Сибирском регионе, развитие Новосибирского научного центра как центра науки (СО РАН), образование (Национальный исследовательский Новосибирский государственный университет), инновации («Технопарк»). Экспозиция будет направлена на воспитание исторического сознания у молодежи, апробацию новых форм освоения научного наследия.

В соответствии с мировыми тенденциями музеев Института истории СО РАН будет развиваться как многофункциональная структура, базирующаяся на функции документирования научного наследия, а также осуществляющая коммуникативные (внутреннего и внешнего уровня), научно-методические и рекреационные функции. Приоритетное значение придается его просветительским и образовательным функциям. Их эффективная реализация соотносится с активной популяризацией истории и достижений СО РАН, его роли в российском и мировом научном сообществе; с представлением результатов работы ученых в разных областях знаний; формированием научного мировоззрения и интереса к научно-исследовательской деятельности у молодежи; сохранением традиций и преемственности научных поколений.

Новационный характер музея определяется системным подходом, основанным на комплиментарности контент-концепции (содержательной сущности), IT-концепции (информационно-телекоммуникационные ресурсы) и PR-концепции (общественных потребностей и связей) и музейного дизайна с учетом дифференцированных требований посетителей и молодежной музейной аудитории. К числу новаций относится интеграционный характер самой организации музея, зонирование (информационно-презентационные, интерактивные, адаптивные креативные зоны, зона свободной интерпретации) и оптимизация музейного пространства. Музей будет располагать системой залов с константными и мобильными экспозиционными блоками, витринами для раритетов, а также выставочными залами с «островными стендами» для оперативного размещения экспонатов. Для привлечения внимания российских и зарубежных гостей, жителей города, формирования имиджа музея как социокультурного объекта, отражающего прошлое, настоящее и будущее сибирской академической науки, в информационно-презентационном зале, специально оборудованном, будут работать научно-познавательный лекторий, проводиться выставки по актуальной проблематике, конференции и музейные фестивали науки, вебинары, занятия со школьниками и студентами, индивидуальными посетителями.

К актуальным и новационным формам представления научного наследия Институт истории СО РАН следует отнести и его участие в проектах, что также способствует интеграции науки, культуры, образования.

В результате плодотворного сотрудничества реализован ряд проектов международного («Актуализация культурного наследия в странах Азии») и всероссийского («Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство», «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия») уровней.

Интеграционный проект «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия» выполнялся при ведущей роли Института систем информатики и Института истории СО РАН музейными подразделениями институтов Сибирского отделения. В архиве представлены персональные фонды известных ученых, документы Научного совета по музеям СО РАН, материалы научных экспедиций. 11 фондов архива содержат около 33 тыс. сканов документов, из них атрибутировано свыше 7 тыс. Ресурс активно пополняется новыми свидетельствами, характеризующими региональное научное наследие в контексте развития мирового научного сообщества, музейного мира Сибири (<http://odasib.ru>). Созданный архивный массив востребован в конкретно-исторических исследованиях, источниковедении, в научно-образовательной сфере, издательской работе, архивоведении и музеологии [13].

Международный социокультурный и научно-образовательный проект «Актуализация культурного наследия в странах Азии» был инициирован Алтайским государственным педагогическим университетом, Институтом истории СО РАН, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Академией наук Монгольской Народной Республики. В 2014 г. он реализовывался при поддержке Российского государственного научного фонда, Павлодарского государственного педагогического института в соответствии с программами ИКОФОМ в области сохранения наследия. Главными направлениями научно-исследовательской и практической деятельности организаций-участников являлись: определение роли и значения наследия в истории стран Азии, Сибирского региона, анализ результатов и перспектив междисциплинарных исследований, разработка теоретических проблем изучения культурного и научного наследия, интеграция наследия в сферу туризма. В коллективной монографии «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice» под редакцией О.Н. Труевцевой и Н.К. Вьерреге, изданной по результатам проекта, показан новационный характер проектов Института истории СО РАН «История Сибири» [14], «Музей Сибири» [15], обеспечивающих общественно значимый переход от актуализации наследия к его освоению.

Таким образом, анализ актуальных форм представления научного наследия Институт истории СО РАН позволяет говорить о формировании и развитии нового для института направления междисциплинарных гуманитарных исследований, связанных с актуализацией (путем музеефикации) и освоением (изучение, введение в научный оборот на основе новых технологий, популяризация) научного и историко-культурного на-

слеция России. Деятельность Института истории, Научного совета по музеям СО РАН на международном уровне способствует усилению позиций и влияния Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона в Международном совете музеев при ЮНЕСКО. Перспективными будут являться разработки в Институте истории СО РАН системных моделей и новых технологий эффективной реализации социокультурного и научно-образовательного потенциала наследия как основы дальнейшего развития мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Музейном совете // За науку в Сибири. 1979. № 16. С. 3.
2. Ламин В.А., Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Научный совет по музеям СО РАН: опыт деятельности по интеграции науки, культуры, образования // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 134–142.
3. Сектор «Музей Сибирского отделения Российской академии наук» // Институт истории: науч.-информ. издание / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, ЗАО ИПП «Офсет», 2014. С. 170–189.
4. Kaulen M., Cherkaeva O., Chuvilova I., Lamin V., Shelegina O.. Studying the Opinion of the Visitors: an Historical Analysis in Russia // Empowering the Visitors: Process, Progress, Protest. ICOFOM Study Series – ISS 41. Tunis, 2012. P. 228–231.
5. Chuvilova I., Shelegina O. The Museum's Mission in the Modern Society and Problems of Museum Communication (With a Focus on Russia) // New trends in museology ICOFOM Study Series, vol. 43b. Paris, 2015. P. 303–313.
6. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук (очерки формирования и развития) / отв. ред. В. А. Ламин, О.Н. Труевцева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 260 с.
7. Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI в. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2011. 248 с.
8. Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. 262 с.
9. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.
10. Труевцева О.Н. Международное сотрудничество Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона и Научного совета по музеям СО РАН как важный фактор сохранения регионального культурного наследия // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 204–208.
11. Сектор археографии и источниковедения // Институт истории. Научно-информационное издание / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, ЗАО ИПП «Офсет», 2014. С. 38–44.
12. Музей науки и техники СО РАН // Институт истории: науч.-информ. издание / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2014. С. 190–197.
13. Ламин В. А., Шелегина О. Н. Проект «Открытый архив СО РАН» как синтез гуманитарных наук и информационных технологий // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 3 (15). С. 84–91.
14. Lamin V.A., Simonov D.G. Realization of the research project «History of Siberia: in present and future» // Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / ed-in-chif O.N. Truevtseva, H.K. Viereg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. P. 35–42.
15. Orlov S.B., Shelegina O.N. Creative project «Museum of Siberia» as innovative form of decoding regional heritage // Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / ed-in-chif O.N. Truevtseva, H.K. Viereg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. P. 200–208.

REFERENCES

1. In the Museum Council. *Za nauku v Sibiri*. 1979, no. 16, p. 3. (In Russ.)
2. Lamin V.A., Shelegina O.N., Zapozhchenko G.M. SB RAS Museum Scientific Council: experience in the activities on integration of science, culture and education. *Sovremennye tendentsii v razvitii muzeev i muzevedeniya: Materiali II Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 29 September – 3 October 2014)* / отв. ред. V.A. Lamin, O. Shelegina. Novosibirsk: Autograph, 2014, pp. 134–142. (In Russ.)
3. Sector «Museum of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences». *Institut istorii. Nauch.-inform. izdanie / отв. ред. V.A. Lamin*. Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset», 2014, pp. 170–189. (In Russ.)
4. Kaulen, M. Cherkaeva, O. Chuvilova, I. Lamin, V. Shelegina O. Studying the Opinion of the Visitors: an Historical Analysis in Russia. *Empowering the Visitors: Process, Progress, Protest*. ICOFOM Study Series – ISS 41. Tunis, 2012, pp. 228–231.
5. Chuvilova I., Shelegina O. The Museum's Mission in the Modern Society and Problems of Museum Communication (With a Focus on Russia). *New trends in museology ICOFOM Study Series, VOL. 43b*. Paris, 2015, pp. 303–313.
6. Museums of Scientific Centers and Institutes of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Essays on Formation and Development) / Ed. by V.A. Lamin, O.V. Truevtseva. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State University, 2009, 260 p. (In Russ.)
7. Innovations in the Museum World of Russia during the First Decade of the XXI Century / Ed. by I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Novosibirsk, 2011, 248 p. (In Russ.)
8. Innovations in the Museum World. Museum as a Communication Protocol / Ed. by I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Novosibirsk, 2013, 262 p. (In Russ.)
9. Shelegina O.N. Museum World of Siberia: History and Contemporary Trends in Development / Ed. by V.A. Lamin, M.V. Shilovskiy. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch, 2014, 396 p. (In Russ.)
10. Truevtseva O.N. International Cooperation of the Committee for Museology in Asia and the Pacific and SB RAS Museum Scientific Council as an Important Factor in the Regional Cultural Heritage Preservation. *Sovremennye tendentsii v razvitii muzeev i muzevedeniya: Materiali II Vseros. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 29 September – 3 October 2014)*. Otv. red. V.A. Lamin. O. Shelegina. Novosibirsk: Avtograf, 2014, pp. 204–208. (In Russ.)
11. Sector of Archeography and Source Studies. *Institut istorii. Nauch.-inform. izdanie*. Otv. red. V.A. Lamin. Novosibirsk, ZAO IPP «Ofset», 2014, pp. 38–44. (In Russ.)
12. Museum of Science and Technology, SB RAS. *Institut istorii. Nauch.-inform. izdanie*. Otv. red. V.A. Lamin. Novosibirsk, ZAO IPP «Ofset», 2014, pp. 170–189. (In Russ.)
13. Lamin V.A., Shelegina O.N. Project «Open Archives of the SB RAS» as Synthesis of Humanities and Information Technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*. 2014, no. 3 (15), pp. 84–91. (In Russ.)
14. Lamin V.A., Simonov D.G. Realization of the research project «History of Siberia»: Siberia in present and future. *Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / Ed-in-Chif editor O.N. Truevtseva, H.K. Viereg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015, pp. 35–42.*
15. Orlov S.B., Shelegina O.N. Creative project «Museum of Siberia» as innovative form of decoding regional heritage. *Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: a collective monograph / Ed. by O.N. Truevtseva, H.K. Viereg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015, pp. 200–208.*

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20160119
УДК 94(47).082

А.А. ИВАНОВ

«ИРКУТЯНИН» ИВАН ПОПОВ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Александр Александрович Иванов,
д-р ист. наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 1.
e-mail: ottisk@irmail.ru

В центре внимания настоящей публикации – серия репортажей о встрече в Иркутске в 1891 г. царевича Николая Александровича, опубликованных в нескольких прибавлениях к газете «Иркутские епархиальные ведомости» за псевдонимом «Иркутянин». Составители трехтомного «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг.», изданного в Новосибирске в 2004 г., полагают, что автором этих репортажей, буквально пронизанных верноподданническим духом, является Иван Иванович Попов – известный «сибирский общественник», бывший народовец, политический ссыльный, редактор и издатель газеты «Восточное обозрение». Однако так ли это, и кто действительно скрывается под этим псевдонимом? Приведенный в статье материал, анализ газетной публицистики И.И. Попова ставит под сомнение точку зрения составителей уважаемого академического издания.

Ключевые слова: журналистика, история Иркутска, общественная жизнь, царевич Николай, оппозиционное движение, конец XIX века, Сибирь.

A.A. IVANOV

IVAN POPOV, NATIVE OF IRKUTSK: HISTORY OF A PUBLICATION

Aleksandr A. Ivanov,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Irkutsk State University,
1, Lenina Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: ottisk@irmail.ru

The article analyzes journalistic works of Ivan Ivanovich Popov, a political exile, one of the members of the organization “Popular Will” whose name was well-known in Irkutsk in the 1890s-1900s. I.I. Popov never concealed his political beliefs; he was not a monarchist and always stood for a radical democratization of the political system in Russia. Popov’s established political image seems dissonant with the opinion of redactors of “The United Catalogue of the Siberian and Far Eastern Books...”, published in 2004, that it was Popov who wrote an article published in the supplement to “Irkutskie eparkhialnye vedomosti” (Irkutsk diocesan journal) (1891. №№ 26, 28, 32) and entitled “Visit of His Imperial Highness Faithful Sovereign Heir Tsarevitch the Grand Duke Nicholas Alexandrovich to Irkutsk”. This article was written in a faithful, monarchist and patriotic spirit. Because of his political beliefs I.I. Popov could not be the author of this publication. The redactors of the catalogue drew their conclusion from the fact that the article was signed with a pseudonym “Irkutyenin” (Native of Irkutsk) which actually belonged to I.I. Popov. This fact was stated by such bibliographers as Masanov I.F. and Petryaev E.D., however they did not argue that Popov was the author of the above mentioned article. Analysis of the Irkutsk periodicals provided quite foreseeable results. There were at least two people with the same pseudonym. Moreover, they were namesakes. One of them was N.I. Verkhoturov, an Irkutsk painter, famous for his revolutionary views. Another one was Nikolay Verkhoturov, who appeared to be a Transbaikalian merchant. However, careful examination of their notes in the “Vostochnoe Obozrenie” (Eastern Review) has led to conclusion that more than likely none of them wrote the article about the meeting of the Tsarevitch in Irkutsk. Thus,

possibly there could be yet another “Irkutyaniin” (Native of Irkutsk), who used this pseudonym in newspapers in the 1890s. But who was he? The answer to this question requires further research.

Key words: Popov Ivan Ivanovich, journalism, pseudonym “Irkutyaniin” (Native of Irkutsk), “Vostochnoe Obozrenie” (Eastern Review), Cesarevitch Nicholas Alexandrovich, democratic beliefs.

Имя Ивана Ивановича Попова было хорошо известно в Сибири конца XIX – начала XX в. В наших краях Попов был «невольным гостем» – одним из сотен политических ссыльных, высланных за свои леворадикальные убеждения из центра страны на ее окраины. С 1885 г. он отбывал административную ссылку в Кяхте и благодаря своей поистине кипучей энергии и неутолимой жажде политической деятельности много сделал для развития местной «общественности» участвовал в организации городской библиотеки, краеведческого музея, а также Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Попов был и одним из первых профессиональных историков, начавших планомерное изучение декабристской ссылки в Забайкалье, выяснение социокультурного влияния «дворянских революционеров» на местное общество.

В 1889 г. формальный срок административной ссылки И.И. Попова закончился, однако за связи с русской политической эмиграцией и передачу французской прессе материалов о Якутской трагедии (1889 г.) ему было запрещено покидать пределы Сибири. Тогда Попов связал свою судьбу с Иркутском, куда окончательно переехал в 1894 г. И здесь, как и в Кяхте, «старый народоволец» быстро оказался в центре общественно-политических событий: редактировал «Восточное обозрение», увеличив ежедневный тираж газеты с 300 до 10 и даже 20 тыс. (!) экз., был деятельным членом правления ВСОРГО, организатором всевозможных выставок, экспедиций и чтений, избирался в городскую думу, принимал непосредственное участие в революционных событиях 1905 г.

И.И. Попов был известен не только как общественный и политический деятель, но и как талантливый журналист, писавший много, интересно и остро в сибирских газетах. Еще в Кяхте он попробовал себя впервые в качестве корреспондента, а его статьи об истории города и развитии чайного пути, об изучении связей сибиряков с Монголией и Китаем, экспедициях Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева не утратили своей исторической и историографической ценности и по сей день¹. В Иркутске Попов продолжил занятия журналистикой, и за постоянную и нелицеприятную критику в адрес местных губернских чиновников неоднократно привлекался в судебном и административном порядке. При этом главной задачей сибирской прессы, и в первую очередь «Восточного обозрения», Попов неизменно считал «создание возможно полной картины общественной и культурной жизни, со всеми текущими явлениями», не скрывая «недугов общества и темных сторон его»².

¹ *Обыватель* [Попов И.И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. 1888. № 25. С. 8; № 30. С. 9; И. П-в [Попов И.И.]. Страничка из истории Кяхты (первый караван) // Восточное обозрение. 1892. № 51. С. 8–9; Попов И.И. Русская торговля на Дальнем Востоке // Восточное обозрение. 1895. № 76, 77.

² Восточное обозрение. 1895. № 33.

Мы не случайно так подробно перечислили заслуги И.И. Попова перед «сибирской общественностью». Во всех своих политических делах и, конечно же, публикациях Иван Иванович выступал активным сторонником коренной модернизации существующей государственной власти, скорейшей ликвидации самодержавной формы правления, введения конституции и преобразования страны на демократических началах. При этом политическое кредо Попова (во всяком случае, после 1905 г.) претерпело вполне закономерную трансформацию – от русского социализма 1870-х гг. с его ориентацией на крестьянина и пролетария к европейским ценностям конституционно-демократического правления и многопартийности (но это, как говорится, «совсем другая история»).

Одним словом, уверенно можно утверждать: идеалы монархизма, и в первую очередь, русского, российского, были глубоко чужды убеждениям Попова. В этой связи разительным диссонансом общепринятому и давно сложившемуся политическому портрету нашего героя [1, с. 653] выглядит заключение составителей трехтомного новосибирского «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги...» о том, что именно Ивану Ивановичу принадлежит авторство статьи под названием «Посещение города Иркутска его императорским высокопревосходительством наследником цесаревичем великим князем Николаем Александровичем» – статьи, с первого и до последнего слова выдержанной в верноподданническом, самодержавно-патриотическом духе [2, с. 199].

Но не ошибается ли солидное и уважаемое академическое издание? Попробуем разобраться, обратившись сначала к самой публикации. Статья была напечатана в «прибавлении» к газете «Иркутские епархиальные ведомости» тремя выпусками; это подробнейший отчет о далеко не рядовом событии в жизни губернского центра – торжественной встрече горожанами наследника и будущего российского императора Николая Романова. Действительно в Иркутске по этому поводу были устроены грандиозные празднества: царевича встречали помпезно и пышно, с молениями, крестным ходом, обедами, торжественными проходами и преподнесением всевозможных «адресов», в которых заверяли его в своей верности и преданности.

Автор этой большой статьи, несомненно, был среди восторженной публики, приветствовавшей «высокого гостя», и вот как ярко и живо отобразил это событие:

«23 и 24 июня сего года жители г. Иркутска всех званий и состояний, полов и возрастов испытали неподдающееся описанию счастье видеть собственными очами наследника царского престола – его императорское высочество, благоверного государя, цесаревича, великого князя Николая Александровича...»³. И далее в том же духе: «... что-то неземное переживал каждый, присутствовавший в это вре-

³ Прибавления к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1891. № 26. С. 4–5.

мя на берегу»⁴. «Посещение наследника, ... подобно весеннему лучезарному солнцу, оживляющему природу, ... излило на нашу окраину ... обильную струю той любви, которой преисполнено любвеобильное сердце нашего государя императора к своему, горячо его любящему и беззаветно ему преданному, русскому народу!» И под конец: «... воспоминание о сем посещении, неизгладимыми письменами напечатлевшись на скрижалях благодарных сердец сибиряков, преисполненных безграничной любви и беззаветной преданности к своему державнейшему монарху – сохранится в них в роды родов!»⁵

Так и сказано: «в роды родов»! Советской пропаганде, называвшей Сталина «отцом народов» и сравнивавшей Берия с «Солнцем искусства», все-таки далековато до этого шедевра политического угодничества. Невозможно предположить, что подобный опус об «обильной струе любви», о неподдающемся «описанию счастье» лицезреть будущего самодержца вышел из-под пера активного народовольца, члена революционной организации, неоднократно покушавшейся, а затем все-таки казнившей деда Николая Александровича – Александра II.

Каким образом составители новосибирского каталога определили принадлежность И.И. Попова к написанию этой статьи? По всей видимости, главным аргументом уважаемых коллег выступал здесь псевдоним, которым она подписана – «Иркутянин».

Действительно, у И.И. Попова был такой псевдоним. На это указывает прежде всего И.Ф. Масанов в своем обширном «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», изданном, как известно, в 1956–1960 гг. В первом томе словаря читаем: «Иркутянин» = Ив. Ив. Попов. «Р. Вед.». Ист.: сообщ. автор» [3, с. 138]. «Р. Вед.» – это «Русские ведомости» – газета, в которой Иван Иванович публиковался с 1890-х гг., сначала как корреспондент, а с 1905–1906 гг. – автор статей по вопросам социально-экономического развития Сибири, городского самоуправления, истории освоения Дальнего Востока, истории Китая, Монголии и Тибета. «Ист.: сообщ. автор» – это, скорее всего, указание на источник, из которого И.Ф. Масанов почерпнул свои сведения. В данном случае источником знаний для составителя выступил сам И.И. Попов.

В четвертом томе «Словаря» И.Ф. Масанов приводит все известные ему псевдонимы И.И. Попова: «1) Забайкалец; 2) И. П.; 3) Иванович; 4) Иванович, И.; 5) Иркутянин; 6) К. Н.; 7) Кяхтинец; 8) Мимоходов [колл.]; 9) – ов, И.; 10) Обыватель; 11) П–ов, И.; 12) П–в, И. И.; 13) П–ов, И. И.; 14) П–ъ; 15) П–ь, И.; 16) Сибиряк; 17) Старый педагог; 18) Фома; 19) Чухой; 20) Ното» [4, с. 383].

Указание на принадлежность псевдонима «Иркутянин» И.И. Попову встречаем и у Е.Д. Петряева: на с. 59 его небольшой книги «Псевдонимы литераторов-сибиряков» читаем: «Попов Иван Иванович (1861–1942). Публицист, редактор «Вост. обозр.» – Гаванус; И. П.; И. П-в; Ив. Ив. П.; И. И. П-ов; К. Н.; Иркутянин; Старый учитель; Обыватель; Фома; Кяхтинец; Сибиряк; Ното» [5, с. 59].

Как видим, псевдонимы Ивана Ивановича не блещут оригинальностью, однако они не лучше и не хуже многих других. Ими, а еще криптонимами широко пользовались журналисты и литераторы в досоветскую (и не только) эпоху, когда в условиях цензурных ограничений, запрещавших конкретному лицу выступать на страницах периодической печати, можно было, пусть формально, скрыть свое имя под каким-нибудь нейтральным «Стариком», «Забытым» или «Неизвестным». В случае с Поповым псевдоним был особенно необходим – ссыльный в местах поселения, пусть даже административный, мог быть сурово наказан за участие в политической деятельности, коей, несомненно, могла быть истолкована и журналистика. Ну и, конечно же, надо иметь в виду, что выбор псевдонима зависел не только от литературных пристрастий хозяина, а был данью провинциальной моде, отсюда и некая претензия на оригинальность: Гаванус и Ното у Попова, Антид Ото – у Л.Д. Троцкого, Август – у Г.Н. Полякова, Альфа – у А.В. Эпова, а еще Антей, Демург, Игрек, Судьбин, Трильби и т.п.

Куда ведут наши построения? Прежде всего очевидно, что наборы псевдонимов И.Ф. Масанова и Е.Д. Петряева, несколько отличаясь, совпадают для нас в главном – оба библиографа считают, что «Иркутянин» – это И.И. Попов. Во-вторых, ни И.Ф. Масанов, ни Е.Д. Петряев, приписывая Попову данный псевдоним, ни слова не говорят о процитированной нами статье и ее авторе, не связывают их вместе.

Так был ли у И.И. Попова псевдоним «Иркутянин»? Скорее всего, да. Однако, просмотрев «Восточное обозрение» за 1888–1905 гг., мы не нашли ни одного материала, подписанного таким образом. Скорее всего, под этим именем Иван Иванович публиковался в изданиях, выходивших далеко от Иркутска, например в тех же «Русских ведомостях», отсюда и выбор такого географического наименования. Зато чуть ли ни в каждом номере «Восточного обозрения» есть самые различные материалы Попова, как пишет Е.Д. Петряев, – «несколько сот очерков, заметок «Мимоходом», статей по вопросам культуры и общественной жизни Сибири» [6, с. 364]. Все эти произведения – разные по жанру, конкретной направленности и даже стилю, объединяются для нас в главном – они совершенно не похожи на репортаж о встрече в Иркутске в 1891 г. царевича Николая Александровича.

Предположим, что «Иркутянин» в Иркутске не мог быть абсолютно уникальным псевдонимом. Вполне возможно, подобным образом именовал себя не только И.И. Попов, но и еще кто-либо, живший здесь и писавший о проблемах края. Обратимся вновь к книге Е.Д. Петряева. Ее внимательное изучение дает вполне прогнозируемый результат – есть, по крайней мере, еще один «Иркутянин», относящийся к периоду 1890-х гг. Это Н.И. Верхотуров. Во втором разделе книги Е.Д. Петряева, содержащем алфавитный указатель фамилий литераторов-сибиряков, значится: «Верхотуров Николай Иванович (1865–1944). Художник. «Восточное обозрение». (1903). – «Иркутянин» [5, с. 37].

Н.И. Верхотуров – коренной сибиряк, родился в Забайкальской области, в Нерчинском округе. В 1889 г. закончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, до 1901 г. жил и работал в Иркутске. Был среди организаторов и руководителей городской рисовальной школы [7, с. 16], активно занимался общественной деятельностью: член Об-

⁴ Там же. 1891. № 28. С. 2, 4.

⁵ Там же. № 32. С. 3.

щества распространения народного образования и народных развлечений, член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Опять же, сотрудничал с сибирскими газетами, и в первую очередь с «Восточным обозрением».

Как видим, кандидатура Н.И. Верхотурова на звание «того самого» «Иркутянина» – вполне реальная: приезд царевича хорошо вписывается по времени в его «иркутский период», да и связь с прессой неоспорима. Предположения – весомые. Но вот дальше следует материал, который никак не укладывается в эту гипотезу. Оказывается, наш живописец не только не был среди русских монархистов, а наоборот, стремился всячески разрушить самодержавие, и за участие в революции 1905 г. даже арестовывался и несколько месяцев провел в петербургской тюрьме. Более того, он был известен как создатель целого ряда портретов «видных» революционеров 1880–1900-х гг. В том числе П.А. Кропоткина, и В.Н. Фигнер, и Г.В. Плеханова. Писал Верхотуров и на «каторжную» тематику – «Прикованный к тачке», «Накануне казни»⁶. И уж совсем мистическим для нас выглядит факт создания им в 1901 г. портрета нашего героя – Ивана Ивановича Попова, хранящегося до сих пор в фондах Иркутского областного художественного музея!

Мог ли художник Николай Иванович Верхотуров, стоявший близко к революционному движению и обличавший своей живописью пороки российского самодержавия, быть автором репортажа о той, поистине исторической встрече, «излившей на нашу окраину обильную струю любви» царевича Николая Александровича? Вероятнее всего, нет. Однако чтобы убедиться в этом до конца, проанализируем его публикации в «Восточном обозрении», выявленные Е.Д. Петряевым.

В «Библиографических материалах» Е.Д. Петряева о творчестве Н.И. Верхотурова говорится: «Заметки: 1898, 66, 100, 118; 1899, 159, 197, 235» [6, с. 359]. В основном это действительно небольшие заметки: о трудностях эксплуатации парохода «Лебедь», связанных с маловодьем р. Селенги и сильными ветрами на Байкале; о судебном разбирательстве с неким купцом Бляхером, задолжавшим «почетному жителю Н. Верхотурову» большую денежную сумму за совместное владение все тем же пароходом; наконец, маленькая заметка-опровержение о том, что газета ранее неправильно именовала ее автора руководителем кружка рисования и живописи, коим он не был ни в прошлом, ни в настоящем.

Все или почти все заметки подписаны *Николай Верхотуров*. Упоминания о «Иркутянине» мы опять же, как и в случае с И.И. Поповым, не обнаружили. Более того, даже самый поверхностный анализ данных материалов свидетельствует: корреспонденции принадлежат двум разным Н.И. Верхотуровым-однофамильцам: первые – скорее всего, купцу, предпринимателю, почетному жителю г. Иркутска или, к примеру, Верхнеудинска, вторые – живописцу. Однако и тот, и другой, по всей видимости, статьи о приезде будущего царя Николая II в Иркутск не писали: Верхотуров-художник – в силу своих политических взглядов, Верхотуров-купец – просто по своей неподготовленности – не мог

«обычный» человек написать, пусть и велеречивый, но профессионально безупречный и подробный репортаж, да еще на такую непростую тему.

Что следует из нашего анализа? Скорее всего, ни Попов, ни Верхотуровы искомым помпезной статьи не писали. Уважаемые составители новосибирского «Сводного каталога», сделавшие И.И. Попова, редактора и владельца газеты «Восточное обозрение», ее автором, ошиблись – так, к сожалению, бывает. Но кто же автор репортажа в «Иркутских епархиальных ведомостях»? Значит, вполне возможно, был другой «Иркутянин». По крайней мере, третий, а может быть, их было больше? Чем не повод для дальнейших научных изысканий?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. Попов Иван Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2: К–Р. С. 653.
2. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг. / отв. сост. Е.Б. Соболева: в 3 т. Новосибирск: СО РАН; Государственная публичная научно-техническая библиотека, 2004. Т. 1: 1790–1900. 507 с.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во книжной палаты, 1956. Т. I. 442 с.
4. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во книжной палаты, 1960. Т. IV. 558 с.
5. Петряев Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков. Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1973. 73 с.
6. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
7. Фатьянов А.Д. Иркутские сокровища. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 160 с.

REFERENCES

1. Shilovsky M.V. Popov Ivan Ivanovich. *Encyclopedia of Siberian History*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia, 2009. Vol. 2: Term Paper, pp. 653. (In Russ.)
2. The United catalogue of the Siberian and Far Eastern books 1790–1917. Resp. for indexing E.B. Soboleva. In 3 vol. Novosibirsk: State public scientific and technical library SB RAS, 2004, vol. 1: 1790–1900, 507 p. (In Russ.)
3. Masanov I.F. Pseudonyms dictionary of Russian Writers, Scholars, and Public Figures. Moscow: Izd-vo knizhnoy palaty, 1956, vol. 1, 442 p. (In Russ.)
4. Masanov I.F. Pseudonyms dictionary of Russian Writers, Scholars and Public Figures. Moscow: Izd-vo knizhnoy palaty, 1960, vol. IV, 558 p. (In Russ.)
5. Petryaev E.D. Pseudonyms of Siberian writers. Materials to the «History of Russian literature of Siberia». Novosibirsk: «Nauka», Sibirskoe otdelenie, 1973, 73 p. (In Russ.)
6. Popov I.I. Zabytye Irkutskie stranitsy: zapiski redaktora [The forgotten Irkutsk pages: Editor's notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1989, 384 p. (In Russ.)
7. Fatiyanov A.D. Irkutsk Treasures. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1985, 160 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.12.2015

⁶ Лыхин Ю.П. Николай Иванович Верхотуров // Энциклопедия и новости Приангарья Иркипедия.Ru. URL: http://irkipedia.ru/content/verhoturov_nikolay_ivanovich (дата обращения: 29.12.2015).

DOI: 10.15372/HSS20160120
УДК 94(47).048+930.85

Н.Н. ТАБАТЧИКОВ

«КНИГА» ИЗ СОБРАНИЯ М.Н. ТИХОМИРОВА

Николай Николаевич Табатчиков,
соискатель,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: archeografia@gmail.com

В статье представлены результаты анализа содержания сборника ГПНТБ СО РАН, «Книги» из собр. Тихомирова, № 529, рассматриваемого в качестве источника по истории одного из старообрядческих согласий и книжности начала XVIII в. Сделан вывод о том, что он составлен в дьяконовом согласии с использованием четырех «Книг», написанных Тимофеем Лысениным, и представляет новый этап работы старообрядческого книжника. Судя по всему, «Книга» адресована человеку, приближенному к автору, очевидцу и участнику происходивших в начале XVIII в. дискуссий. Задумывалась она старообрядческим автором как своего рода руководство, содержащее изложение особенностей вероучения в его старообрядческом варианте.

В «Книге» имеются новые главы и «свидетельства» в защиту старообрядчества, отсутствующие в других сборниках дьяконовского книжника.

Ключевые слова: книжная культура, церковный раскол, старообрядческие сборники, дьяконово согласие, Тимофей Лысенин.

N.N. TABATCHIKOV

THE «BOOK» FROM THE FOND OF M.N. TIKHOMIROV

Nikolay N. Tabatchikov,
applicant,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: archeografia@gmail.com

Researchers of the history of Old-Belief consider the early eighteenth century as a period of particular interest, as it was the time when the Old Believer accords' ideology formed. At that period the adherents of the Old Belief actively debated with representatives of the official Orthodox Church. As a result of the missionaries' activity the famous "D'iakonovy otvety" and "Pomorskie otvety" were created. They presented a detailed exposition of the advocated point of view. Researchers have already pointed out that there has been insufficient research on the preparatory stage of writing these fundamental manuscript monuments. The author uses four books related to the name of Timofey Lysenin, a Deacons' Old Believer writer. These books are important sources for the study of issues concerning the work of the Old Believer writers in gathering testimonies in favor of their point of view. The article introduces for scientific use a manuscript dated from the early XVIII century (1714 is given in the manuscript as the date of its creation) from the State Public Scientific Technical Library, SB RAS, the fond of M.N. Tikhomirov, № 529. This manuscript is an indication of the attempt to create the literary monument based on the four "Books" by Timofey Lysenin. The analysis of the contents of the above-mentioned manuscript allows concluding that certain chapters and fragments from the "Books" by Timofey Lysenin were used in its composition. These materials were revised and completed by the compiler, a new introduction was written. It allows us to view the "Book" from the fond of M.N. Tikhomirov as a new phase of work carried out either by Timofey Lysenin himself or by some unknown Deacon's writer.

Key words: book culture, Schism, manuscript collections, Deacon's Old-Believers accord, Timofey Lysenin.

Церковная реформа, начатая патриархом Никоном в середине XVII в., привела к расколу русского общества и образованию старообрядческого движения. Уже первыми противниками церковной реформы были написаны произведения, в которых излагались аргументы против нововве-

дений в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Важной вехой в истории старообрядчества стал XVIII в., когда начался процесс оформления отдельных согласий, велась острая полемика как внутри старообрядческого движения, так и с представителями официальной Церкви. Результатом

стали знаменитые «Дьяконовы ответы» (1719 г.) и «Поморские ответы» (1723 г.), в которых противники реформ постарались обосновать свое право оставаться в оппозиции, зафиксировав «старую» традицию. В связи с этим указанный период представляет для исследователей этого религиозно-общественного движения большой интерес. Между тем некоторые вопросы, связанные с историей согласий, работой над известными памятниками старообрядческой книжности, остаются все еще не изученными.

Прояснить эту картину возможно, обратившись к старообрядческим сочинениям и сборникам, составленным в начале XVIII в., в которых нашел отражение подготовительный этап к полемике с официальной Церковью, а также дискуссии в самом старообрядческом движении. К ним относятся в первую очередь так называемые сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам (описание сборника см.: [1; 2]), которые содержат компилятивное сочинение в защиту старых обрядов. Именно это сочинение было использовано старообрядцами при создании Дьяконовых и Поморских ответов. Как установили исследователи, в составлении указанных сборников принимали участие не только представители дьяконова согласия, но и выговцы. Однако остается нерешенным вопрос о роли представителей каждого из согласий в их создании.

Известно, что видную роль при составлении сборников сыграл представитель дьяконова согласия – Тимофей Лысенин. В начале XVIII в. им было написано несколько «Книг». Одна из них, составленная около 1709 г. и содержащая изложение обрядово-догматических взглядов, упоминалась в прениях ветковского старца Феодосия с книжником Тимофеем Лысениным [3]. Эта «Книга» сохранилась только в составе сборника РНБ, собр. Погодина, № 1256¹, в который включено четыре книги, она фигурирует в качестве первой².

«Вторая» книга в составе сборника РНБ, собр. Погодина, № 1256 представляет собой компилятивное сочинение «Собрание от Божественнаго Писания...», посвященное защите двуперстия и сугубой аллилуйи. В качестве «третьей» книги включено другое известное сочинение, принадлежащее перу Тимофея Лысенина – «Сказание вкратце о брани протопопа Аввакума с Феодором дьяконом о вере и о несогласных письмах Аввакумовых...»³. Оно посвящено полемике на Керженце и написано в 1710 г. Последней, «четвертой» книгой из сборника собр. Погодина, № 1256, является «Собрание от Божественного Писания о брдобритии, о нововодных одеяниях...»⁴.

Книги, составленные Тимофеем Лысениным, оказались в центре внимания старообрядцев. Как известно, первая «Книга» послужила одной из причин к «прению» ее автора с ветковским старцем Феодосием. Более того, поп Дмитрий и дьякон Александр давали обещание Феодосию: «...написанную о том мудровании советника их Тимофея Лысенина книгу отыскати и тою книгу принести пред Нижегородских

отец на собор, и в той же книге несогласное и противное мудрование, чтоб до конца истребити» [4, с. 269].

Таким образом, нам известно, что Тимофеем Лысениным в начале XVIII в. было составлено несколько книг, в которых затрагивался широкий круг вопросов, волновавших старообрядчество в этот период. О.К. Беляевой было обнаружено еще три дьяконовских сборника из собрания Егорова⁵, написанных одинаковым почерком, которые, по предположению автора, принадлежали перу Тимофея Лысенина. Однако, по замечанию самого исследователя, тексты сборников, посвященных крестному знамению и аллилуйе, «производят впечатление конспектов, сделанных с компиляции» [2, с. 219]. Между тем этими «Книгами» Тимофея Лысенина старообрядческая рукописная традиция начала XVIII в. не ограничивается. Дополнить наши представления о наследии столь известного старообрядческого книжника, прояснить некоторые вопросы истории создания «Книг», связанных с его именем, позволяет обращение к рукописи, хранящейся в ГПНТБ СО РАН.

В собрании М.Н. Тихомирова под № 529 имеется старообрядческий сборник, время составления которого относится, судя по «черной» и «белой» датам на бумаге⁶, к первой четверти XVIII в.⁷ Этот сборник был назван составителем «Книгой», что совсем неслучайно. Действительно, рукопись начинается с «Оглавления книги сея» и состоит из предисловия и 62 пронумерованных глав. В конце рукописи помещен раздел «О прощении»⁸, где приведена дата ее написания – «в лето 7222 (1714)»⁹.

Особого внимания заслуживает составленное автором «Книги» «Предисловие благочестивому брату и другу искреннему»¹⁰, предваряющее основной текст. В нем говорится, что сочинение было составлено в ответ на обращение к автору со стороны единоверца с просьбой дать обстоятельное изложение «преданий церковных»: «Понеже прошение твое бысть, и возбуждаеш мя еже дати тебе написано, твердое и известное свидетельство от Божественных Писаний о первоначальнейшем христианском и велицем предании церковнем о сложении перстов... К сему же и о прочих церковных преданиях и что лепо есть да творим»¹¹.

Из приведенного ниже фрагмента можно понять, что составитель сборника вел работу по сбору «свидетельств» в книжных хранилищах, адресат «Книги» также имел непосредственное отношение к этому¹²:

⁵ РНБ, собр. Егорова, № 1040; № 1151; № 2030. Описание рукописей см.: [2, с. 213–214].

⁶ Дианова Т.В. Филигрны XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердам». М., Государственный исторический музей. 1998. № 378 (1707, 1715, 1716 гг.). Благодарю за помощь в датировке бумаги научного сотрудника Музея книги ГПНТБ СО РАН А.А. Юдина

⁷ ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529 (4 °, нач. XVIII в., 357 л.)

⁸ Нач.: Трудивыйся в собрании книги сея моллю православных...».

⁹ ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529. Л. 324 (по старой пагинации).

¹⁰ Более детальный анализ предисловия «Книги» из собрания Тихомирова, № 529 см.: [5].

¹¹ ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529. Л. 8.

¹² Кроме того, как свидетельствует источник, лицо, которому было адресовано Предисловие, как и сам составитель, было актив-

¹ РНБ, собр. Погодина, № 1256, 1°, конец XVIII в., 435 л.

² Там же. Л. 1–137.

³ Там же. Л. 300–402. Текст опубликован: Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н.И. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 204–353.

⁴ РНБ, собр. Погодина, № 1256, л. 402–435.

«Понеже твоего ради ко мне усердия и любве нелицемерныя вся сия собрах, и ты мя грубаго подвиг на сицевый труд. Ей твоим убо воистину благодеянием и радением сподобил мя Господь недостойнаго, толикое множество книг видети и брати свободно, и собирать от них о настоящих винах»¹³.

Далее сообщается, что автор для составления своей «Книги» собирал «свидетельства» из древних книг, а сделанные им выписки впоследствии оказались в руках книгохранителей:

«Веси бо и сам киликое сотворил еси тщание и почести книгохранителем честным, и преводчику. Аще бо нецыи [якоже веси] противнии завистницы и препятствие всем сотвориша нам, еже списанная свидетельства о сложении перстов и о прочих. Подали книгохранителем тем честным, они же, видевшие записки мои яко тако и у них в великих книгохранительницах обретома во святых книгах»¹⁴.

Кроме того, говорится, что ни один «книгохранитель» «не порече ми лежу о тех выписках»¹⁵. Несмотря на это, старообрядческий книжник лишился возможности обследовать книжные собрания: «<...>вход же мой в книгохранительницы от тогда затворися»¹⁶.

Похожая ситуация была описана в Послесловии к сборнику подготовительных материалов (РГБ, собр. Егорова, № 1703) (текст Послесловия опубликован: [6, с. 64]). В Предисловии к «Книге» из собрания Тихомирова информация представлена без указания конкретных лиц, но некоторые дополнительные сведения имеются (подробнее см.: [5]).

Анализ содержания «Книги» из собрания Тихомирова дает возможность предположить, что ее составитель использовал все четыре Книги из сборника Погодина № 1256, в том числе вторую, послужившую основой для компилятивного сочинения в защиту двуперстия, дошедшего до нас в сборниках подготовительных материалов. Получить более полное представление о замыслах составителя «Книги» и ее месте в книжной культуре позволяет обращение к основной части рукописи ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529.

Открывают «Книгу» главы, посвященные вопросам, вызвавшим споры между официальной Церковью и старообрядчеством: о перстосложении, сугубой аллилуйе, коленопреклонении в великий пост, избранных псалмах, брадобритии и т.д. В этих главах автор постарался дать оценку изменениям, произошедшим в середине XVII в. в церковной жизни и богослужебной практике, а также попытался опровергнуть антистарообрядческие сочинения второй половины XVII в.

ным участником происходивших в начале XVIII в. прений. Об этом может свидетельствовать следующий фрагмент: «Зде же и аз единого противника правде приведу ти во свидетельство, помниши и сам в лете 7210 (1702. – Н.Т.) егда нашего болшаго единокровника соблазнили нецыи о древних добрых преданиях церковных, тогда он, призвав мудрейшаго некоего в дом наш, учившагося и наукам неким, и потяжал мя пред ним с великим поносом, отвещах тому о многих преданиях» (л. 122).

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁵ Там же. Л. 10 об.

¹⁶ Там же. Л. 12–12 об.

Содержание многих глав «Книги» из собр. Тихомирова перекликается с первой Книгой Тимофея Лысенина из собр. Погодина, № 1256. Так, из «первой» книги в сборник Тихомирова, № 529, вошли полностью или в виде пересказа следующие главы: «О еже искушати духи учения и о разумоборной ереси и о еже с разумом приимати во свидетельство святых Писаний...» (гл. 14), «О еретичех иже прелщают писанием и силогисмами, и како прознати таковыя» (18 гл.), «Проповедовати о правде Божии, а не молчати» (гл. 24), «О умножении ересей в последние времена...» (гл. 25), «О еже како подобает священным кадити» (гл. 51) и т.д.

Однако в состав «Книги» собр. Тихомирова, № 529 было включено значительное количество новых глав, отсутствующих в «книгах» Т. Лысенина из рукописи собр. Погодина, № 1256 (не встречаются ни в одной из четырех «книг»). Приведем названия некоторых из них: глава 2 «О российском благочестии, откуда вера и весь чин церковный взят бысть»; глава 17 «Чесо ради людие в последние времена от веры отступят, и к ересям приступати имут. И еже подобает прочитати часто писание»; глава 18 «О падении римлян и малороссиян, и о разсеянии христиан в гонениях, и о цареградских епископах и о неверных»; глава 19 «О еже не подобает еретических книг прочитати и како лежу еретицы изгоняют истину, и о многих и о многих философех внешних и силогизмах»; глава 22 «О пребывании православных архиереев, и где речено искати учителя до скончания века...»; глава 23 «О похвале православных греков и о неких неистово крестьящихся...» и др.

Дополнительные главы свидетельствуют, что «Книга» из собр. Тихомирова была посвящена более широкому кругу вопросов, чем «первая» «Книга» из собр. Погодина, № 1256. Составитель «Книги» из собрания Тихомирова, № 529, постарался осветить наиболее важные вопросы, волновавшие старообрядчество в начале XVIII в., особое внимание уделил поповскому направлению. Эта «Книга», будучи адресована человеку, приближенному к автору, очевидно и участнику происходивших в начале XVIII в. дискуссий, задумывалась старообрядческим автором, судя по всему, как своего рода руководство, которое бы содержало изложение особенностей вероучения и могло быть использовано с целью просвещения единоверцев.

Совершенно новой оказалась часть «Книги», посвященная полемике с сочинением одного из иерархов официальной церкви – «Розыском о раскольнической, брынской вере...» митрополита Дмитрия Ростовского. Принимая во внимание тот факт, что работа над полемическим сочинением была завершена в 1709 г., в рукописи собр. Тихомирова, № 529 представлена одна из первых попыток староверов составить ответ на известное антистарообрядческое сочинение начала XVIII в.

Полемике с Дмитрием Ростовским посвящены главы «Книги» с 33-й по 57-ю. Составитель сборника постарался ответить на наиболее существенные обвинения против старообрядцев, выдвинутые православным иерархом в «Розыске...». Составитель «Книги» опровергает обвинения автора «Розыска» в «обожествлении» старообрядцами креста, старых икон, в отсутствии церковных таинств, а также утверждение ростовского митрополита о том, что различия между старыми и новыми книгами отсутствуют.

Помимо глав из «первой» Книги в рукопись собр. Тихомирова, № 529 включены фрагменты из других «Книг» Т. Лысенина. Старообрядческим автором использовалось компилятивное сочинение в защиту двуперстия (в сборнике РНБ, собр. Погодина, № 1256 представлено в качестве «второй» книги) при составлении 60-й и 61-й глав «Книги». В них дан подробный перечень аргументов в защиту двуперстия и сугубой аллилуйи («Собрание от Божественного Писания о животворящем кресте Христове...» и «Свидетельства от Святаго Писания о божественной тайне аллилуйи и яко древнее предание церковное божественных отец, еже дважды глаголати аллилуйя»). В «Книге» собр. Тихомирова, № 529 использованы и фрагменты из «третьей» и «четвертой» книг из сборника из собр. Погодина, № 1256.

Составитель «Книги» собр. Тихомирова, № 529 ссылается на пока неизвестное нам «полное собрание»: «И прочая святых тако же запрещают и осуждают брадобритие <...> чти о том в полном собрании в особой книге о брадах»¹⁷. Вероятно, в этом его замечании речь шла о сборнике, составленном в начале XVIII в. В другом фрагменте сборника Тихомирова, № 529, составитель вновь говорит об «особой книге», оставленной у единоверца: «<...> яко же о том особная книга собрана и оставлена у тебе, и zde выше вкратце чти»¹⁸.

В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что составитель «Книги» включил в качестве свидетельств описание старопечатных книг и рукописей, которых нет в компилятивном сочинении и в «Дьяконовых ответах». Следовательно, работая над «Книгой», он использовал не только компилятивное сочинение, но и привлекал вновь обнаруженные свидетельства. Это обстоятельство еще раз демонстрирует ценность старообрядческой «Книги» из собр. Тихомирова, № 529.

«Книгу» из собр. М.Н. Тихомирова отличают основательность, продуманность в освещении широкого круга волновавших старообрядчество проблем. Как было показано, в «Книге» из собр. М.Н. Тихомирова использован материал четырех «Книг», связанных с именем Т. Лысенина. Это обстоятельство, а также другие приведенные ранее аргументы позволяют предположить, что составителем этой «Книги» был Т. Лысенин или человек из его круга.

При этом «Книга» из собр. Тихомирова, № 529 была существенно дополнена: в нее включены новые главы, содержание которых можно характеризовать как полемический ответ на сочинение Д. Ростовского. В рукописи содержится

интересный фактический материал по истории старообрядческого движения начала XVIII в. Все это делает «Книгу» из собр. М.Н. Тихомирова, № 529 ценным источником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шапков А.Т.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (подделка и разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33: Древнерусские литературные памятники. С. 80–87.
2. *Беляева О.К.* Полемические сборники и сочинения старообрядцев дьяконовского согласия (некоторые предварительные замечания) // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 211–226.
3. *Лилеев М.И.* Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII веках. Киев, 1893. С. 1–9.
4. *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. 363 с.
5. *Гурьянова Н.С.* О сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск. 2014. С. 23–41.
6. *Беляева О.К.* Старообрядческая рукописная традиция начала XVIII в. и работа выговских книжников над «Поморскими ответами» // Источники по истории общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 63–69.

REFERENCES

1. *Shashkov A.T.* Maximus the Greek and ideological struggle in Russia in second half of the XVII – early XVIII centuries: (exposing and fake). *TODRL*. Leningrad, 1979, vol. 33: *Drevnerusskie literaturnye pamyatniki*, pp. 80–87. (In Russ.)
2. *Belyaeva O.K.* Polemical collections and writings of Deacon's Old Believers (some preliminary remarks). *Hristianstvo i tserkov v Rossii feodalnogo perioda (materialy)*. Novosibirsk, 1989, pp. 211–226. (In Russ.)
3. *Lileev M.I.* The new materials for the history of the schism in Vetka and in Starodub in the XVII – XVIII centuries. Kiev, 1893, pp. 1 – 9. (In Russ.)
4. *Smirnov P.S.* Disputes and Division in the Russian Schism in the First Quarter of the XVIII Century. SPb., 1909, 363 p. (In Russ.)
5. *Gurianova N.S.* About the collections of preparatory works of the “Deacon's Answers”. *Teksty istochnikov po istorii Rossii i natsionalnaya kulturnaya traditsiya*. Novosibirsk. 2014, pp. 23–41. (In Russ.)
6. *Belyaeva O.K.* Old Believers' manuscript tradition of the beginning of the XVIII century and the work of Vygovsky scribes on “Pomorski answers”. *Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniya perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1986, pp. 63–69. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.02.2016

¹⁷ ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529. Л. 211.

¹⁸ Там же. Л. 243.

Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.

«Есть у революции начало...».

Характерной чертой современного этапа изучения отечественной истории,

начавшегося в 1985 г., стало умолчание или произвольное препарирование российских революций 1905 и 1917 гг. Эти социальные катаклизмы пытаются трансформировать в общественном сознании в бессмысленные и беспощадные бунты, возглавляемые «безродными» маргиналами в лице купленными на немецкие деньги большевиков или жидомасонов. Фактически ученые прекратили их изучать.

На этом безрадостном фоне в условиях приближающегося 100-летнего юбилея событий 1917 г. ситуацию в историческом сообществе взорвало, по моему мнению, монографическое исследование В. И. Козодоя, посвященное анализу жизненного пути и участия в подготовке и осуществлении Февральской революции Александра Ивановича Гучкова (1862–1936), выдающегося российского предпринимателя и политика.

Знающих Виктора Ивановича как известного новосибирского политехнолога и политического деятеля, бывшего депутата городского и областного советов, вице-губернатора подобная метаморфоза может удивить, тем более что докторскую диссертацию он защитил в Москве в 2009 г. по теме «Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.)». И вдруг такой крутой поворот к дореволюционной и революционной России начала XX в. Автор объясняет, что его внимание привлекли элементы сходства революционных потрясений 1905, 1917 и 1991, 1993 гг., прежде всего их «столичный» характер (Петербург, Петроград, Москва), решающее влияние происходивших в столицах событий на общую ситуацию в государстве.

В качестве объекта исследования избирается Петроград последней декады февраля – начала марта 1917 г., а в качестве главного героя историк останавливается на А.И. Гучкове, сыгравшем, по его мнению, «решающую роль в событиях Великой русской революции». Следует заметить, что биография последнего, хотя и изучалась в работах А.Н. Боханова, А.С. Сенина, В.В. Шелохаева, С.В. Куликова, А.Я. Авреха, И.И. Минца, но ее результаты в рецензируемом труде не определяются, а А.И. Гучков с его союзниками, в интерпретации советских историков – в качестве представителей буржуазии, не были и не могли быть движущей силой революции (с. 126–127).

Соответственно в перестроечный и постперестроечный период роль А.И. Гучкова трактовалась крайне искаженно. Так, в энциклопедическом издании, посвященном 70-летию Октябрьской революции, утверждается, что он «во время Февральской революции 1917 вместе с В.В. Шульгиным принимал все меры к спасению царской монархии» [1, с. 127]. В более позднем энциклопедическом издании А. Н. Боханов утверждает: «В конце 1916 – начале 1917 [Гучков] вынашивал планы династического переворота (отречение Николая II

в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича) и создания ответственного перед Думой министерства из либеральных политиков» [2, с. 663]. В другом энциклопедическом издании А.С. Сенин пишет, со ссылкой на свидетельства самого Александра Ивановича, о плане дворцового переворота, разработанном им, Н.В. Некрасовым, М.И. Терещенко, и «таким образом образовалась та группа, которая взяла на себя выполнение этого плана» [3, с. 93].

Тем не менее, на излете советской историографии Февральская революция позиционировалась как стихийно произошедший революционный взрыв, который петроградские большевики направили в организованные ими митинги и собрания, переросшие 27 февраля в вооруженное восстание. «В ходе революционных событий пролетариат Петрограда приступил к созданию Советов рабочих депутатов», но меньшевики и эсеры сумели взять руководство в нем». В ночь на 28 февраля официально объявляется о создании Временного комитета Государственной думы, «который стремился овладеть властью, остановить развитие революции и спасти монархию». 2 марта «большевики предложили создать временное правительство из представителей политических партий, входящих в Совет, но пленум Совета отверг это предложение. В тот же день было образовано буржуазное Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым, правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков» [1, с. 554–556]. Эта лишенная логики и скомпонованная из противоречащих друг другу фактов схема может вызвать сейчас только улыбку.

В противовес вышесказанному В.И. Козодой предлагает свою интерпретацию событий конца февраля – начала марта 1917 г., выдвигая на ключевую роль в них своего героя. Главной методологической проблемой при анализе крупных социальных катаклизмов, на мой взгляд, является сбалансированное выстраивание фактического материала с учетом «весовых» характеристик отдельных фактов в общей палитре событий. Указанный фактор активно используется Виктором Ивановичем. Он руководствуется, на мой взгляд, подходом, сформулированным выдающимся историком русского зарубежья С.П. Мельгуновым: «Пора отказаться от предрассудка, что история будто бы объективна. Это чушь. И объективной истории революции Вы вообще указать мне не сможете. Дело истории лишь не скрывать фактов, а толковать их каждый – по-своему. Только лишь полнотой история отличается от публицистики и критическим подходом к памятному – к воспоминаниям и документам одинаково»¹.

Для реализации поставленной задачи рецензируемое исследование соответствующим образом структурировано. В 12 компактных (не более 20 с.), а поэтому легко воспринимаемых читателем, главах первой части воспроизводится биография А.И. Гучкова с акцентом на его организаторские, политические, мировоззренческие и личностные способности, сочетание в них элементов авантюризма и холодного расчета.

¹ Исторический архив. 2007. № 4. С. 207.

В связи с этим обращает на себя внимание источниковая база книги. Помимо фондов центральных архивохранилищ (ГА РФ, РГИА, РГВИА), в которых отложились материалы, касающиеся деятельности в изучаемый период высших органов государственного управления Российской империи и возникших во время Февральской революции, автором впервые вводится в научный оборот ряд уникальных источников, извлеченных из Российского государственного архива Военно-Морского Флота, государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Большую роль в исследовании играет информация, почерпнутая из, казалось бы, второстепенных повременных изданий правого толка: «Вечернее время», «Земщина», «Русская воля», «Слово правды» и т.п. Поскольку биографический жанр требует постоянной «подпитки» фактами и событиями, подобная информация содержится в изданиях, освещающих повседневную жизнь «со стороны», а не находящаяся в эпицентре событий. Представительную группу источников составляют переизданные недавно мемуары и документы, относящиеся к рассматриваемому периоду, в том числе личные свидетельства самого А.И. Гучкова² [4].

Итак, биографическая составляющая рецензируемого сочинения содержит сведения о бурной жизни героя до 1917 г., избравшегося гласным московской и петербургской городских дум, депутатом III Государственной думы, Государственного совета, руководителем Центрального военно-промышленного комитета, одним из организаторов и лидеров «Союза 17 октября». В.И. Козодой показывает, что, с одной стороны, Александр Иванович стал видным представителем деловой элиты государства и общественно-политическим лидером общероссийского масштаба. Работая в системе органов общественного самоуправления, успешно поднимался по «ступенькам» «Табели о рангах», награждался орденами. Так, в мае 1915 г. производится в действительные статские советники, а 1 января 1916 г. награждается орденом Св. Владимира 3-й степени. То и другое давало выходу из купеческой среды право на потомственное дворянство. Но, с другой стороны, за А.И. Гучковым прочно укрепилась репутация оппозиционера, устанавливается негласное наблюдение (слежка), негативно относились к нему император Николай II и его супруга Александра Федоровна.

В целом первая часть монографии не вызывает у меня каких-либо замечаний, кроме пожелания расширить отдельные эпизоды в биографии героя (учеба в университете, практическая деятельность в ЦВПК, участие в деятельности Государственной думы и Государственного совета).

Девять глав второй части преследуют цель – убедить читателя в том, «что Февраль 1917 года – это не случайное столкновение масс и хаос, а результат четко разработанного плана действий» (с. 240), подготовленного и реализованного под руководством А.И. Гучкова. Посмотрим, как в рецензируемой книге раскрываются основные элементы этого плана и их реализация.

«Великая Русская революция представляла собой организационно-политический и финансовый проект, – декларирует В.И. Козодой, – где важными акторами революции являлись общественные организации. Главным организационно-техническим центром следует считать Централь-

ный военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым» (с. 241). Действительно, в 1916 г. число местных ВПК достигло 240, в том числе 34 в Сибири. Но в ЦВПК и наиболее крупных московском и петроградском комитетах, помимо А.И. Гучкова, работали и другие активные участники Февральской революции: А.А. Бубликов, М.И. Терещенко, М.М. Федоров, Г.А. Крестовников, Г.Е. Львов, М.В. Челноков, А.И. Шингарев и др. Поэтому необходимо доказательно показать роль председателя в деятельности ЦВПК.

«Под «крыло» ЦВПК (А.И. Гучков) было взято руководство рабочим движением России через рабочие группы ЦВПК. Демонстрируя формы тесного сотрудничества и взаимодействия, они активно занимались политической деятельностью (с. 171). Относительно рабочего движения – сильное преувеличение. Рабочие группы появились в меньшей части ВПК (по сведениям В.И. Козодоя, к середине марта 1916 г. они существовали в 21 городе), а там, где их избрали, бездействовали. Так, в Новониколаевске к концу 1916 г. из 10 представителей рабочей группы в местном ВПК осталось лишь трое. На выборы нового состава явилось 22 чел., избравших 10 новых представителей. Но в оставшийся до Февральской революции месяц рабочая группа ВПК «уже не могла сделать чего-либо существенного» [5. С. 221]. Именно Рабочая группа во главе с К.А. Гвоздевым, по утверждению автора, инициировала волнения в Петрограде и организацию Совета рабочих и солдатских депутатов, взявшего на себя роль громоотвода применительно к Временному правительству. Непонятно, почему исполком этого Совета возглавил не Гвоздев, а лидер меньшевистской фракции в Государственной думе Н.С. Чхеидзе.

По версии В.И. Козодоя, осенью 1916 г. А.И. Гучков, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко приступили к организации отстранения от престола Николая II (с. 182). При этом игнорируются такие важные события в деле десакрализации образа монарха, как знаменитое выступление 1 ноября 1916 г. в Государственной думе П.Н. Милюкова, убийство Г. Распутина в декабре того же года. Ну, а дальше 22 февраля 1917 г. император выезжает в Могилев в Ставку. 23-го под руководством рабочей группы ЦВПК в Петрограде начинаются массовые выступления, создается Совет рабочих и солдатских депутатов. 27 февраля вооруженное восстание в столице победило. Одновременно в Государственной думе формируется Временный комитет. Николай II 1 марта выехал из Ставки в Царское Село и «угодил в ловко расставленную ловушку, подготовленную ему А. И. Гучковым» (с. 220), оказался в течение 40 часов изолированным, не получая оперативной информации. В ночь с 1-го на 2-е марта его поезд прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта.

Использованный «втемную» заговорщиками, «не владевший реальной ситуацией» М.В. Родзянко (с. 223) «бомбил» своей информацией генерала М.В. Алексева и других высокопоставленных генералов, в том числе командующего Северным фронтом Н.В. Рузского. Под нажимом военных Николай II 2 марта около 15 часов «принимает для себя возможность отречения от престола» (с. 223). Приехавший поздно вечером (около 22 часов) в Псков А.И. Гучков в сопровождении монархиста В.В. Шульгина окончательно убедил монарха подписать манифест об отречении за себя и за сына (с. 226). Несколько раньше, в Петербурге П.Н. Милюков

² А. И. Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7–10.

в Государственной думе представил кандидатов во Временное правительство, в том числе А.И. Гучкова в качестве военного министра.

Но не все так гладко в предложенной схеме. Я не думаю, что М.В. Родзянко был марионеткой в руках заговорщиков. Он явно вел свою игру и осуществлял связь с военными кругами. Участь императора была решена М.В. Алексеевым и командующими фронтами еще до приезда в Псков А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. И самое главное: руководителем (министром-председателем) первого состава Временного правительства становится не руководитель заговора, а князь Г.Е. Львов, который, кстати, являлся одним из руководителей более массового и авторитетного, чем ЦВПК, Земско-городского союза (Земгора), объединявшего руководителей городских самоуправлений и земских органов России. К тому же, согласно информации самого А.И. Гучкова, в декабре 1916 г. Г.Е. Львов предложил план дворцового переворота³.

Данное обстоятельство ни в коем случае не умаляет результатов предпринятого В. И. Козодоев исследования, которые, как мне представляется, имеют право на существование в качестве научной гипотезы и требуют дальнейшей более

глубокой разработки с привлечением других источников и наработок, в том числе политологических. Автору следует пожелать творческих успехов, а его монографию «Александр Иванович Гучков и Великая русская революция», безусловно, ожидает массовый всплеск внимания специалистов и читателей; она вызовет интерес к событиям почти 100-летней давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. 639 с.
2. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. 688 с.
3. Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. 429 с.
4. А. И. Гучков рассказывает... М., 1993.
5. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978. 293 с.

Д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский*,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

³ Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 212–213.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.